

Учиться нужно не писать, а видеть!

А. Экзюпери

Трафопан № 3(47)-2021

Альманах для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Основатель — Николай Година

Редактор — Александр Мишутин

АВТОРСКИЙ СОВЕТ

Абдуллина З., Белобородова Е., Гаспарян К., Дубровина Н., Калугин В.,
Китаева В., Кухтурский А., Мякушко В., Рудковский М., Ружин В.,
Федосеенкова А., Хрипко П., Шалыгина М.

СТИХИ

Галина Афимова Я знаю, сбудется когда-то.....	5
Валентин Баранов Осени пленительная лёгкость.....	5
Тамара Барейшина Весенний марш.....	7
Алексей Баскаков Откуда-то из памяти накатит.....	7
Маргарита Ерёмченко Сегодня мне гореть огнём.....	8
Григорий Журавлев	
«Евгений Гарин. (из архива) Иронии».....	10
Потеряное время.....	10
Ольга Карпенко Что ж не хватает нам, друзья?.....	11
Константин Клепиков Божий промысел храним.....	12
Елена Кожунова Через время и пространство.....	13
Людмила Куковенкова Вышью по небу слова.....	15
Тулеген Наурзбаев Всю пору долгого ненастья.....	15
Анатолий Омельчук	
Мастерам дзюдо.....	16
И ничего пока не говори.....	16
Лидия Осминина Всё в памяти так зримо.....	17
Иван Плетухин Я давно с этим краем на «ты».....	18

Игорь Полинов	На судьбу понапрасну не сетуя	18
Александр Попов	Настоящее вне строя	19
Людмила Рогачко	Не бывает счастья на продажу.....	20
Татьяна Рубцова		
	«Снова осень закружила...».....	21
Виктор Ружин	Тучка-Всемогушка (сказка).....	21
Михаил Свердлов		
	«Опять не видно звёзд...»	23
Тамара Симовских	Лови счастливые моменты.....	24
Роза Тайгунова	Помолчать, наслаждаясь покоем	24
Тильтан-Лаван	Ни милостыни, ни руки, ни звука	25
Вячеслав Тюнькин	Дерзновенно нарушить основы	26
Александр Фунштейн	Себя к любви всегда готовь	27
Галина Черкасова	Пришла моя осень.....	28
Марина Шалыгина	Подо мною — твердь веков	29
Татьяна Шумакова	Грустят, прощаясь с летом, журавли.....	30
Владимир Яковлев	В окошке свет. И ты уже иной	31

Проза

Валерий Богушев		
	Сила слова	33
Валерий Дивянин		
	Бай-гора (повесть)	34
Лилия Журавлёва		
	Неотправленное письмо.....	41
Александр Кукушкин		
	Два Сашки (роман).....	44
Валерий Мякушко		
	Дом на Советской (повесть)	49
Виктор Ружин		
	Артёмкина радость.....	59
Наталья Сумина		
	Времена года.....	61

Алла Федосееенкова	Приворотные казусы.....	63
Станислав Чиликов	Охотничьи рассказы	69

Мемуары

Людмила Рогачко	Мой старший брат.....	72
Николай Шукшин	Судьбоносная случайность.....	74

Земля моя

Анатолий Кухтурский	Крепость у Крутого Яра	79
Нина Кысса	Деревенская история	80
Николай Таёжный	Места у нас воздушные.....	81

Там — не тут

Наталья Карымова	Путевые заметки о Франции	84
Евгения Матвеева	Три дня в Казани	97

Юмор

Александр Мишутин	Байки о Чекундашке	101
Валерий Мякушко	Не поженимся.....	102
Андрей Смолук	Каждому своё	103
	«Козлятушки-ребятушки...»	104

Пробник

Николай Задорожный

Басни 105

Нина Кысса Для сердца дорогое 105

Ирина Соловьёва Думай больше о хорошем 106

Наталья Челинова Набрала ромашек скромный букет..... 107

Наталья Шишлева Осень улыбнулась на прощанье мне 108

Мнение

Николай Задорожный

И Гоголь такой молодой 109

Станислав Чиликов

Идеология в России..... 111

Детская комната

Елена Кожунова Приходите ко мне в дом..... 113

Анатолий Омельчук Стихи детям..... 113

Валентина Почтарёва Я решил таким остаться..... 114

Бабушкины сказульки 114

Иван Рябов

Шпионский язык..... 116

Александр Яхут

Кто придумал сценарий? (Вовчики) 120

Шпаргалка

Системы рифмовки..... 122

Строфы 124

Разновидности стихотворений 124

Я знаю, сбудется когда-то

О влюблённости

Где слов красивых столько взять,
Чтоб написать мне о любви?
Да не влюбиться вглубь опять
И чувств небесных не явить!

Я получила опыт свой,
И нет уж страсти, красоты,
Одна душа — цветок живой:
Не вянут грёзы и мечты!

В минуту слабости взгрустну,
Что жизнь мне очень дорога!
Ещё я радуюсь в весну,
А лето плавится в огар.

Сама я осень! Не журю:
Остаток чувств нашёл причал,
Я ей живу, она уют!
Рассудок: парус — арсенал.
А страсти пыл? Увы, пропал.

* * *

Любовь как сон — виденье!
Захватит нежность страстью,
Приходит вдохновеньем —
Любую жизнь украсит.

Не избежишь (всевластна)
Всех высших чувств интима,
И умереть не страшно,
Когда всегда любима!

В любви вся ложь убога:
Её поймёшь не сразу,
И грусть придёт — тревога,
«Прощай!» — ты скажешь фразу.

* * *

Мои мечты плуτούν где-то:
Ответ придёт, но долго жду,
Пишу с себя автопортреты
Признаньем честным на ходу.

Не быть Цветаевой Мариной,
И не найдёте в поле грёз:
Меня ведёт своя вершина,
Мне далеко лететь до звёзд.

Среди родных, друзей и близких
Вдруг фаворитка! Как же так?
Не вдохновлялась бытом низким:
Мне ангел подал нужный знак.

Я знаю, сбудется когда-то,
О чём задумала вперёд:
Сверкнут мечты искрой агата,
Став лучшим плюсом для щедрот.

г. Копейск

Валентин Баранов

Осени пленительная лёгкость

Романс № 11

Тебя теряя, гасли зеркала,
Когда ты в вальсе проплывала мимо.
И жизнь моя была и не была,
Как видимость твоя, неуловима.

Я погасал и возгорался весь,
Томясь твоим скольжением по кругу.
Но проносься, внезапная, как весть,
Ты чувств моих раскручивала вьюгу.

Я словно находил и вновь терял
Твоих очей мерцательные взгляды.
И машинально мыслью повторял,
Одни и те же легкие наряды.

Я весь тобою грезил наяву,
И в зеркалах стекло тобой блистало.
А я опять живу и не живу.
И без тебя о жизни помню мало.

И всё, что помню, словно позабыл.
И нет меня и больше быть не может.
И за тобою жизнь моя как пыль.
Но эта пыль теперь ещё дороже.

Осени пленительная лёгкость

Парк извит листопадом, как сон.
Нежен вслух ускользающий шелест.
Над тропинками чуть вознесён,
В лёгком золоте воздух шевелист.

Долго падает взвинченный лист,
Плавный миг продлевая паденьем.
Словно лирики тихий артист
Оживает в конце вдохновеньем.

Парк извит листопадом, как сон,
Только тянется шелеста дленье.
Оттого я сильнее влюблён
В бесконечную мнимость мгновенья.

Можно негу бездумья продлить,
Прошагать по дорожке из щебня.
Давних дум отпустить корабли,
Пусть плывут, коль скитанье волшебю.

Дымно тянется даль в журавлях:
Этой грустью простор истолкован.
Вот и мне бы дойти до нуля,
Чтоб начать возвращение снова.

Парк извит листопадом, как сон,
Весь расшепченный в шёлковый шелест.
Я, как лист, в никуда унесён,
Где легка бесконечности прелесть.

* * *

Я живу на задворках эпохи,
Где Уралом разогнута Русь,
Где берёз заплетаются вздохи
В бесконечную сладкую грусть.

Где озёра весенние тают
По лесам одинокой водой.
Есть мечта. Только я не мечтаю.
Здесь мечтать, пользы нет никакой.

Но в полянах ветра медоносны.
Я краду ароматы, как вор.
Мне скрипят артритичные сосны,
Вековой повторив разговор.

Не горжусь покупными вещами.
Вечной истиной делится лес.
Вот и дух мне Урал очищает,
Где вершинам хватает небес.

А когда вспыхнет вьсь листопадом,
Хлынет вниз золотая река.
Я пойму, что немного и надо —
Слишком жизнь в листопад коротка.

Песня про Челябинск

Где устный шум вдоль улиц шепелявист.
И тишина колеблется волной.
Мне нравится, когда вокруг Челябинск
Пространство веселит передо мной.

И воздуха волнующие струи
Текут с небес по зданиям крутым.
Сверкают с окон солнца поцелуи,
И мы ответом радуемся им.

И лёгок день с утра, как увлечение,
И не страшны невольные дела.
Ведь нас дожждётся вольное мгновенье,
Каким нам жизнь вечерняя мила.

За вечером балет луны пространный,
И нежно звуки исчезают прочь.
И нас любовь волнует неустанно.
Где фонари обдумывают ночь.

Птицы

Словно птицы, мы падаем замертво.
Потому что лишь птица поэт.
Блюз души заменяют параметры,
Поделённых на пункты анкет.

Вам анкеты меня не советуют:
Я давно не богат и не юн.
Нет в вопросах, оформленных сметую,
Ничего из тоскующих струн.

Ничего от луны замиранья,
Чтоб в полянах пространства янтарь
Красотой уводил вас заранее
На доступный лишь грёзам алтарь.

Ничего о любви как нашествии
Чувств с неведомых прежде вершин.
Нежность тоже ведь вид сумасшествия,
Шевеленье шептанной души.

Ни на что за раздумьем не сетую,
И за счастьем давно не гонюся.
Вам анкеты меня не советуют.
Ведь они не советуют блюз.

* * *

Когда ты шла по берегу одна
И за собою уводила взгляды,
Пока вдали ещё была видна,
Ты горьких вздохов оставляла яды.

Когда ты шла по берегу, я ждал
Ещё твоих волнующих движений,
Где бёдер ускользящий овал,
Был слаще всех минувших представлений

О красоте и, кажется, ещё
О чём-то, никогда не постижимом,
Чем этот мир мечтательно польщён,
Об этом, вечно проходящем мимо.

Когда ты шла по берегу, когда
Неточно что-то называл любовью.
И молодость напрасно прогадал,
Мечты одной поддавшись предисловью.

* * *

В небесах, не имея преград,
Над Каслями растёт снегопад.
Он бессильный покой воцарит,
Он навек городок растворит.

Бесконечности гость — снегопад:
Ни вперёд не летит, ни назад.
Всё пройдёт и останется лишь
Праздных дум одинокая тишь.

Снегопад в шевеленном бреду
Нежит голые ветки в саду.
Словно жизнью является им
Бесконечности снежистый дым.

Я теперь затеряюсь в пути
В сладком воздухе, словно в меду.
Всё равно, куда буду идти,
Всё равно, что теряя, найду.

Я войду в бесконечность, как в сад,
Я небесной бескрайности рад.
Где снежинки летят, обновив
Тишины позабытый мотив.

г. Касли

Тамара Барейшина

Весенний марш

* * *

Просыпайся, вставай!
Солнце поднялось.
Разбросало лучи
Прямо, вкривь и вкось.
И купается в лучах
Каждый лепесток.
Хорошо, что окно
Смотрит на восток.
Наступленью весны
Рады стар и мал.
И по стенке моей
«Зайчик» пробежал.
Интересно коту —
Прыгнул на кровать.
Очень нравится ему
С «зайчиком» играть.

* * *

Ох, как в космос мне хочется;
На Луну полететь;
Посадить в землю зёрнышко
И, как всходит, смотреть.

Можно там, в невесомости,
На весы не глядеть.
Есть пирожное, сладости —
И худеть, и худеть.

Пролетая Юпитер,
Я б взялась за кольцо.
Будет красной планета,
Словно в пасху яйцо.

Полетаю я месяц
И на Землю вернусь.
Я люблю свою Родину
И Россией горжусь!

г. Пласт

Алексей Баскаков

Откуда-то из памяти накатит

Март в Херсонесе

Волны колышет мерно,
прежде в груди стучало.
Кто в этом Мире первым
слушал его сначала?
В каждой волны атаке,
в грохоте брызг рассеянных —
память камней Итаки,
песня об Одиссее.
Вера была прекрасна
в силу богов античных.

Не был секс безопасным,
люди — харизматичны.
Зная судьбу, не страшно
ждать своего Харона.
С берега — камнем пращным!
Пусть, если что, хоронят
От суеты и горя,
в шок погрузив прохожих!
Сердце мое и море —
это одно и то же...

Возвращение

Возвращайся! Мы вместе пройдем по нему,
по брусчатке, хранящей истории Грина...
Наши узкие улицы неповторимы,
раз увидев — уже не забыть никому!

Тополями и волнами тихо шурша,
Он окутает нас, начиная с вокзала,
позаботится город, чтоб ты отдыхала,
чтобы здесь навсегда оставалась душа.

Белокаменный летом и серый зимой,
Он иссечен ветрами с частичками соли.
Расцветает миндаль парусами Ассолы,
И апрель — как корабль, заходящий домой.

Карантинная бухта

Наше море! Помнится из детства:
В Херсонес полдня в жару пилить.
И с Серёжкой, жившим по соседству,
Мы решили бухту переплыть.
Уставали слабые руки,
Попадала в лёгкие вода.
Погружаясь, вдруг услышал звуки...
Слышал я из прошлого тогда
Шум волны, шуршанье белой пены,
Из зелёной мутной глубины
Пение зовущее сирены,
Музыку исчезнувшей страны.
В Херсонес из бухты Карантинной
что тут плыть — разок махнуть рукой!
Странно только: в жизни этой длинной
Я не слышал музыки такой.

Пляж Песочный

Разорвана с землею пуповина.
Подняв траву и мидии со дна,
От берега меня толкает в спину
Навстречу приключениям волна.

Забыты старый пирс и ржавый катер.
Над глубиной зеленой — чаек крик.
Откуда-то из памяти накатит:
Большая рыба, море и Старик.

В своих многоэтажках мы бездомны,
Желаний бремя, приземленный быт...
Но сверху мир — по-прежнему огромный
И ветер над «высотками» свистит!

Наш голос меж машинами не слышен,
В скелетах — меньше кальция на треть...
Чем мы над суетой мирскою выше,
Тем меньше мы торопимся стареть.

В байдарке

Возник не на земле, не на воде,
Тянулась за фундаментом трава.
Мы даже не могли предвидеть, где
Сойдет на берег Нерли — Покрова.
Причалит, как космический челнок,
Опустится в намеченный квадрат...
Скребли кусты байдарки нашей дно
Апрельским утром сорок лет назад.

*

И мы когда-то побросали весла,
Завидев над водой плывущий Храм.
Последние предутренние звезды,
В тумане тонут, не доставшись нам.
Байдарки, Нерль, экзамены, походы,
Ночной костер — всё также нам близки.
Счастливые студенческие годы —
Как остров за излучиной реки.

г. Касли

Маргарита Ерёмченко

Сегодня мне гореть огнём

***

Ирине Греховой

Я говорю тебе: похоже, нынче ночь,
хоть женщины не спят и тяжело мужчинам.
Мне снилось: у тебя, возможно, будет дочь,
похожа на тебя — вкус губ черешни винной.
В такие времена, мне кажется, одно —
что двадцать первый век, что римляне
и греки —

лишь женщина стоит — и правдой, и виной —
ступает по воде — и верная навеки.
И два своих крыла огромных бережет,
и примеряет их задумчиво на спину.
И верит: сыновья продолжат твой полет.
И будет новый день как вкус черешни винной.

* * *

Не ждать тебя. И до потери зренья
не замечать, как падает листва,
как множатся — из света и сомненья —
слова.
Как твои руки в воздухе хрустальном
прочертят угловатый полукруг,
как ты закуришь сладко и печально
и вдруг
очнёшься, на мгновение припомнив,
большое лето и глаза мои,
в гортани захлебнувшиеся волны
любви.

* * *

Сегодня мне гореть огнём
и разливаться соловьями
твоими страшными садами
горячим снегом и дождём.
Без палева сиять в тебе,
сглаз отводить, любую бабу
с ума сводить так, будто правда
свербит, как ранка на губе.
Навеки взгляд не отрывать,
как от асфальта шеститонник.
Ты в голубых моих утонешь,
а мне — в зелёных умирать.

* * *

Вот это: лёгкая ладонь,
как незаметный плеск приборя —
какую клеточку ни тронь,
а всё равно выходит — двое.
Невероятней от того,
что в тьме не разглядишь простого —
молчанье длится одного
нераспечатанного слова.
Молчанье стелется как степь,
и кружится по-над землёю —
как птицы в снежной темноте
летят по двое.

* * *

А говорят, так не бывает, что вы! —
что оба до озноба влюблены.
До каменного белого озноба.
Как мы.
И эта нежность белый камень точит
и расправляет страшные сады —
в такие неприятельские ночи
беды
не жди. Поскольку мы должны друг другу
полцарства света и горящих звёзд.
Как минимум — протянутую руку
и поцелуй в мороз.

* * *

Я научилась не плакать. Я научилась не греть.
Я научилась раз в день умирать с перепиской.
Я научилась не верить и людям в глаза не смотреть,
Я научилась, как ты, уходить по-английски.
Я научилась смеяться, когда мне совсем не смешно,
я научилась... Бог знает, чему научилась!
Я научилась быть лишним твоим ребром,
лишним крылом твоим, солнцем или светилом...
Я на крыло становлюсь, а наши дороги в снегу,
плотно укрыто всё, о чем думал и помнил;
трогаешь мёртвые лица, я без тебя не могу,
я без тебя истекаю дождём и любовью.
Словно венозная кровь, она знает свой путь на просвет:
так я иду здесь во тьме обманувшейся бабой,
губы кусая — за твой полуночный «привет»
всё отдала бы.

* * *

А помнишь одну из тех взрослых больших ночей,
когда гладишь родинки/шрамы на тёплом его плече,
когда прямо с порога ныряешь: соскучился...
Я пришла... (Даже обуви летней — куда там! — одежды, и все дела —
нет.) А уже по всей коже пылает его горячо,
уже волосы с небом сплетаются, губы горят ещё,
уже сказка / не сказка — лето — девочка, мальчик — май,
загадай мне с тобой быть подольше, почаще бы... загадай...
и такое сокровище утром несёшь в груди.
расплескать боишься и сглазить «Не уходи!»

и до сладкой боли под ложечкой, до напряжения жил
шепчешь: «Господи, как я не умер от счастья, как это всё пережил?..»

* * *

Ну вот, хорошо. Ты можешь не отвечать
На это «люблю». Давай про земные приметы
Такого-то города, года... и чтоб не скучать
Давай лучше сам расскажи мне, любимый, об этом.
Какая заноза сидит в твоём сердце — не смог?
Она не смогла — родить тебе в тридцать ребенка?
Какая-то облачность, дым или розовый смог
Над городом Че, эта музыка громко и звонко.
Что делать там в тридцать — забить и купить сноуборд?
Что делать за тридцать — все куплено, но не хватает
Полслова до нежности, денег на перелёт
В Абхазию, Турцию, Сочи...Какая тупая
Дурацкая в общем тоска по глубокой воде,
По слову простому и долгим улыбчивым взглядам...
Какая нездешняя жизнь в одичалой езде
Рядом.

г. Касли

Григорий Журавлев

«Евгений Гарин. (из архива) Иронии»

Потеряное время

1

Ночной портье, скажите мне,
В чем я повинен, нет жизни совсем.
Когда
Твой друг уходит вдруг,
Не сообщает о себе,
И где его искать.
Из-за чего случилось.
О чем теперь мечтать.
И к морю я спешу
Теперь один.
Я сообщаю вам
На всякий случай.
И вечер тот мне не забыть.
Слова её, что нет.
Руки на плечи...

2

Париж. Осень.
Разные лица летят туда.
Зачем?
Просто смотреть страну.
И эта классная фраза:
«И умереть потом...» Потому
Туда летим и едем».

Зачем у портье я купил портмоне?
Или показалось мне, что я купил?
У портье портмоне...
Так, между прочим.
У них магазин такой, ночной.
Пригодилось.

Точно.
А сердце сжалось.
Сон — оказалось.

Мне приснился такой сон.
И все же
К чему,
К какому дню мне приснился
Такой сон?
А наяву, смотрю — мир.
Я смотрю, все вокруг
Расцвело.
Не было снега.
Я прилетел к ноябрю. Оказалось,
Я сплю. Странно.

3

Ночной портье,
Вы поможете мне найти
Ту, с которой расстались.
Растаяла та, с которой расстались.
Не я.
Словно туман у реки.
И песком сквозь пальцы руки.
Ночной портье, она рядом была.
Вы стояли тогда у стойки,
Она рядом была,
Улыбнулась она и растаяла.
Странно,
Исчезла совсем. Она.

У моря плещется о берег
Волна.

У моря
Не волен я.
Но вот беда:
Моя мечта, стуча каблучками,
Шла —
Вдруг
И её не стало.

Понимал ли портье
Для чего у него я купил портмоне?
Удивительный сон.
Это странно открылось.
Я сказал: этот сон
Увидел три раза...
Эх, Париж,
Ты, Париж.
Мы мечтали не раз посетить.
И умереть.
Умирать.
И здесь жить.
Я съзвиль.
Что не так,
Да, не так, мой чердак в пыли.
Патине и плесени.

Я хотел.
Я хотел целый список всего.
Мой типаж,
Как мираж, на далеких снегах,
Или краткой весной,
Или летом чуть-чуть.
Занят делом своим.
Огородом ещё, и совсем далеко
От меня мой типаж удивительный
Растворилась в снегах.
Это странный купаж.
Шоколадный этаж.

Шоколадный музей.
Шоколад как заказ
Очень сладостных дней.

4

Ночной портье,
Вы мне сразу скажите,
Если увидите огромные её глаза.
Улыбку.
Изгиб её прекрасных рук.
Она плыла
В вечерний час.
Автомобиль вела.
И пела тихо.
Мне сердце жгла.
Не обещала встреч.
Портье, вы поможете мне...

А море...
Я смогу вернуться,
У моря
Услышав голос твой,
Дышать тобой.
И песни для тебя,
Мечта моя, изволь.
Но вот беда.
Париж, Париж, стой.
Не твой
И умереть тогда,
Но где и как, не знаю.

Ночной портье,
Вы поможете мне,
Но когда
И где,
Я не знаю...

г. Москва

Ольга Карпенко

Что ж не хватает нам, друзья?

Оглянись

Уходят те, кто рядом был,
Жизнь словно зыбкий сон,
Кто дорог сердцу, кто не мил —
Не всё ль теперь равно?

Кто звёзды с неба доставал —
И просто мирно жил,
Кто ненавистью очерствлял —
И преданно дружил.

Уходят все... уйду и я,
Покинем милый край.
Что ж не хватает нам, друзья? —
Спрошу я невзначай.

Что делим, опустив глаза?
Ведь что отдал — твоё.
Зачем молчим, когда нельзя,
Некстати — словом бьём?

На то, что сделал невпопад,
Один махнёт рукой.
Другой вину исправить рад,
Не по нему покой.

Мы разные, но в том и соль:
Друг друга дополнять,
Делить и радости, и боль,
Добро преумножать.

Не торопись друзей терять,
Наш мир — всего лишь миг.
Чем в чём-то мелком уличать,
Ты руку протяни.

Пусть оступился человек,
Забудь, прости, пойми,
В наш бранный суетливый век
Таким, как есть, прими.

Чтобы потом не пожалеть,
Что мимо шёл вперёд,
Пока не поздно оглянись,
Придёт такой черёд,

Когда ничем уж не помочь,
Руки не протянуть,
Раскаянья не превозмочь
И друга не вернуть.

Флейта на теплоходе

Что может быть прекраснее на белом свете,
Чем отдаваясь музе, солнцу и реке,
Раскинув руки, загорая, слушать флейту
На теплоходе от заботы вдалеке?

Под эти звуки выше и синее небо,
Белее облака и ласковей ветра,
Охватывает душу трогательный трепет —
И стих плывёт от лёгкости пера.

Играй, подобная волне прозрачной флейта,
Звук нежен, словно дуновенье ветерка.
Мелодией чудесных грёз воспеты,
Взмывают мысли, словно чайки, в облака.

Возвышенным, классическим звучаньем
Лаская слух, любовью покори,
Озолоти божественным сияньем
Лучи янтарной солнечной зари!..

Красавец белый теплоход за дымкой тает.
Мелодией волнуя и пленяя вслед,
Поёт волшебная чарующая флейта,
Мгновений для души светлей и слаще нет!

О Скрипка!

В ней всё величество, изящество и гибкость,
С ней всё сверкает, льётся, плачет и парит.
О Истое Высочество и Совершенство — Скрипка,
Своею чистотой одна лишь с Богом говорит.

А нам душою нежности коснуться робко,
Небесное и тонкое светло объять,
И слушать, как пронзительно играет скрипка,
С ней счастье — плакать и страдать, любить и умирать.

Сердца Амати, Страдивари и Гварнери
Запечатлели гениальный инструмент —
Подобие зари, ветров и соловьиной трели,
Любви, неведомых миров и вечности секрет.

Природа формы совершенно лепит,
Есть формы сердца, роз и звездного ковша,
И если можно душу созерцать на белом свете,
То, несомненно, в форме скрипки видится душа.

г. Челябинск

Константин Клепиков

Божий промысел храним

Махаон

Славная бабочка Махаон
Опустилась на руку ко мне,
Я сегодня — Наполеон,
И опять готовлюсь к войне.
Эта битва будет страшна
И опасна для всех вокруг:
Опрокинется тишина,
И накроет её гиперзвук.

Распростёртые крылья ракет
Распугают уставших ворон;
Разорвутся страницы газет,
С чёрной надписью Армагеддон.
Заклокочет утроба Земли,
Захрипит Мировой океан,
Кто-то крикнет: «Спаси!» на Бали —
И накроет волной Магадан...
Что-то жуткое произойдёт
С нами всеми и каждым из нас,

Кто-то в сене иголку найдёт,
И заплачет Спасаящий Спас...
Это будет начало конца,
Завершенье прошедших времён.
Я прошу: не казните гонца.
Улетай поскорей, Махаон...

* * *

Земляничные поляны
И черничные луга,
Я брожу сегодня пьяный,
Грустный в поисках себя...
Веет ветер по просторам,
Робко листья шелестят,
В глубине речных затонов
Рыбы скользкие стоят.
Вся природа в ожиданье
Перемен и красоты.
Не хватает осознания,
Этой чудной простоты.
Мир устроен по законам,
По понятиям земным,
Колокольным перезвоном,
Божий промысел храним...
Вот иду и улыбаюсь,
Мой порыв неудержим,
Сам себя спасти пытаюсь,
Я — «над пропастью во ржи»...

Молитва

Постарел, поседел,
Позабыл о прошедшем;
К небу руки воздел —
Городской сумасшедший...

Я живу не тужу,
Несмотря на обиды,
А людей не сужу —
Упускаю из вида...
По дорогам брожу,
Обнимаю деревья;
К небу, словно к врачу,
Обращаю моления.
На меня посмотри,
Дай надежду и волю:
Если сможешь, верни
Богом данную долю...
Чтоб огонь не погас,
Где набраться терпенья?
Помолчу целый час,
Опущусь на колени ...
Сам с собой говорю,
Улыбаюсь нелепо...
Как я жизнь проживу?
Уж скорее бы... лето.

* * *

Распустился ковыль на ветру,
Как лохматые гривы коней,
Я по травам цветущим бреду,
Забывая о сути вещей...
Погружаюсь в любви аромат
Непонятный и потому —
Солнце движется на закат,
Опускаясь лучами к ручью,
Где шиповник колючий расцвёл,
Привлекая на запах к себе
Полосатых и жалящих пчёл
Подлетающих навеселе.
Очень сложно всё это понять,
Если сердце твоё далеко,
Надо просто душою принять
Этот мир и дышать глубоко.

п. Увельский

Елена Кожунова

Через время и пространство

Ива рвётся на ветру

Ива рвётся на ветру
Парусником тонким.
Я свободу дам перу.
Чувств своих обломки

Соберу, сожму в кулак,
Положу под сердце.
Время тикает: тик-так...
Никуда не деться.

Вот и осень подошла,
Ветер гнёт деревья.
Стонет ивушки душа,
Знаю я, поверь мне.

Осень — листьев круговерть,
Золотая вьюга;
Распахнула в душу дверь,
Давняя подруга.

Соберу стихи в ладонь,
Положу под сердце,
Пусть горит в душе огонь...
Только б не обжечься.

В. Высоцкому

До предела натянуты струны.
Ты, поднявшись на сцену, сказал,
Прошептал: «Я живой, я не умер,
Просто, видно, немного устал.

Утомил опалённую душу,
Голос, сердце своё надорвал.
Не сумел быть смиренно послушным,
Ото лжи, лицемерья устал».

Я тебя понимаю, Володя.
Ты горел, а не жил, всё спешил,
Сочиняя стихи не по моде,
А по зову свободной души.

Шёл вперёд по нехоженным тропам
К непокорной крутой высоте,
Презирая чиновников ропот,
К сокровенной и дерзкой мечте.

Словно нервы гитарные струны...
Голос, близкий до боли, запел,
Прохрипел: «Я живой, я не умер,
Я так много сказать не успел.

Я спую вам однажды, ребята,
И про горы, где я не бывал,
Про рассветы в раю и закаты,
Но сейчас мне пора на вокзал.

Жизни ход мы не в силах замедлить,
Струны дрогнули, будто узда.
Видишь, скачет мой конь привередлив,
Обогнать норовит поезда...»

Вечный странник

За холмом за тем высоким
Простираются луга.
Вечный странник одинокий
Дом покинул навсегда
И теперь бредёт по свету
В неизвестность, в пустоту,
И зимой, и знойным летом,
Слыша сердца лишь мечту.
Через время и пространство,
Всем сомненьям вопреки,

Повинуясь ветру странствий
И течению реки,
Что спешит от века к веку,
Замыкая жизни круг.
Неподвластен человеку
Одиночества недуг.
Над холмом с небес высоких
Одинокая звезда
Освещает путь нелёгкий,
Бесконечный, в никуда...

Растаявшие мечты

Падал снег, и в тёплые ладони
Мы ловили белые мечты,
Маленьких снежат... Потом в вагоне
Мчались в неизвестность я и ты,

В тот далёкий, взрослый, странный город,
Где мечтаньям места не найти.
Только помню: на твоей ладони —
Капельки растаявшей мечты...

Прочь, печаль моя, кручинушка

Прочь, печаль моя, кручинушка,
Уходи, да поскорей.
Ты меня, судьба-судьбинушка,
Приголубь да обогрей.
Сбереги от злого горюшка,
От лихих людей и бед,
Счастья дай, свободы-волюшки,
И любви на много лет.
Ну а тот, кто напророчен мне,
Путь-дорожку чтоб нашёл,
К моему порогу отчему
Тёмной ночью пришёл.
У окна зажгу лучинку я,
Буду думать-ворожить,
Над извиистой тропинкою
Малой пташкою кружить.
Милый друг уже торопится,
Сердце вещее зовёт.
Что судьбою напророчится —
Обязательно придёт.

г. Челябинск

Вышью по небу слова

В родной дом...

Тучи задвину в сторонку
И засучив рукава,
Нитью лазуревой, тонкой,
Вышью по небу слова.

Словно шальная девчонка,
С ветром в ночи постою,
И от души песню звонко
Про казаков запою.

Так закружусь листопадом,
Ласточкой, сойкой, дроздом,
Чтобы когда-то обратно
Вдруг... прилететь в родной дом!

Стонет земля...

Лес горит... не горит — полыхает,
языки пламени вверх поднимая.
Стон и треск на кудрявых берёзах,
плач осин, сосен, трав на покосах.

Задыхаясь в дыму ядовитом,
зверь бежит, в кровь копыта разбиты;
Птица камнем упала в болото,
Всё... и не видно её полёта.
Клонится ива, ветвь подавая.
Сама запылала — вся огневая,
Писк от малых зверушек да мышей,
с ветром плач стоит, не как у людей.
Веселится огонь, увлекая,
в глубь лесную язык свой пуская,
Ох, стонет матушка наша Земля,
От беды той, от большого огня!

Потерялась в тебе

Посмотрю я в глаза той гадалке судьбе,
У которой тогда потерялась в тебе;
Зачерпнула горстям и жар, и любовь,
И, поверь, захотелось ещё вновь и вновь.
Мне не стыдно, не больно в глаза ей смотреть.
Я ресницы сомкну, чтобы снова сгореть;
С жаром страсти, любви... отпущу удила,
А потом — кудри в хвост соберу и пошла.

г. Троицк

Тулеген Наурзбаев

Всю пору долгого ненастья

* * *

Сбежав от шума, мести и молвы,
Начну с себя я разбираться,
Чтоб мне искусству реставраций
Подвергнуть храм единственной
любви.

Словесный яд из злобных
лился уст,
Душил, верёвкой увитый,
Но я, тобою не забытый,
Любовью мог рассеять эту грусть.
Одним вином утешиться порой
Случалось нам с тобой напрасно,
Оно казалось кровью красной
Сердец, залитых до краёв тоской.
Трезвели мы, но было всё не так.
Пути к тебе терялись в лета
Словами песен непропетых,
И в грудь мою стучал
вечерний мрак,
Затмив мерцанье звёзд
над головой,

Где наше счастье в час разлуки
Не смог сберечь. Любовь и муки
Открыл сегодня вновь перед тобой,
Чтоб захотеть и вправду дорожить
Судьбой под звуки бурь и счастье.
Всю пору долгого ненастья —
Дано нам было это пережить

Первые и прочие

Один живет в богатстве,
Предав союз и братство.

Другой вполне привычно
Народ ограбил лично.

О месте в Думе третий —
Сидеть до самой смерти.

А что же делать прочим?
Гнать в шею первых — срочно!

г. Троицк

Анатолий Омельчук

Мастерам дзюдо

* * *

Склоняю голову перед вами,
Я слышу стук ваших сердец.
Ведь каждый из вас на татами
Победу ковал, как кузнец.

Кривенко Борису

Скажу тебе, Кривенко Боря:
«Особо в жизни не криви.
Она и так полна раздоров,
Нам хочется пожить в любви».

Вячеславу Попову

Ты был борцом не из последних,
И никому не уступал.
Благодаря броску «передней»
Ты вдруг звездой яркой стал.

Борису Шунькину

Он на татами артистично
Свои приёмы проводил.
И если честно, то я лично
В борьбе его боготворил.

Красивы все его движенья,
Они естественны, легки;
Ловил он нужные мгновенья
И делал классные броски.

Приёмы были — не от печки,
А ремесло он чётко знал.
Но вот «японскую подсечку»
Он больше всех предпочитал.

Александрю Миллеру

Здоровья тебе, Саша Миллер!
Прими дружелюбный привет!
И если б живой был бы Шиллер,
То он бы сказал: «Ты поэт!»

Такого мы раньше не знали:
Ценой титанических сил
Ты три золотые медали
Отчизне любимой добыл.

И ничего пока не говори

Слова

Слова бывают добрые вначале,
И трудно сущность их предугадать.
Они, как змеи, могут вдруг ужалить,
Или по-женски лаской воспылать.

Они порой нежны, весьма тактичны,
От них кружится даже голова.
Я ей сказал: «Мадам, вы симпатичны,
Хотя уже двенадцать лет вдова».

Во фраке ли они, в другом обличье —
Всех сокрушает слава и почет.
Они гордятся родовым величием,
Преследуя карьеру и расчёт.

Не говори мне слов особо льстивых,
И ничего пока не говори.
Мы счастливы, что в этом мире живы,
И по росе гуляем до зари.

Тону

Тону во сне, кричу: «Спасите!»
Любимую на помощь жду.
Но та — с презреньем: «Не шумите,
И близко к вам не подойду!»

Пытаюсь берега коснуться,
Ну, поспеши скорей ко мне.
Так я могу и захлебнуться
И вечно пролежать на дне.

Я ранним утром вдруг проснулся,
Щебечут птицы в тишине,
Жене невольно улыбнулся,
Спросил: «Что видела во сне?»

Встреча

В толпе тебя увидел суетной:
Как королева, мимо проходила.
Во всей красе предстала предо мной;
Мне не забыть, как страстно ты любила.

Душа поёт

А в небе тучи всё маячат,
На землю ливень сильный льёт,
Но это ничего не значит,
Когда душа моя поёт.

Необычный

Я гражданин, как все, типичный,
Без выдающихся заслуг.
Зато в душе я необычный
И для тебя надёжный друг.

Глаза

В глаза твои я окунулся
И понял, что тону я вдруг.
И чтобы я не захлебнулся,
Бросай спасательный мне круг.

г. Челябинск

Людия Осмичина

Всё в памяти так зримо

Гараськина вершина

Гараськина вершина,
Наш милый уголок,
Где на холмах долины
Раскинулся лесок.

Взойдёшь на холм, бывало —
Лес взором не объять.
Живущим крышей стал он;
Для сердца — благодать.

С весны манила зелень:
С горчинкой лук, чеснок;
С кислинкой щавель ели,
Бывало, с ноготок.

Как ягода поспела —
Всяк насладиться мог!
Душа от счастья пела,
Шли, не жалея ног,

Уставшие от жажды,
По тропке напрямик
Туда, где не однажды
Спасал водой родник.

Смолкая, упивались,
Причудам тем дивясь:
Как струйки вырывались
Вверх хрусталём клубясь.

Внизу холма под кручей
Бурлит родник в тени —
Черёмухи пахучей,
Душе моей сродни.

Гараськина вершина —
Наш райский уголок.
Всё в памяти так зримо:
По тропочке игриво
Спешим опять в лесок.

Грачи прилетели

Рано утром прилетели—
Слышен жалобный их крик.
На сквозных берёзах сели
Возле гнёзд, затихли вмиг.

Торопясь домой, летели,
Отдыхали по ночам...
Не встречают их капли.
Чем помочь теперь грачам?!

В ночь нагрянули морозы,
А вчера была капель.
Выбивает ветер слёзы—
Пусть мороз, но не теперь!

Стынут белые берёзы,
Снег вокруг ещё лежит.
От весны остались грёзы,
Лишь душа моя дрожит.

...Потеплело, вновь вернулись,
Сев по гнёздам тут и там.
Шумно крыльями взмахнули,
Слышен их весёлый гам!

г. Пласт

Иван Плетухин**Я давно с этим краем на «ТЫ»**

Величие и красота

Мне уральские горы как милость,
С ними я постоянно в ладу;
И сегодня дорога приснилась,
По которой я в горы иду.

Поднимаюсь всё выше и выше
К облакам, где доступней обзор,
Там, где ветер прохладой дышит
И слышнее земли разговор.

Наблюдаю, как в горной долине,
Не меняя привычный маршрут,
Бесконечным потоком машины
По крутым перевалам ползут.

А вот тут, среди скал, под землёю,
Без привычных положенных квот
Рукотворною мощной рекою
Нефть Тюмени на запад течёт.

А пониже, от речки направо,
Где по пояс зелёный покров,
Мужики косят сочную траву
Для кормления личных коров.

Тонет в мареве хвост электрички,
Промелькнувшей в просвете лесов,
И тревожно идёт переключка
Потерявшихся в них грибников.

В пойме речки работает драга,
Скрипом шнеков пугая рассвет,
А по небу — на синей бумаге —
Тает медленно контурный след.

Я лечу над горами по-птичьи,
Я давно с этим краем на «ты».
Хорошо восторгаться величием,
Красотой этих мест с высоты.

Мой земной овал

А я всегда любил овал,
Он меня с детства выручал.
Мне видится издалека,
Как ночью матери рука
Искала колыбель мою
И пела: «Баюшки-баю».
А подо мной резной овал
Меня под песенку качал,
Чтоб я быстрее в жизни рос
Под шум есенинских берёз.

И я подрос и возмужал,
Увидел свой родной причал,
Своих друзей, отца и мать;
Стал по-другому понимать:
Язык полей, размах лесов
И красоту обычных слов.

Пришла любовь, как и у всех,
Не для забавы и утех;
Она всегда, как сладкий дым,
Присуща больше молодым.
И я взасос расцеловал
Её лицо, груди овал
И утонул на много дней
В горниле золотых цепей.

Я заглянул за горизонт,
И понял, чем живёт народ,
Чем он болеет, что он ест
И что в его запасах есть.
Я примостился в общий ряд,
Чтоб дальше вместе с ним шагать:
И вместе есть, на свадьбах быть,
России-матушке служить,
И горе, как и свой успех,
И смех, и грех делить на всех.

п. Новосинеглазово

Игорь Полчнов**На судьбу понапрасну не сетуюя**

Хмельная осень

Ржавая осень. — эх, рыжая пьянь! —
Деревья до нитки раздела.
Спрятала поле под чёрную ткань
И вместе с калиной зардела.

Ветки рябин докрасна напоив,
С ветрами кружилась, шальная...

Слышен был звонкий знакомый мотив —
Смеялась ведунья хмельная.

К вечеру стихла, в лабазник¹ свернув.
Река закурилась туманом.
В том кураже, пряный воздух вдохнув,
Осенним я брежу дурманом.

¹ Лабазник — род многолетних трав семейства Розовые.

Стретто

Тихо прикрыв дверь пустой квартиры,
Я свой выгуливаю артрит.
Стиль — кэжуал¹, «фрак» до дыр застиран,
Шаг западает, ботинок скрип.

Вторят им петли калитки старой,
Жёсткий, закушенных абрис губ,
Дым сигаретный пропитан шварой²,
Небо упало, коснулось труб.

Стустки иона на ветках свисших.
В городе перед дождём парит,
В мареве капли сочатся вишен,
Воздух прогрел золотой софит.

Груши уже отлюбило лето,
Падают спелым овалом вниз.
Им, как и мне уготовано, стретто³,
Августа это некий капрыз.

Данность

На путях станционных простуженных,
Собирал из вагонов состав,
Не пустых, максимально загруженных,
Тормоза на листе рассчитав.

По стеклу ручейками тягучими,
Отражаясь, ползла тихо ночь.
Хмурил бровь вместе с серыми тучами,
(да об этом ли стоит толочь)...

На судьбу понапрасну не сетуя
Среди будничных дней и ночей,
Никому ничего не советуя,
Заводил данность в КЛУБный¹ дисплей.

Проезжал полустанки и станции,
Наблюдал, как восход багровел,
Разделяя маршрут на дистанции,
Не в купе, а в «СИНАРЕ»² сидел.

Тальянка

Я вышел утром спозаранку,
Куда ни глянь — повсюду мгла.
И вдруг услышал звук тальянки
(Аккорды чуточку лгала).

Играла тихо, будто плача,
Бальзамом на сердце легла.
И я подумал: вот удача,
Что мать в России родила.

г. Троицк

Александр Попов

Настоящее вне строя

* * *

Черты мамы у лица,
пальцев на руках много...
отчество от отца,
одиночество от Бога.

* * *

На семь бед один ответ:
И на мой дом, и на твой терем.
На ветру смерти нет,
Ветер в смерть не верит.

* * *

Полдень — подвиг тела:
Ни мрака прошлого, ни тьмы будущего,

Ни тени сомнений,
Полдень — подвиг тела.
Упрись в подоконник,
почувствуй настроение настоящего.
Полдень — подвиг тела.

* * *

Ветрено,
Иду времени вровень;
Единственность девственна:
И в жизни, и в слове.

* * *

Настоящее вне строя,
Вне шеренги и вне ряда,
Настоящее — патрон мой,
Запасных обойм не надо.

¹ Кэжуал — повседневный мужской костюм.

² Швара — вещество, добавляемое в курительный табак для запаха.

³ Стретто — заключительный эпизод музыкального произведения или части его, идущий ускоренно, стремительно.

¹ КЛУБ — комплексное локомотивное устройство безопасности.

² СИНАРА — модификация электровозов.

Настоящее как выстрел:
Громко, коротко и грозно.
Настоящее из мыслей,
Настоящее — мой воздух.

Людмила Рогачко

Не бывает счастья на продажу

Предзимье

Всё стало серым и печальным,
Листва исчезла, снега нет.
Забыл рассвет, что был хрустальным,
И солнце скрылось от сует.

Идёт-бредёт по тропкам ветер,
Выискивая чей-то след,
Он раздувает листьев пепел,
Как будто спрятан там ответ.

Судачат птицы спозаранку,
Что пахнет в воздухе зимой,
А воробьишки перебранку
Затеяли между собой.

Предзимье навевает скуку,
Усталость клонит в сладкий сон,
Предвидя с осенью разлуку,
Деревьё шлют ей свой поклон.

О шубке с серебром мечтая,
Природа ждёт приход зимы,
В тепле мороз пережидая,
Дождётся тёплых дней весны.

Стоит на перепутье

Стоит на перепутье двух дорог
Старушка осень в обветшалом платье.
Увы, её уже проходит срок,
И ощущаются зимы объятья.

Совсем недавно юностью цвела,
Гордилась урожаем и цветами,
Была, как птицы в небе, весела,
И ветер восхвалял её стихами.

Настала зрелость как-то очень вдруг,
Из золота достала украшенья,
От всех пыталась спрятать свой испуг,
Что кратки были «чудные мгновенья».

Ещё осталось несколько деньков —
Зима уж на пороге поджидает,
Снежинок, своих белых мотыльков,
В разведку на просторы посылает.

* * *

От повторяемости тошнит,
Нарядили в шапки-невидимки,
Высокое смешали со смешным,
Что ни праздник, то поминки.

г. Челябинск

Зима настанет, а за ней весна
Раскроет свои нежные объятья,
Деньков промчится летних кутерьма,
Пока шьёт осень золотое платье.

Продавали счастье в магазине

Продавали счастье в магазине,
Не просили непомерно много.
Там ещё болезнь была в корзине,
Им в довесок беды и тревога.

Рядышком пылились неудачи,
Кто-то их улыбками разбавил,
Для отвода глаз чуть-чуть удачи
Он к коктейлю этому добавил.

Обходили полки стороною —
Никому такой товар не нужен,
Задвигали вглубь его рукою
И ворчали: — Нет товара хуже!

Сетовала громко продавщица:
— До чего же стал народ разборчив!
В даль далёкую за счастьем мчится,
Не боится трудностей и порчи.

Продавщице я могу ответить:
— Не бывает счастья на продажу,
Это знают даже наши дети...
Но к нему дорогу кто укажет?

Ей повезло

Хозяин к рельсам привязал собаку,
Убить её не поднялась рука.
Была она когда-то забиякой,
А нынче стала уж совсем плоха.

Беззубый рот жевать не может пищу,
Слепые виноватые глаза
Не видят и ответный взгляд не ищут,
Блестит в них лишь хрустальная слеза.

Она была обычным двортерьером,
Служила верно, не щадя нутро,
Вставала громко лающим барьером
На тех, кто покушался на добро.

Клубком свернувшись на горячих шпалах,
Она ждала неведомо чего.
Скулила тихо, и слеза упала
На рельсы... Сразу стало всё равно.

Вдруг скрежет, грохот — и обдало жаром,
Затем верёвку кто-то развязал,
И почему-то очень страшно стало...
— Не бойся! — голос добрый ей сказал.

Был машинист хорошим человеком,
Собаку пожалел и взял с собой.
Не посмотрел, что та была калекой,
Лечил, кормил, дал дом ей и покой.

Танцовщица

Одинокое море тихо пело о чём-то,
Посылая на берег волну за волной.
А на пляже у моря танцевала девчонка,
Удивляя его неземной красотой.

Удивлённое море танцовщицу спросило,
Этот танец кому посвятила она:
— На песке ты смотрелась удивительно мило,
И улыбки дарила тебе сверху луна.

Восхищённые взгляды луна не скрывала:
— Грациозны движения все и точны,
Над созданием танца ты трудились немало,
Мне узоры любви в каждой связке видны.

Танцовщица сказала, улыбаясь обоим:
— Я сегодня для вас танцевала, любя.
Не прожить мне на свете без луны и без моря,
Вы на танец меня вдохновили, друзья.

г. Касли

* * *

Снова осень закружила
В небесах печальным клином,
Щедрой горстью разбросала
Бусы яркие рябинам.

Расстелила на дорожках
Золотой ковёр шурушаций,

И на солнце заиграла
Паутинкою блестящей.

Ах ты рыжая плутовка!
Вновь красую покоряешь.
И над озером зеркальным
Белой лебедью взлетаешь.

с. Чесма

Татьяна Рубцова

Виктор Ружин

Тучка-всемогулка

(сказка)

Жила была тучка,
Тучка-всемогулка.
Тучка чёрная была,
На своём пути всё жгла.
Жгла людей,
Жгла хлеба,
Жгла постройки,
Жгла дома.

Тучка страшная была,
Тучка грозная жила.
И жила она в горах,
На разрушенных скалах.
И огнём своим сжигала,
Приносила людям страх.
Люди, мукой истекая,
Разорялись в пух и прах.
И пошла печаль земная
По равнинам и холмам.

Где ни глянешь —
Всюду горе,
Горе, слёзы
Здесь и там.

Трудно стало людям жить.
Как им горюшко прожить?
И от этого они
Собирались в полки.
Собирались в полки,
Чтоб на тучу ту пойти;
Чтоб на чёрную пойти,
Правду-матушку найти;
Чтоб вольнее было жить:
Жить, трудиться, не тужить.

Туча это услышала —
Почернела вся от зла.
Почернела, полетела
Смерть, разруху волоча.

Смерть разруху понесла.
На людей кричит она.
— Ах, вам правда нужна стала?
Чтобы я вас не пугала?
Чтобы я вас не пугала
И тревожить вас не стала?
И для этого решенья
Вы пошли на избавленья?
Избавленья для себя.
На уничтожение меня?

Только всё это сказала —
Вмиг огнём забушевала...
И остались от людей
Череп, гора костей.
И, довольная, она
Веселиться начала.
Веселится и всё мчится
По земле широкой,
Поднимая пыль кругом
В пляске одинокой.

Веселится тучка,
Тучка-всеголучка!

Отчего она такая?
Потому что она злая.
Даже ветер озорной
Приуныл в тоске людской.
Он утих и ослабел,
Песню грустную запел.
И запел он тихо, складно,
Шевеля костями.
Задев тонкой ноткой,
Между черепами.

Он с надеждою своей
Думал, что найдёт людей.

Но напрасно он искал,
Потому что опоздал.
И заплакал ветерок,
Горестно тоскуя:
С кем же будет он играть,
На полях балуя?

Песню ветра услышав,
Птичка, крылышки поджав,
Полетела камнем вниз:
— Ветер, ветер, ты уймись!
Зачем попусту теряться,
Давай в дорогу собираться!

Птичка ветру говорит:
— И мне тоже грустно жить.
И собрались они
В путь-дороженьку идти,
В путь-дороженьку идти,
Правду матушку найти.
Правду человека —
Он хозяин века.

И идут они лугами,
Меж полями и лесами.
Слышат: песню запел лес
В тоске дикой словно бес.
И прислушались они
К песне леса на пути.
Он запел, заволновался,
Загудел и закачался:

— Скучно будет теперь мне,
В гости кто придёт ко мне?
Вкусить ягодки, грибка,
Встретить хитрого зверька?
Не с кем будет мне играть в эхо и «ау».
Как с людьми я баловался,
Прятал их в листву!

А бывало, дровосеки
Как возьмутся за меня.
Как возьмутся, разойдутся,
Только щепки от меня.
Только щепки от меня отлетают,
Люди пользу от меня получают.

А теперь тоска повсюду,
Ох, как горько жить без люда.

Погрустив о людях с лесом,
Птичка с ветром в путь пошли.
Путь далёкий, путь широкий,
Далеко они ушли.
Далеко они ушли,
К быстрой речке подошли.

Речка быстрая текла,
Стайки камушков гнала.
И гнала их, напевая,
Песенку людей.
Песню грустью наполняя
О тоске своей:

— Плохо, горько мне живётся,
Искупаться не придётся
Людям — тучка их сожгла,
И мне скуку принесла.
А бывала, я купала,
Ободряла всех гостей.
Угощала их водицей
Я холодной своей.
Всех на лодочке катала
Да и поле орошала.
Ну а кто во мне купался,
Тот здоровьем дышал.

Он с трудом всегда общался,
По безделью не скучал.
И пошла река волною,
Горем от обид полна.
Обижаясь на безлюдье —
В этом тучи злой вина.
Вот какая тучка,
Тучка-горемучка.

Много жизнью унесла,
Много горя принесла.
И дошла печаль до гор,

Бросив туче той укор:
«Ты, сама себя лютей,
Сожгла всех живых людей!
И от твоей жадности
Людей лишила радостей!»

И вот трубит своё сказанье,
Вся природа на земле:
«Наше честное желанье,
Ей проклятие везде!»
Солнце это услышало,
Перестало греть, светить.
В мире солнышка не стало,
Только волки стали выть...

Туча сделалась слепой,
И замучилась тоской,
И металась в темноте —
А покоя нет нигде.
А от матушки Земли
Ей проклятия слышны.

Она в отчаянье пришла
И дождями изошла:
Кости, черепа омыла
И погибших оживила.

С оживлением людей
Стало солнышко светлей.
Засияла жизнь в лучах —
Радость у людей в глазах!

И пришёл переворот:
Человек сейчас живёт.
Ну а тучка существует
И печалится, горюет.

Но, увидев человека,
Она дождичком прольёт.
Она дождичком поёт —
Поливает огород.
Поливая ширь земную,
Она жизнь, не смерть несёт.

Вы не бойтесь, дети, тучки,
Тучки тёмной никогда:
Стала благом горе-туча,
Стала жизнью навсегда.

г. Конейск

Михаил Свердлов

* * *

Опять не видно звёзд
На чёрном небосклоне.
Ещё всего пять вёрст,
Да беспокойны кони.

Над нами тишина
Царит во тьме тумана —
Кому теперь нужна
Звезда самообмана?

— Мой друг, держись корней!
Давай достанем фляги
Да выпьем посмелей
За наши передраги!

Пусть кони отдохнут —
Сдержи их пыл скорее!
Я проложу маршрут,
Пока не захмелею...

Вперёд, за шагом шаг,
Как парус против ветра.
Привычный чёрный мрак
Редет с каждым метром.

Просветная звезда
Уводит вдаль куда-то.
Мы на пороге льда:
Здесь точка невозврата.

г. Кыштым

Тамара Симова

Лови счастливые моменты

Хлеб

Ловко вынимаем
Хлеба каравай.
Печь своим дыханием
Руки обожгла.
Труд земли вдыхаем,
Батей называем
Каравай духмяный —
Чудо ремесла.

Отлежалось хлебушко —
Накормлю-ка детушек:
В сарафанах ярких,
Изумруд в глазах;
Выросли красивыми,
Венчаны Россиюю.
Будет что потомкам
О хлебе рассказать.

* * *

Поговори со мной, гитара,
Кончай на гвоздике висеть!
Я знаю: мы с тобой не пара,
И в этом что-то даже есть.

О грустном всё напоминаешь,
От куража уж нет следа;
Ты с неумехою рыдаешь:
Ведь я давно уже не та.

По пальцам бьют и те, и эти,
Иные слушать не хотят,

А мы, как маленькие дети,
С тобою плачем втихаря.

Нам не нужны аплодисменты.
Пусть струны тихо говорят.
Лови счастливые моменты,
Играй смелее всё подряд.

Когда хлестали дожди

Дождь, дождь, дождь...
Ты одна под зонтом идёшь.
А навстречу тебе, зонту —
Двое ищут свою мечту.
Помощь божья, святой порыв,
Одиночество позабыв —
С ними вместе и ты идёшь.
С вами в поиске тот же дождь...

А когда уже всё нашли,
Потеряли — нужны дожди.
Пусть холодные, пусть косые,
Но чтоб чувства — с такой же силой!
Не оставь ты меня в беде —
Это я о тебе, о тебе,
Неуёмная нежность и грусть.

Сыплет дождь.
Ну и что... Ну и пусть...

п. Тыелга

Роза Тайгунова

Помолчать, наслаждаясь покоем

* * *

Под шум дождя так сладко спится,
А дождь стучит, шумит, резвится.
Мне чудный сон всё снится, снится:
В нем гладь морская вся искрится,
В нём шелест волн и шум прибоя,
Там по песку гуляют двое...
Плеснёт волна на брег, след смоя,
Есть в этом что-то колдовское.
Там развеивает ветер платье,
Твои пленительны объятия,
И шепот слов, как текст заклатья —
Даны друг другу мы для счастья.
Под шум дождя так сладко спится.
Во сне душа туда стремится,
Где солнце в море спать ложится,
Где сердце с сердцем могут биться,

* * *

Как в горах спокойно, тихо;
А с вершин красоту не объять.
Каждый шорох далёко слышен,
И так хочется просто молчать.
Помолчать, наслаждаясь покоем,
И незыблемой мощью вершин;
В этой мудрости ум успокоить,
Открывая тайны души;
Надышаться свободой вольной,
Насмотреться в прекрасную даль;
У берёзы, красы белоствольной,
Напроситься на краткий привал.
Где мне слов вам найти понятных,
Описать величество гор,
Как держала я небо в объятиях,
Как взьерошила ветра вихор.

* * *

Плывут по небу барашки
В пушистом белом руне,
Играют друг с другом в салки
Летают, резвятся смешно.
И с ними играет ветер.
Несёт он барашек вдаль.

Полёт их всегда беспечен:
Неведома им печаль;
Плывут по небесным просторам,
Для них не бывает границ.
Мы их провожаем взором
Из окон своих темниц.

с. Миасское

25

Графоман № 3(47)-2021

Тильтан-Лаван

Ни милостыни, ни руки, ни звука

коробок

Настало время смайликов глумливых.
А раньше вызывали на дуэль.
И не плывёт ковчег. Засел на мель.
И днём с огнём — интеллигентов вшивых.
Хоть едь сейчас же на любой вокзал.
И клянчи у приезжих папиросы.
Пытаясь заглянуть глаза в глаза.
И подойти с «неуставным вопросом».
И некому подать. И не подам.
Ни милостыни, ни руки, ни звука.
Так бог взирает с молчаливой мукой
на сайдингом обшитый Нотр-Дам.
...куда ты лезешь? На какой рожон?
На те же грабли, финки, зубы, вилы.
Уйди, отвесив клоунский поклон.
Раскисни, что ли. Налижись текилы.
Ведь, благо, за окном вполне сезон.
Вдавись обратно в прежний коробок.
Вместилище души и микромира.
В таком же точно на стафилококк
анализ в садик мама относила.
Так бережно, что даже не протёк.
...так бережно, что, если приоткрыть,
приноровиться сбитым глазомером,
то можно (хоть и трудно) различить:
сидит в углу стафилококк Валера
и тоже — очень, очень — хочет жить

хеви-метал

Смерть прикатит в чёрной футболке.
На метро, с зачехлённой косой.
На руке с потускневшей наколкой —
кто-то «жив». То ли Цой, то ли Хой.

— Что теперь?

— Распадёшься на атомы.

И на листья ляжешь росой.

Не скорбя над земными утратами,
вознесёшься бестелой душой.

Атмосферу пробив кометой,
мимо станции МКС,
из галактики, Солнцем согретой,
полетишь.

— А... ОН — правда... воскрес?

— Ты пока о себе подумай.

В остальном же — всему свой срок.

...поминал — под луною юной —
лишь кладбищенский сторож-торчок.
Свечки пламя бессмысленно билось
в затуманенных дурью зрачках.
И земля под ногами кренилась.
Ел конфеты. Бубнил: «Праху — прах».
Из динамика хеви-метал
резал воздух бензопилой.
И за краем Вселенной где-то
подпевал — то ли Цой, то ли Хой.

г. Краснодар

Вячеслав Тюнькин

Дерзновенно нарушить основы

Гроза

1.

Какое яростно небо!
 Какие молнии и гром!
 Такую силушку — да мне бы! —
 Вопрос, поставленный ребром...
 Разить налево и направо
 И, сотрясая бранный мир,
 По вождельню
 И по праву
 Осознавать, что я —
 Кумир!
 От восхищения
 До страха —
 Приёмлю все,
 И между тем
 Любовью жаловать
 И плахой —
 Всё мне подвластно...

А зачем?

2.

Гроза
 Гуляла
 По Уралу!
 Грозила громом
 И стенала...
 Гроза деревья полоскала...
 Грозе Урала было мало —
 Гроза стремилась вдаль
 И вширь —
 По следу Ермака —
 В Сибирь.

Гроза ушла...
 А над Уралом
 Так чисто
 И покойно стало.

Омуты

1.

Ах, не я ли славилась
 С малых лет
 Первою красавицей
 На селе...
 Да пошла за суженым
 В ковыли...
 Бабы пересудами
 Извели...
 Выстыла порожняя
 Комната...

Привела дороженька
 К омуту...
 Волосы расчесаны —
 Не в косе...
 Да ногами босыми —
 По росе...
 Будет полнолуние
 Впереди —
 Суженый, к полуночи
 Приходи:
 Поиграем в салочки —
 Я и ты...

Озеро русалочье...
 Омуты...

2.

Приходи ко мне, любый,
 Обогрей мои губы,
 Отогрей мою душу —
 Зябко в стылом пруду...
 Я вплету в свои косы
 Волны, ветер и росы,
 Я тебя зацелую,
 За собой уведу.

Упокойно в пучине...
 Ты оставишь кручину
 И земные печали
 На крутом берегу...
 У бобровой запруды
 Я любить тебя буду —
 Я тебя, ненаглядный,
 Для себя сберегу.

Обручишься со мною...
 Позабудешь земное...
 Ты ведь знаешь, желанный,
 Мир полуденный лют —
 непригоден для счастья.
 От скорбей и напастей
 Я тебя, моё ладо,
 И себя исцелю.

3.

— На березку на плакучую
 Горе горькое надену я,
 Излюблю тебя, изумчаю —
 Никуда-то ты не денешься.
 Опостылят девки красные —
 Златокудрые, румяные,
 Ажно станут понапрасными
 Брови чёрные сурмяные.
 Незалюбишь запах ладана,
 Моему поверишь слову ты,

Витязь любый, ненаглядный мой,
Ты со мною канешь в омуте...

— В ночь глухую на поляне я,
Где покой настоян травами,
Осажу коня буланого
И напьюсь твоей отравой.
У березки — у качалочки —
О□ берег пруда глубокого,
Дарит ласки мне русалочка —
Белолика, ясноокая.
Знаю, жизнью за усладушку
Заплатить придётся молодцу...

... В косы шелковые ладушки
Одолень-трава приколота...

Спартак

Незавидная доля раба...
Быть рабом,
Слыть рабом — неприлично.
Рабство —
Это отнюдь не судьба,

Рабство —
Ваша дурная привычка.

Я возвыситься духом посмел,
Дерзновенно нарушить основы.
Я свободен!
Я просто сумел
На мечи переладить
Оковы.

Если сердце пылает —
Сгори!
Даже факел горит не напрасно...
Трепещи,
Растревоженный Рим,
Собирая центурии Красса!

Мир не мыслит еще
О Христе —
Он не скоро придёт, через годы...
Я распят
На позорном кресте...
Я
Мессия
Борьбы
И Свободы.

г. Коркино

Александр Фунштейн

Себя к любви всегда готовь

* * *

Когда отец мой маму встретил,
То не было счастливей дня.
Ведь, если бы не встреча эта,
На свете не было б меня.

Шли б революции и войны,
И стройки нынешнего дня.
Так жил бы мир наш беспокойный,
Представить страшно, без меня.

Как незаметно время мчится,
Земля не устаёт кружить.
Мне повезло: я смог родиться
И мне досталось счастье жить.

* * *

Русь-тройку не остановили,
А был такой опасный миг:
Все пристяжные отцепились,
Остался только коренник.

Но он идти, как прежде, может,
Не страшен никакой ухаб.
И он по-прежнему надёжен:
Не обессилел, не ослаб.

Тот, кто за ним не успевает
И безнадёжно отстаёт,
От злости, как собака, лает.
Наш коренник идёт вперёд.

А отстегнувшиеся гнутся,
О помощи их слышен крик.
Ещё попросят пристегнуться,
Но согласится ль коренник?

Янки, Библию учите

Мы все потомки Ноя,
А значит, все — родня.
Зачем идти войною
Желает на меня

То ль сдуру, то ли с пьянки
Какой-то генерал
С известной кличкой Янки,
Что многих обокрал.

Одумайся, «братишка»,
Ты вспомни: старый Ной
Однажды выпил лишка,
А сын его дурной

Над стариком смеялся,
Видать, нетрезв был сам.
Неужто ты собрался
Таким же стать, как Хам?

Иль хочешь стать, как Каин?
Учти, что мы крепки.
Не ты земли хозяин,
Ручонки коротки.

Новые «фунтики»

* * *

Толерантность восхищает,
От неё не убежать.
Умным думать запрещает,
Чтоб тупых не обижать.

* * *

Нынче радуют кого-то
Не к иным мирам полёты...
Вызывает восхищенье,
Ловкость в деле расхищенья.

* * *

Я был счастлив, был влюблён,
Красотою ослеплён,
Но прозрел, сказать могу я,
Лишь когда узрел другую.

* * *

Короткие юбки... На то есть причины:
При этом мужчины не видят морщины.

* * *

Себя к любви всегда готовь,
Любовь важнее, чем свобода.
Приходит поздняя любовь
И с первой требует развода.

г. Челябинск

Галина Черкасова

Пришла моя осень

Пролетело лето

Пролетело лето с ягодными росами,
С шёпотом берёзок, шелестящих косами,
С песней соловьиною, за душу берущей,
С тёплым летним дождиком,
С неба щедро льющим;

С солнечным рассветом, счастье обещавшим,
И с закатом нежным, тихо уходящим;
С негой водной глади, глубиной манящей,
С луговой травой, голову пьянящей.
Как посланец осени уж стучит в окошко
Красная рябина мокрою ладошкой.

Ветер

Плывут по небу облака,
Мелодии выводит ветер,
Игривый и шальной слегка,
Царь — властелин на белом свете.
Он в море парус подгоняет,
Шумит верхушками берёз,
Он грусть, как тучи, разгоняет,
Водю застилает плёс.
Он, как по клавишам, по веткам
Спешит в таинственную ночь.
И, собирая запах терпкий,
Куда-то улетает прочь.

Осень

Пришла моя осень
с дождями и ветром,
С тоской непонятной
и верой в приметы;
С тревогой сердечной,
с бессонницей ночью —
Пришла моя осень,
глядит в мои очи.

И хочется мне
за фасадом дождливым
Увидеть осенних
дождей переливы;
И ягод рубины,
и листьев багрянец,
Приправленный запахом
осени пряной.
Увидеть в лучах
золотистого света
Жару уходящего
«бабьего лета».
Пришла моя осень,
но грусти не надо—
Живи, наслаждайся
её листопадом.

Вдвоём

Веет вьюга за окном,
Снегом бьёт в стекло.
Хорошо сидеть вдвоём
В доме, где тепло.

Ни о чем не говорить,
Просто помолчать,
И безмолвно, лишь глазами,
Главное сказать.

Солнечный листопад

Тихо, солнечно, тепло в сентябре на улице,
В поредевших кронах, ветках ветерок волнуется.
Лист осенний тополиный лег на жухлую траву,
А вдогонку лист рябины испытать решил судьбу.
Кружит бабочкой — подарком —
Лист резной, кленовый, яркий,
А красавицы осины щедро сыплют всем рубины.
Светом солнечным пронизан этот чудо-листопад,
Как в оправе драгоценной листья всё летят, летят!

с. Миасское

29

Графоман № 3(47)-2021

Марина Шалыгина

Подо мною — твердь веков

* * *

Сторона закатная.
Сторона восходная.
А посередине — я,
Мещанка подгородная.

Вкруг меня окраин рай:
Узость и просторы.
Птичий грай, собачий лай,
Трубы, косогоры,

Огороды и родня.
Посредине мая
Тут стою в разгаре дня
И всему внимаю.

Подо мною — твердь веков,
Надо мною — небо,
А со мною — явь-любовь
И любви небыль.

Дом

Небо глядится в зеркало лужи.
Дом в этом зеркале небу не нужен.
А дом отражается, дряхлый, простой,
В зеркале лужи седой красотой,
Открытыми ставнями, шапкою крыши.
Он небу не чужд и небу не лишний.
Сторожем честным у лужи стоит,
За отражением неба следит.

Горы Сугомак и Егоза

1.

Под утро, расчищая мрак,
Луны новёхонький пятак
Закинул в небо Сугомак.
Наверно, подавал он знак
Подруге милой Егозе:
А ну, на чудо поглазей!
Гляди, начищен как кругляк!
Конечно, хорошо и так:
Июль роскошен и богат,
На склонах ягодников сад.
Роскошна ночь, и тьма грибов—
Но что без денежки любовь!
А за плечами Егозы
Ворчанье близкое грозы,
Как будто это не гроза,
А разворчалась Егоза.
И Сугомаку невдомёк:
За что и почему упрёк?
В ответ он молнию схватил
И расшумелся что есть сил.
Сломался вмиг семейный мир,
Но ливень горы помирил —
Нахлынул тёплой волной,
Укрыл их мантией одной.
И на ухо шептал, шептал:
Меж вами общий перевал,
Вам друг от друга не уйти,
Вам в жизни точно по пути!

2.

Стремительный ветер
 Набросился с юга,
 И снежные сети
 Раскинула вьюга,
 И царствует мрак
 Вихрей злых, разномастных,
 Но жив Сугомак,
 Бородач коренастый.
 Стоит не дрожа —
 Повидал он немало.
 Пусть ветры кружат,
 Как и прежде бывало,
 И бьют пусть бураны
 В бок или спину,
 Гостями незваными
 Рвутся в долину.

Татьяна Шумакова

Грустят, прощаясь с летом, журавли

* * *

Хочу в босоногое детство
 Вернуться хотя бы на миг —
 Там радость жила по соседству,
 У жизни был солнечный лик.
 Журчала там речка Варнава,
 Играя в корнях тальников,
 Где наша босая орава
 Ловила корзиной мальков.
 В лещинах орехи мы рвали,
 Искали во ржи васильки,
 Под липами в зной отдыхали,
 Плели из ромашек венки.
 Там не было скуки, и лени,
 И злобной житейской пурги.
 Там ловкие мамыны руки,
 С черникой пекли пироги.
 Мы вовсе не ангелы были
 И дрались порой сгоряча,
 Но зла на душе не таили
 И правду рубили с плеча.
 На правду не думали злиться,
 Обиды прощали тотчас.
 Мне б в детство моё возвратиться,
 Вернуться хотя бы на час...

Одуванчики

Отцвели как-то враз одуванчики,
 Словно холод им в душу проник.
 Золотые свои сарафанчики
 Поменяли на теплый парик.

Задремали под солнышком ласковым,
 Только ветер — шальной озорник —
 Налетел, как цирюльник проказливый,
 И парик в одночасье остриг.

Уральский гранит —
 Не дорожная пыль:
 Сшит крепко и сбит
 Сугомак-богатырь.

* * *

Зачерпнула мысли.
 Несу на радости коромысле.
 Пью воду живую, шепчу-лепечу.
 И — поднимаюсь, взлетаю, лечу!
 Птицами вокруг — слова.
 И — высота, чистота-синева!
 А внутренней энергии измененье равно нулю.
 Не призывайте меня на землю,
 Не отзывайте, молю!

г. Кыштым

Подхватил парашюты-воланчики,
 Не давая на землю упасть,
 И понес семена одуванчиков
 Место новое в жизни искать.

Чтобы вновь обрести сарафанчики,
 Чтобы снова под солнцем сиять,
 Над землёй семена одуванчиков
 Продолжают летать и летать.

Анютиным глазкам

Спасибо вам, спасибо, дорогие,
 За то, что радость дарите вы мне:
 Лиловые и нежно-голубые
 Под осень мне шепнули о весне.

О голубом цветущем юном мае,
 О птице, что сидела на суку,
 И, годы мне грядущие считая,
 Кричала беспокойное «ку-ку».

Давно уже не слышно той кукушки,
 Цветы склонили стебли до земли.
 В низине у березовой опушки
 Грустят, прощаясь с летом, журавли.

Пора и мне прощаться с тёплым летом,
 Пора и с жизнью попрощаться мне.
 Спасибо вам, что, несмотря на это,
 Напомнили сегодня о весне.

Осень

Осень! Осень! В чём твоя загадка?
Разгадать я, право, не берусь:
На берёзе золотая прядка,
У осин трепещущая грусть.

Отчего леса твои имеют
Живописный яркий колорит,
Где вершины елей лишь темнеют,
А опушка золотом горит?

Отчего наряжена рябина
В древнерусский сказочный убор?
Отчего могучий дуб-детина
Выбежал в кольчуге на простор?

Отчего голубизна с искринкой
На простор полей с небес глядит?
С серебристой тонкой паутинкой
Грусть незримо в воздухе парит.

С. А. Есенину

Ах, Сергей Александрыч! Серёжа —
Знаменитый рязанский сосед!
Ты мне душу до дна растревожил
Грустной повестью прожитых лет.

Ты скандалил под песни тальянок,
Был зачинщиком споров и драк,
Целовал на покосе крестьянок,
Верховодил среди забияк.

Слушал звоны весенней капли,
Тихий шёпот осенних берёз;
Слышал, как в залихватской метели
Хохотал колокольчик до слёз.

Смех твой слышали майские рощи,
Ты грустил над озябшим жнивьем;
Подсмотрел ты, как ветер полощет
Облаков кружевное бельё.

А душа чистой песней звенела
Под российскую жуткую грусть,
А душа на кострище горела
За лаптёжную, нищую Русь.

Песни те, что когда-то рассыпал,
Не смолкают за давностью лет.
Всё цветёт твоя белая липа,
Всё звенит «соловьиный рассвет».

д. Пашино-1

Владимир Яковлев

В окошке свет. И ты уже иной

* * *

И вновь прохлада сентября,
Осенние промозглые печали.
Я жёлтых листьев трогаю края,
В туманные гляжу я дали.

А ветер слабый дует на восток.
Дурманом осени окутаны предместья,
Я ртом ловлю прохладный ветерок —
Так клювом птица ветер ловит в поднебесье.

Деревья сирые теряют свой наряд,
И скоро они будут неодеты.
То осени таинственный обряд,
То осени прощальные приметы.

* * *

Ты где-то там, где дремлют маяки,
И есть одно лишь правило безмолвия,
Багровый вечер, на воде круги,
И старый клён растёт у изголовья.

И небеса похожи на броню,
И непредвзяты ночи очертанья.

Ты вновь стоишь у самой бездны на краю,
Стихи слагая о своём непониманье.

Бредут стада опять на водопой —
Ты их узнаешь по тяжёлому молчанью.
В окошке свет. И ты уже иной,
И новой жизни в тебе теплится дыханье.

* * *

Изабелла в шелках,
Как она первозданна!
Я пою про неё,
Я рыдаю от горя.

Ты приди же ко мне,
Беспощадная нимфа,
Ты сыграй мне ноктюрн,
Может, я всё забуду...

В моём доме темно.
Бейся, нежное сердце!
Поцелуй твой как мёд,
Твои очи прекрасны...

Не смотри же теперь
На меня так надменно:
Я всего лишь поэт.
Убирайся отсюда!

* * *

Хилый дождик саднит, что твоя прибаутка.
Незакрытые ставни. Селезень под окном.
Ты меня повстречаешь по пути из райкома.
Ты прикроешь лицо белоснежным платком.

Поредет листва на деревьях угрюмых,
Снова осень уронит свои слёзы на грудь.
Я уеду туда, где древесные срубы
Мне помогут избыть молчаливую грусть.

* * *

Я сердцем не спешу, что злой чернорабочий,
Не стою одного седого волоска.
Хочу я ко врачу, он мне посмотрит в очи
И скажет, что ясна банальная тоска.

Ползу я меж дерев, ушанку нахлобуча:
Порадуйся, маман, твой сын давно изжит.
Теперь я поживу ещё, на всякий случай,
Поплачу как ребёнок, потом вернусь
в свой быт.

И карусель разрухи меня закрутит в штопор,
Я заберусь в сундук и стану хохотать.
И жить, как я живу, наверно, не захочет
Ни бывшая жена и ни ночная тать.

* * *

В вокзальном шорохе
Все слуги молоха
Лицом красуются,
Потом сутулятся.

Как тут не выспаться,
Забыв все присказки.
Продрав глаза слегка,
Увидишь на часах,

Что круглосуточно
Бьёт час полуночный.
И вновь задумчиво
Скрипит уключина.

Плывёшь, потерянный,
Уже уверенный
Что был расстрелянный
Недавно Берией.

И нам не выбраться
За грани вымысла.

* * *

Видишь, дерево колыхнется на стуже,
Деревянные качели замело.
Вот проигрыватель старый, он не нужен,
Он лежит возле дырявого пальто.

В этих красках всё пронзительно и звонко,
Они живы, и, впитав в себя февраль,
Ты увидишь, что пронизывая воздух,
Эти краски нежит сумрачная даль.

И сегодня я приду к ним с челобитной,
Расскажу, что я вполне похож на них,
Что мне возле них уже не так обидно.
Кроме красок тех, не нужно никаких.

г. Озёрск

Сила слова

Когда я приехал после работы, зал был уже полон. Прошёл по краю в последние ряды, где было посвободнее, и сел рядом с необычайно красивой девушкой в чёрном платье, чуть открывавшем колени. Она равнодушно взглянула на меня, положила ногу на ногу и снова устремила взор на сцену.

В первом ряду сидел отмечавший юбилей творческой деятельности композитор N с женой и друзьями, за ним расположились приглашённые коллеги по союзу композиторов, крупные чины из администрации и Думы, знакомые литераторы, среди которых сразу узнал редактора отдела прозы журнала «Подъём» Владимира Николаевича Попова и сидевшего с ним рядом поэта Владимира Григорьевича Саблина. Попов обернулся, увидел меня, приветливо улыбнулся и помахал рукой.

Владимир Николаевич гордился тем, что редактировал самого Фолкнера, перевод одного из произведений которого печатался в журнале. Стал первооткрывателем многих ярких имён в прозе. Мои рассказы долгое время в журнале не жаловали, что не мешало нам поддерживать приятельские отношения. В его кабинете мы и познакомились с N много лет назад. Потом частенько встречался и беседовал с композитором в электричке, потому что наши дачи располагались на одной железнодорожной ветке.

Следом за выступлениями и ответными шутками юбиляра, большого любителя собирать грибы (многие охотно обыгрывали это обстоятельство в своих поздравлениях и пожеланиях), начался концерт. После первых двух номеров прекрасная соседка в чёрном поспешно достала из сумочки завибрировавший телефон и произнесла шепотом: «Алло». Так же шёпотом спросила, кто уже пришёл, и попросила, чтобы её подождали. Посидев ещё с четверть часа, незнакомка покинула зал вместе с другими зрителями, расходившимися группками в промежутке между музыкальными пьесами юбиляра. Оставалось лишь с сожалением посмотреть ей вслед.

После концерта по пути в раздевалку, встретил Попова, тот представил Саблина, с которым я был уже знаком. Владимир Григорьевич был невысокого роста, в свои семьдесят пять был бодр, сухощав, с аскетическим лицом, изрезанным морщинами. Мне предложили спуститься в подвал, где в столовой ожидал небольшой фуршет. Каким-то образом я оказался за столом рядом с виновником торжества слева, а справа сидел председатель Союза композиторов, который и вёл вечер, объявляя желающих произнести тост.

Наконец слово попросил Саблин. Он встал, дождался полной тишины, пожелал юбиляру кавказского здоровья и прочитал своё стихотворение «Заклинание волхва», смакуя и чеканя каждое слово.

Не плачьтесь, что не любят вас...
Куда важней — чтоб вы любили!!
Чтоб вы сияли блеском глаз!
Чтоб вы божественно парили!

Покорённые первыми строками, все бросили жевать и замерли, так что во время коротких пауз стало слышно взволнованное дыхание поэта.

И что бы ни было в ответ
От ваших искренне любимых —
Любви своей храните свет,
Что снизошёл от сил незримых!..

Когда Саблин прочитал финальные строки, кто-то крикнул: «Браво!», раздались восторженные аплодисменты. Многие вскочили с мест и, обступив поэта, произносили похвалы, протягивали визитки, приглашали выступить, спрашивали, где достать книги. Оказалось, что новая книга должна была скоро выйти в Абхазии.

— За это стихотворение после выступления в Петергофе женщины вынесли меня из зала на руках, — не без гордости сказал Владимир Григорьевич.

На время все даже забыли про юбиляра, пока тамада не объявил поздравление очередного гостя...

После фуршета откланялись и втроём вышли на улицу. Было морозно, сыпался снежок. Пешком прошли к театру оперы и балета на остановку проводить Саблина. Абхазский поэт по дороге читал стихи, рассказывал о своей жизни в деревне под Сухуми, о том, как по ночам в горах воют шакалы, что написал поэму на основе местной легенды, как его уважают и любят в южной республике, приглашал в гости.

Когда подъехала маршрутная «газель», и Саблин стал садиться, Попов предложил ему деньги на дорогу, но тот отказался. Тогда Владимир Николаевич сунул сотню в карман пальто. Поэт почувствовал это, не глядя скомкал, и, прежде чем дверь успела захлопнуться, презрительно и резко бросил в снег. Маршрутка уехала, я поднял деньги и отдал хозяину.

— Вот, кавказский характер! — проворчал с уважительной улыбкой Попов.

г. Воронеж

Валерий Дивянчи

Бай-гора*

(повесть)

Глава VI. Магнайские леса

В Новотроицке всё чаще белыми бабочками порхал снег. Зима набирала сил. Загудит метель — носа не высунешь. А в Новотроицке, стоящем в степи, окружённом озерами, и вовсе кружит, как в котле — в двух шагах ничего не видно. Всё: и камни, и Санькины пограничные колышки, и засохшие кудри репейника, чертополоха, утонет в снегу. У плетней в огородах и за низкими стайками вырастут сугробы с чистыми зыбками козырьками. И вокруг после вьюги установится тишина. Ни ветерка, ни звука. Повиснет над полями прохладное солнышко. Но и оно не заметит, как по яркой белизне степи, переваливаясь через холмы и угорья, подкрадется к поселку тонкими неуловимыми змейками позёмка, вылижет до облысения озера, осмотрит старые урочища, замажет, словно глиной, сыграет на трубе несколько жалобных мелодий, просвистит круговертью у чьей-нибудь крыши и, не отыскав там ничего интересного, перекинется лёгким ветром на повесть, поиграть кудряшками сена.

Двор у Степановых, большой, уютный, огороженный забором, занесло снегом. Поэтому Аркашка, вернувшись в субботу из школы, сразу же взялся за лопату. Вскоре подоспел из Магная Ванька. Они сложили снег ровной стенкой у пригона.

— Ребятки, — на крыльцо вышла в фуфайке и пуховой шали Ольга Васильевна, — сена у нас маловато. Дня на три хватит — не больше. А трактор неизвестно, когда зарод привезёт.

— Мама, мы поедем. Мы чё тебе, маленькие, — разошёлся Аркашка.

— Правда, правда, — ещё не закрыв воротчики, сказала тетя Зухра. — Пускай едут, у меня вон тоже сена мало. Давайте, сыночки, пока ведро, поезжайте. Вон ветер-то по крыше как вольготно ходит, не за что запнуться.

— А чего, — сияя румянцем, говорил Аркашка, — где зароды, мы знаем. Сами косили. На Магнай надо ехать. Тут ближе.

— Пошли запрягать, — вприпрыжку побежал к воротам Ванька.

— Надо к бригадиру сперва, подводу просить, — сказала Ольга Васильевна. — Он обещал.

— Даст подводу, — ответила Зухра. — Да неужели не даст? Пусть-ка попробует отказать. Пусть две подводы запрягут, Кольку вон Демина берут — и айда, пошёл.

— Справитесь с двумя?

— А то нет! — тетя Зухра потрепала Аркашку за вихры. — Большие уже выросли. Взрослые!

— Справимся, — важно сказал Аркашка. — Не маленькие.

— Давай, давай, — не отступала Зухра. — Ты у нас старший. Не на кого больше матери надеяться. Главный ты у нас помощник. Ты да вон Ваня.

На конном дворе выбрали дровни покрепче. Запрягли в одну подводу старого Аркашкиного знакомого — Серого. Колька запряг Гнедого. Серый за лето привык к Аркашке, стал его понимать с полуслова и слушаться. Скажет Аркашка: «Стой!» — и Серый останавливается как вкопанный, прикажет тянуть постромки, чтобы валёк не болтался — и тянет Серый исправно, старается. Но до конца всё равно не выкладывался, в работе зная место.

* Продолжение. Начало «Графоман» № 1(45)-2021.

Сейчас Серый словно обрадовался Аркашкиному приходу. Он внимательно, как на старом знакомого, глянул на Аркашку, дугой выгнул свою посвежевшую и почти гладкую шею. Обдавая горячим дыханием Аркашкины руки, спокойно втолкнул свою голову сначала в узду, а потом в хомут, уважительно нагнул голову.

— Соскучился, — похлопал его по шее Аркашка. — Вот так оно. И по лету соскучился. Пауты давно тебя не ели.

Серый, гремя удилами, помотал головой.

— Давай, давай, махнём на Берёзки. Коровушки тоже кушать хотят.

Серый послушно зашёл в оглобли. Аркашка нашёл дугу пошире, перекинул её через шею Серого, зацепил гужом справа и затянул супонь. Колька с Ванькой тоже быстро справились. Подъехали к дому, взяли два тулупа, все надели рукавицы.

— Подъедете к первому колку, — говорил им бригадир Александр Иванович, — сворачивайте направо и прямо по следу приедете к початому зароду. Веревки подлинней взяли? А то без верёвок на зарод не попадёшь, будете вокруг бегать, снег топтать. Бастрики тоже есть?

— Есть, — за всех ответил Аркашка.

— Ну а остальное вы знаете. Не маленькие.

До ямок — хорошо укатанная дорога. Лошади шли где трусцой, где скорым шагом. Да пацаны особо и не гнали лошадей, сидели на первой подводе, разговаривали, Гнедого привязали поводом. Подъехали к початому зароду.

— Ничё себе — початый, — сказал Колька, заглядывая на макушку зарода. — Снег только сбросили.

— А это ишло лучше, — сообразил Ванька. — Сверху сено хорошо берётся. Оно не задавненное, не слезалось. Как зацепишь — так пластик бросай спокойно на воз.

— Ну, кончай тары-бары! — Аркашка взял верёвку. — Ванька, беги на ту сторону зарода, лови верёвку. Я пойду на воз. Я получше вас умею раскладывать.

— Ты лучше? — Колька поднялся с розвальней, поправляя шапку. — Мы с дядей Иваном ездили, так он меня на дровни посылал, понял? То-то. А набок покладёшь — привезём козлу на одну жвачку. Ну ладно, вставай, посмотрим, как ты укладываешь.

Внизу остался Аркашка. Он один умел класть сено на воз. Это ведь тоже непростое дело — набросать как попало и поехал. Надо разложить так, чтобы воз не поехал кверху конусом, а то привезёшь волокушку. Надо класть ровно, чтобы набок сено не полезло. На один бок накладёшь — тоже радости мало.

— Аркашка, смотри там, с воза не слетай, — крикнул сверху Колька.

— Ты сам не грохнись с верхотуры.

Ванька ошибся. Сено на верхушке бралось нелегко. Оно смёрзлось, и вилы, с трудом втискиваясь в комки, выковыривали ледышки.

Пока Колька с Ванькой бестолку ковырялись на зароде, Аркашка осмотрелся вокруг. Он не узнал поля. Берёзки, по которым летом проехал несколько раз вдоль и поперек, все его маленькие болотца, лощинки и взлобья сровняло снегом, и оно стало обычной снежной равниной, ничем не отличающейся от других же заснеженных полей. Зароды, укутанные снегом, сиротливо торчали по всему полю, словно белые пешки на брошенной доске. И колки были голыми и тосковали.

«Да, — подумал Аркашка, — наверно, не было бы так красиво летом, если бы не было этой зимней унылой равнины, убегающей к дальним колкам».

— Эй, держи, мечтатель, — сверху на Аркашку полетел массивный навильник сена.

И опять пахнуло жарким летом. Аркашка взял клоч сена в руки, покрутил им у носа. Тут был хорошо сохранившийся ковыль. И выглядел он не белёсым и жухлым, как летом среди зеленого разнотравья, а вполне свежим, ароматным, с живой прозеленью. Были тут некогда павшие под полотно косилки светло-зелёные лепестки земляники, яркие стебли аржанника.

Наверху Ванька с Колькой разгорячились. Поскидывали шапки. От их мокрых голов шёл пар.

— Шапки наденьте, — скомандовал Аркашка. — Ванька, сопли вытри.

Ванька нахмурился, вытер нос рукавом. Оба надели шапки.

— Жилу нашёл! Ур-ра! — закричал Колька — Сюда, Ванька! Сено чистое, зеленое, как вроде вчера косили. Нюхай, чаем пахнет. А посмотри, как легко берётся. Держи, Аркашка!

— Прибавит коровушка молока после такого сена, — как всегда, тихо сказал Ванька.

Сначала сбрасывали сено рядом с санями, а Аркашка укладывал его. Потом он подогнал Серого поближе и поднялся на воз. Серый и Гнедой аппетитно хрустели свежим сеном. Аркашка заложил широкий воз. Укладывал с большим навесом. Потом придавит сено —

никуда не денется. Правда, тяжелей будет воз везти, если сено станет волочиться по бокам. Потом главное выдержать прямую линию, не съехать на бок.

— Смотри, чтобы Серый у тебя точно посередине стоял, — советовал Колька.

— Без советов обойдемся, — ответил Аркашка.

Воз быстро поднимался вверх. Спины у работников стали мокрыми. Ванька с Колькой посбрасывали фуфайки. В поле, казалось, потеплело. С неба тихо полетели мягкие снежинки.

— Все, закругляйся! — крикнул Аркашка. — Ещё навильника два мне под ноги — и хорош! Давай быстрее.

Колька прыгнул с зарода, нашёл бастрик, до блеска отшлифованный сеном. Зарубленным концом подал Аркашке.

— Зайди, Ванька, спереди, — сказал Аркашка. — Найди у передка проволоку. Я буду опускать бастрик, а ты придерживай и цепляй его за передок. Вот так. Верёвку, Колька! Пропускай в кольцо и на бастрик. Час затягивать будем.

Аркашка прыгнул с воза. Бастрик торчал на возу, словно ствол от пушки, и, если бы Колька не поддерживал его веревкой, он скатился бы Серому под ноги. Втроём взялись за верёвку.

— Раз, два — взяли! — командовал Аркашка. — Ещё взяли! Колька, цепляй сани. Теперь будем затягивать.

Но завязывали бастрик зря. Сколько не пытался Серый сдвинуть воз с места, ничего не выходило. Он упирался, устремившись всем телом вперёд, дёргал, подавшись чуть назад, пытался сдвинуть сани в сторону — воз словно приморозило.

— По волглому снегу не враз его сдвинешь, — сказал Колька — Да ты, Аркашка, и навалил порядком. Эх Серый, ну айда — пошёл!

Серый напрягся из последних сил и ткнулся мордой в снег. Гужи соскочили с оглобли.

— Все, приехали, — сокрушенно вздохнул Колька. — Теперь запрягай не запрягай — даром. Гужи раскисли. Сыромятина! Вишь: как кисель.

Аркашка, не обращая внимания на рассуждения Кольки, запряг Серого.

— Давай сзади подтолкнем, — предложил Ванька.

Все навалились сзади, зарываясь в сено.

— Пошёл Серый! Нн-о!

Однако Серый недоумевал, куда же делись люди, и надо ли теперь натягивать гужи.

Аркашке пришлось взять вожжи, повторилась та же история.

— Не,дохлое дело, — отряхиваясь от снега, сказал Колька.

— Не-е, — злился Аркашка. — А чё теперь делать? Сбрасывать сено? Там нас ждут с сеном, а мы явимся порожняком. Думай, голова!

— Я думаю, только ничё тут не сообразить. Надо было там, в посёлке, думать, оглобли с набойками выбирать.

Сани их глубоко сели в рыхлый снег впереди саней, воз не двигался.

— Гужи сдали, гужи, — долдонил своё Колька. — Сбрасывать надо половину.

— Эх, была не была, — снова запряг Серого Аркашка. — Надо же! Теперь тут загорать будем.

— Давай сбросим половину, — предложил Ванька, — выведем воз на торную дорогу, потом на Гнедом еще подвезём сена, добавим Серому. По накатанной дороге пойдет как по маслу.

— На Гнедого тоже много не навалишь. Та же история выйдет.

— Нн-о! Пошёл, Серый, нн-о!

Серый подался вперед, и гужи снова поехали по оглоблям.

— Песочку бы туда подсыпать, чтобы они не ползли! — заглядывал под гужи Аркашка.

— Где ты его, песочку, возьмёшь?! Земля мёрзлая. Гвоздей нет, — вздохнул Колька.

— А может Гнедого подключить? — соображал Ванька. — Привязать ему за хомут верёвку, а другим концом за воз.

— Варит у тебя котелок, — похвалил Аркашка. — Распрягай Гнедого. Только скидывать сено все равно придётся.

Половину воза сразу переложили на другие сани. Вдвоём Серый и Гнедой с трудом вытащили сани. После этого Гнедого вывезли на укатанную дорогу, сложили небольшой воз. На вторые сани бросили несколько навильников и поехали домой.

— О, работники наши вернулись! — встретили возчиков у ворот. — А почему у вас сани одни пустые?

— Гужи, — сник Аркашка. — Набойки сейчас сделаем — ещё раз съездим.

— Езжайте, ребятки, ишшо, — сказала тетьа Зухра. — Время пока раннее. Засветло вернётесть. А я Аскара Ахметова крикну. Он поможет. Как раз два воза привезете — и хватит.

К вечеру стало похолоднее. По полю прошёлся мягким ветром морозец. Быстро набросали возы. Аркашка сначала стоял на возу. На этот раз Серый тянул проворнее. Но как быстро ни работали, а выехали из Магнайского леса уже затемно. Рано повисла над роцей луна, поливая поля матово-бледным светом.

Чисто в поле, но воспринимается оно как большой куполообразный дворец освещённый лампадой.

Всё, что днём имело свои формы и очертания, виднелось нечётко, размыто и тем самым было ещё загадочнее. Небо со звездами равнодушно смотрело на этот залитый лунным светом мир, и ничему не удивлялось. Две подводы ехали сначала по ровному полю, потом по косогору. Здесь Аскар Ахметов и заметил зверей. Он сказал спокойно, чтобы не нагнетать на Ваньку страху:

— Волки, Ваня. Вон с косогора пробираются.

— Где?

— Смотри сюда. Во-он.

Ванька от страху втянул голову подальше в тулуп. Аркашка с Колькой ехали сзади, ничего не видели.

— Да ты не бойся, они нас не тронут. Тут посёлок недалеко. У них свадьбы теперь начались. Видишь, волчица впереди бежит.

На минуту стая остановилась. Волчица понюхала воздух и побежала к перелеску, степенно обследуя каждый куст.

Колька с Аркашкой так и не видели волков. Аскар не стал кричать с воза. Сказали им уже в поселке.

— Эх вы! — обиделся Аркашка. — Не могли крикнуть.

— Ты думаешь, не страшно в поле на волков напороться? Это тебе не лето. Они могут по следу бежать. Вон Фарида Алимova отца на берёзу загнали. Ночь просидел.

Быстро сбросили сено на повесть. Вместо одного воза Степановым досталось два. Ольга Васильевна была рада.

— Теперь до весны хватит, — делилась она радостью с тётей Зухрой.

— Хватит, хватит, Ольга — отвечала та. — А не хватит — ишшо съездят. Большие оне у нас.

Глава VII. Марта

В Новотроицке в воскресенье просыпаются так же рано, как и в будние дни. Женщины доят коров, мужчины кормят скотину. Аркашка спал на полатах. Рядом храпел Ванька. Аркашка тихо слез с полатей на печь. Ольга Васильевна процеживала молоко, от него по избе шёл приятный парной запах.

— Спи, — заворчала в дверях бабушка Женя. — Чуть свет — а ты уж на ногах.

— А дедушка встал, — оправдывался Аркашка.

— Дедушка — чего ему не спится. Напазится с вечера, да и бухает всю ночь.

Аркашка натянул пимы, умылся из умывальника.

— Вот и мне тоже не спится, — ответил Аркашка и вышел на двор.

На востоке завязался робкий зимний рассвет. Двор от освещённых окон был ослепительно белым. Ночью выпал небольшой снежок. Он тихо упал на ворота, на изгородь у пригона, на стайку, прикрыв сено белой шалью. Засуетились сороки. Прилетели во двор, высматривая, чем бы поживиться. Испугались снега. Место занимают с утра по дворам, где кормиться будут.

Аркашка залез на повесть сбросил сено Марте, Динке, козам.

Марта стояла по среди двора вся чёрная, без единого пятнышка. Даже копыта и нос у нее тоже были чёрными, как уголь. И только со спины пристал липучий снег. Но он быстро таял, ослизло слезая с хребта, с боков. На спине снег лежал белым марлевым лоскутком. По привычке Марта жевала серу. Она по-летнему мотала головой, доставая влажным носом заплечье, по которому щекотливыми каплями стекал снег. Так летом резким движением головы Марта отгоняла пауков и мух. Сколько помнит Аркашка себя — помнит и корову свою Марту. Когда Аркашка родился, Марта уже стояла во дворе и жевала серу. А в избе каждый год появлялись маленькие шустрые телята, пёстрые, рыжие, чёрные. Зимой телят на первое время определяли в запечь. И когда Аркашка залазил на печь, телёнок щекотно лизал своим языком пятки.

Аркашка всегда сбрасывал Марте больше сена, чем всем другим, особенно этим нахальным козам, которые сами карабкались по лестнице вслед за Аркашкой на повесть. Сено

Марта отработывала. Она давала много густого и вкусного молока. Мать говорила, что Марта всю семью кормит, детей поднимает на ноги.

— Ведерница моя, — говорила ласково мать, подсаживаясь с доёнкой к Марте.

Марта, как бы принимая похвалу, понимающе помахивала хвостом.

Аркашка подружился с Мартой, когда совсем ещё был карапузом, лет четырех от роду. Тогда он вышел во двор и стоял, спокойно смотрел, как дед сбрасывал скотине сена. Засмотрелся Аркашка, и в это время разыгралась Жданка, взрослая уже почти тёлка, дочь Марты, толстая, а ума никакого. Разыгралась, брыкаясь и отбрасывая зад на сторону, и своим лбом поддела Аркашку под зад. Тот в один момент оказался в снегу. Жданка сурово раздувала ноздри и, фыркая, крутилась вокруг Аркашки, но она крутилась над малышом недолго. Марта увидела её художество, зло мотнула головой и так понужнула тёлку, что та долго озиралась по сторонам и не решалась подойти к сену, пуская слюни.

— Вот так, — отряхиваясь от снега, — ворчал Аркашка, — не будешь бодаться. Чё — теперь терпи, стой в стороне, подожди, пока поедят старшие.

С тех пор и завязалась между Мартой и Аркашкой дружба. Аркашка часто подкармливал хлебом, чесал её шею. При этом она её с удовольствием вытягивала, даже прекращая на время жевать свою жвачку. Летом Аркашка встречал Марту из табуна, а когда, забежавшись, забывал встречать, то она задерживалась, где-нибудь за фермами, но всё равно, где бы ни была, являлась с громким мычанием ко двору, еле волоча ноги. Ей было тяжело нести огромное, как рюкзак, вымя. Оно болело, соски торчали во все стороны, и из каждой тонкой, почти невидимой нитью струилось молоко.

— Где вот шлялася, пошатунная? Присушить молоко, — ворчала мать, подсаживаясь к Марте с доёнкой, теплой водой и полотенцем.

Молоко всегда было в доме Степановых, и когда Аркашка, мать и все братья жили вместе с бабушкой и дедушкой, и когда они переехали в свою избу. Молоко в посёлке да картошка, ну, и хлеб, конечно, — и можно жить припеваючи. Но можно было иногда стерпеть без картошки, а без молока ребятишкам никак нельзя.

— Спасибо тебе, Марта, — говорил Аркашка — спасибо тебе за молоко.

Марта, словно стесняясь похвалы, помотала головой, облизывая мокрые ноздри. Аркашка почесал её шею, смёл мокрый снег, похлопал Марту по загривку. Вот она какая уже старенькая корова. Но пока зубы есть — будет жить, серку жевать. И молоко будет, и блины с маслом мать будет печь в русской печи, и вареники с творогом, и кислое молоко тягучее, и просто молоко с сухарями. Всё будет. Поклониться тебе, Марта, надо низко. Марта, как по заказу, таскала одних бычков. Их всех одной кличкой называли — Мишка. К зиме их забивали. Аркашке было жалко их. Каждую скотину, которая жила тут во дворе он жалел и уважал. Даже этого противного поросёнка, который постоянно выпивал из рукотомника воду и съедал мыло — и то было жалко, когда по осени приходил Зухар Изояков с длинным ножом и хладнокровно убивал его. Поросёнок есть поросёнок. Жрёт, а когда жадничает, больше расплещет. Чавкает, изо рта у него бежит, вокруг летят брызги. А он, когда жрёт, ещё подкидывает содержимое во рту. Но и то, что вылетает в процессе еды изо рта, не пропадает даром, тут же налетают куры и склевывают остатки. Куры тоже ничем не брезгуют, любой помёт лишь бы свежий. Ещё почище поросёнка. Только чистюля кошка, подрыгивая хвостом и долго выбирая чистой лапкой, куда бы наступить, прохаживается по крыльцу. Нечем ей поживиться. Вот если бы рыбу чистили или ещё чего-нибудь такое, тогда можно было бы поспорить с этими вороватыми курами, поддать им лапой, чтобы не совали всюду свой клюв. Так и ладят чего-нибудь утащить и крадче от других сожрать.

Ещё во дворе есть одна потешная животинка — козы. С ними не соскучишься. Они, как верхолазы, шастают по повети, по сенникам, разгребают сено, залазят даже на избу. Козёл молодой, так тот, как собака, на задние ноги поднимается, норовит заглянуть в трубу. Чего он там потерял? А так дружное племя — козы. Пакостят все вместе. За то какой пух нагуливают! Варешки пуховые наденешь, и горя нет. Любой мороз нипочём. Ещё во дворе прохаживают гуси. Аркашка их не особо любит за змеиное шипение. Постоянно на кого-нибудь злятся, хотя и гусята уже взрослые — все равно шипят. И гусят к этому же приучают — шипеть на всех прохожих. И шипят всей компанией. Всё что-то бегают по двору суетятся, переговариваются, вытянув длинные шеи, положив их чуть ли на землю.

Курам хорошо. Они всегда найдут, чем поживиться, то у поросёнка с морды склюют, то тёлку будут поить — можно будет склевать отруби с ведра. Но главное — со стола постоянно что-нибудь сметают. Из дверей то и дело вылетает что-нибудь съедобное. Аркашке станет скучно, и он подбросит намоченных хлебных крошек. Да тех же гусей начнут кормить, насыпят пшеницы. Пока гуси щёлкают своими щипанцами, куры на теряют времени даром. Все бегают по двору, суетятся, ищут себе пропитание, лишь Марта спокойно стоит, умиротворенно пожевывая серку. Лениво помахивает метелкой хвоста, и отгонять теперь,

кроме белых мух, некого. Нагуляла Марта за лето жирка, бока у нее гладкие, ровные, хвост очистился от лопухов и липучки.

Бывают такие коровы! Ни одного пятнышка. И хвост, и глаза, и уши, которые из-за отсутствия рогов особо заметны — всё черно. Ночью стоит где-нибудь рядом — не увидишь, пока не налетишь. Марта неспеша подходит к сену. Ест тоже степенно, не торопясь. Не то что Динка: хватает клочьями, мотает башкой, половина сена разлетается по сторонам. Марта же не спеша выбирает сено позеленее, с листочками, и приятно хрустит. К обеду скотину выгоняют на водопой. На озере у моста сделано несколько прорубей. Марта последней потянулась к озеру. Шла тихо, не торопясь, Ольга Васильевна видела, как вернулась Динка, козы, а Марты не было. Она подождала ещё немного — побежала на озеро. С моста мать пришла в слезах, и Аркашка сердцем почувствовал: что-то случилось с Мартой. Мать зашла в избу, бессильно опустилась на скамейку.

— Упала наша коровушка, наша кормилица дорогая. Упала на мосту и сломала свою ноженьку.

Прибежали на плач соседи, успокаивают:

— Ничё уж, видно, не поделаешь, Ольга. На то воля господа. Да и старая уже она. Никак с Аркашкой вон погодка, а то и старше.

— Старше, — уточнила Ольга Васильевна. — Ей уже около двадцати. Старая-то старая. Но ведь и молока не сбавляла, по полтора ведра в день — да какое молоко!

Пришла бабушка Женя.

— От наказание господне, — перекрестилась она.

— Мама, а куда теперь её? Лечить? — приставал к матери с глупыми вопросами Аркашкин брат Толька.

— Нет, сынок, — вздохнула бабушка Женя, — теперь уже её не вылечишь.

Все подносили к глазам платки и оплакивали Марту.

— Приколят, а мясо на склад.

— Я не буду, — сказал Аркашка.

— Что не буду? — погладила его по голове мать.

— Не буду есть Мартово мясо.

— Не будешь, не будешь. Никто не будет.

Жалко было Аркашке свою корову до слёз. Он сидел на печи и ревел. Думал, для чего так неумолимо придумана смерть всему живому, никто не обойдёт её, не объедет, ни корова, ни собака, ни человек.

— Как ты теперь без коровы-то, Ольга?

— Динка вон отелится. В мать пойдет, так не пропадем.

Аркашка совсем было скис. Навалились на него разные мысли о бренности всего живого. Да тут ещё и дома никого не было: Толька с Мишкой тоже убежали на мост, смотреть, как будут прикалывать Марту. Дурачки. Ничего не соображают.

Глава VIII. Сани

Новотроицкая школа стоит на горе, возле озера Закопайлово. Школьная гора почти у самого школьного сада спускалась к озеру. Зимой гора превращалась в каток. Тут карабкаются с санками дошколята, мчатся на лыжах школьники и взрослые уже пацаны.

Санька Кошкин явился на гору с пустыми руками. Глянув, как пацаны, словно горох, катятся вниз, Санька в развалку подошёл ближе, поманил пальцем Герку Мальцева.

— Иди сюда, малый, иди.

Герка мигом подбежал к Кошкину и вытянулся как бравый солдат.

— Рядовой Мальцев...

— Сопли вытри, — перебил его Санька. — Хочешь покататься?

— А у меня санки есть.

— Санки, — сморщился Кошкин. — Рази это катание?! Чичас сани прикатим. Пошли!

Они притащили от кузницы сани без оглоблей. Любителей прокатиться с ветерком набралось много. Все кричали, толкали друг друга, спорили о том, кому первому катиться с горы. Набилось в сани — с гаком, все кричали, сзади прицепили целую вереницу санок, но обоз не успел двинуться с места. Из-за школьного угла, поднимая снежную пыль, ошалело выбежал молодой бык, запряженный в такие же сани. Пассажиры на них не было.

— Ур-ра! — подпрыгнул Кошкин. — Быков обучают. Садись, кто не пугливый!

Пока бык соображал, куда ему теперь податься, все пассажиры перекочевали на запряженные сани, устроив на них целую свалку.

Обучать молодых быков в Новотроицке доверяли взрослым пацанам. На этот раз Душанов позвал в компанию Зухара Куртунбаева, Аркашку Степанова, Кольку Демина. О том,

что обучают быков, остальные мальчишки узнали здесь, на школьной горке, куда примчался бык.

На скотный двор пришли рано утром, ещё затемно. Ловили быков косцы Сергей Орлов, Борис Тулегенов, Аскар Ахметов, Султан Куртунбаев. В последние годы в колхозы стали приходиться трактора, машины, но лошадей и быков пока ещё никто не собирался списывать со счетов.

— Белолобый мне нравится, — сказал Сергей Орлов, смело приближаясь к быкам. — Дай, Васька, аркан. Щас я его завяжу.

Сергей ловко забросил петлю на Белолобого, к которому тут же прилипла эта кличка. А может, его и раньше так называли. Белолобый сопел, раздувая ноздри, загребая мощными копытами снег, выцарапывая мерзлую мякину. Могуч он был, этот бык. Гладкие ровные бока, могучие плечи. И применив всю свою силу, белолобый разбросал бы всю компанию, но бык чувствовал силу человека и понимал, что как он ни бейся, не уйти ему от судьбы, не устоять на своем.

— Стой, дурак, — злился Сергей, надевая на рога Белолобого налыгач. — Работать лучше, чем ехать на мясокомбинат, сосисок там из тебя наготовят. Обучим — сани да косилки таскать будешь. А не научишься ничему — на котлеты тебя пустят.

Втроем тянули за налыгач. И всяк из них нутром понимал, что значит поговорка: «Уперся, как бык». Василий Павлович зашел сзади, подтолкнул быка плечом, и тот нехотя, шаг за шагом, упираясь, поковылял к сням. Казалось, он идёт не вперед, а назад. Его собратья, которых в пригоне было много, с любопытством и с опаской смотрели на Белолобого, было что-то трогательное в этой картине. Быки, прижавшись к пригонным жердям, испуганно, но с любопытством смотрели, как их собрат робко вступил в единоборство с человеком.

Все знали: все равно придется покориться. О быках, во все времена вместе с человеком поливающих потом землю, надо сказать доброе слово. Нет существа более покорного судьбе, безропотного и от того несколько равнодушного, чем бык. Таким делает потомка брызжущих огнем и энергией бизонов и зубров лишения его возможности продолжать себя в потомстве. Природа не дала ему права осознавать себя в ней, и он потерял цель своего далёкого существования: выжить и утвердить себя среди врагов. Человек заставил скотину работать, изобрёл для этого ярмо. Но и сам он не сидел сложа руки. Работал как бык. Быков знали в Новотроицке по кличке и по внешности, как людей. Вот — Сорока. В самом деле пёстрый, как сорока. С одним рогом, а другой, выросший на бок, спилили. Теперь, к старости, он набрался такой твёрдости, которую никто не выбьет ни кнутом, ни палкой. Бока его и бедра походили на серый задубевший брезент. Они уже ничего не чувствовали. Сорока одинаково медленно шёл и на гору, и под гору. Он шагал как заводной, и увеличить его скорость практически было невозможно. Сколько, если посчитать, он сделал доброго. С лихвой оплатив за корм и заботу. А когда-то и Сорока, который стоял тут же рядом и равнодушно смотрел по сторонам, был таким же молодым, как Белолобый.

— Может, выгоним стариков, — предложил рядом стоящий Гелинбеков. — Чтобы не мешали своим мыканьем.

— Не, — возразил Сергей Орлов. — Когда их больше — лучше молодняк ловить. Чем теснее — тем лучше. А тут попробуй его в пустом пригоне словить.

— Вот этого теперь лови, — сказал бригадир. — Два ворона в бригаде будет.

— Этот крутой, — оценивающе посмотрит на Ворона Сергей — Этот даст нам духу.

— Даст — возьмём.

— Ну, давай, давай не бойся, привыкай. Цоб!

— Не желает работать.

— Хватит, друг, погулял.

— Толкай сюда башку, — Сергей настраивал ярмо. — Сюда, сюда.

— Не хочет. Мимо ладит.

— Башка-то у него как наковальня. Болты ковать можно.

— Ничего, потов двадцать прольёт — остынет. Крути занозку проволокой, чтобы крепче. А то он из любого ярма выпрыгнет. Щас хвост клюшкой — и начнет гвоздырять. Садись!

Бригада Сергея Орлова из трёх человек прыгнули на сани. Ворон вертел головой, нюхал землю и стоял как вкопанный. Белолобый уже куда-то умчался. Но, видно, Белолобый не кочевряжился, быстро постигал нехитрую азбуку труда. А вот Ворон оказался с характером. Он легко взял с места в намет и по-собачьи рванул по неглубокому снегу: сперва пошёл вдоль фермы, задевая ярмом за стену и оставляя на ней тёмные отметины.

Сергей Орлов не успел расправить кнут, как сани перелетели через лог, пошли юзом, перевалялись и все пассажиры полетели с саней, и их ловко, словно снежицей, накрыло

навозной площадкой. А Ворон, освободившись от лишнего груза, откидывая по телячьи зад по сторонам, рванул к школе, где его и встретила ватага катающихся пацанов.

Ворон, остановившись на минуту у школы, передохнул, одумался и, крутанув хвостом, снова приударил вниз к огородам. По привычке лихо свернул за угол огорода, сани снова перевернулись — и все пацаны оказались на снегу. Лишь Санька Кошкин, ухватившись за передок, чудом держался на санях. Ворон не пошёл напрямик по улице, а свернул и побежал задом. Перемахнув сугроб у стайки деда Долженко, на всем скаку, словно пытаясь сбросить Саньку, налетел на навозную кучу. Санька напоминал бесстрашного пловца, попавшего на утлой лодчонке в шторм. Его, словно щепку, бросало из стороны в сторону. На куче сани и вовсе стали на бок, но и тут Санька, придержался за оглоблю, устоял, не слетел. Форсировав кучу, Ворон ещё прибавил скорости, и теперь его не сразу можно было догнать и на лошади. Он сшиб ещё два угла у огородов, и, словно паровоз, выпуская пар из ноздрей, летел к Алимовому двору. Свалил одно звено у палисадника и поднял на рога запорошенную снегом кизячью тумбу. Санька уже не помышлял об управлении. Он думал лишь о том, как бы усидеть. На задах у Алимовых бык развалил еще одну тумбу. Он, как танк, утюжил аккуратные тумбы, наезжал на навозные кучи, задевал за все встречные углы.

— Эх-ма! Айда, пошёл! — подвывал Санька. — Жалко палку потерял, а то бы...

Наконец, бык умерил свой пыл, перешёл на быстрый шаг. Потом успокоился ещё больше. Отдышавшись, рванул к озеру, и мчался там что есть мочи, и наконец выбился из сил, остановился. От него, как от новорождённого, валил пар.

— Всё, — сказал Санька. — Укатали Сивку крутые горки. Теперь до дому давай. Опомнись, родимый, по снегу не больно наскачешь. Вертайся!

Санька хлестнул быка берёзовой веткой. Но Ворон лишь чуть вздрагивал и шёл спокойно. Он вышел на дорогу. Понял, что идти надо не от деревни, а к деревне. И он пошёл ходко, резко, не переходя на бег.

— Вот и молодец, Ворон, — навстречу саням шел Дуцанов — Будет в косилке ходить. Спокойный. Да здоров. Сила есть.

— Спокоен! — у фермы появился Сергей Орлов со своей бригадой, которая оказалась накрыта навозной ловушкой. — Накрыл нас, как воробьёв.

— Держаться надо, как следует, — соскочил с саней Кошкин.

— Да, Кошкин молодец, — похвалил бригадир. — Усидеть на таких санях непросто.

Второй экипаж прибыл минут через двадцать. Белолобый, тоже не торопясь, шагал к пригону.

— Километров пятнадцать отмахал, — сказал Аскар.

На дровнях его повозки стоял ящик, на котором Кадыр Мендыбаев возил отходы. Поэтому Аскар Ахметов и все пассажиры сидели в ящике и были похожи на мешок с мукой.

— Раз, два — перевернул эту мельницу, — жаловался Аскар. — всех в муке вывалял, как колобков. Один раз чуть не прихлопнуло ящиком, как крыс. Хорошо оглобли у Кадыра крепкие. Ишь запрягли этот рыдван, а в нем отходов полно.

Целый день в Новотроицке обучали быков. Для взрослых это была трудная работа. А для пацанов — забава.

г. Южноуральск

Лилля Журавлёва

Неотправленное письмо

Querida mia Carmen [керида миа Кáрмен].

Нет, я не про корриду, а про свою подругу, и зовут её не Кармэн, а Кáрмен.

Querida mia — по-испански «милая моя».

Милая, моя Кáрмен! У меня нет твоего адреса, контактов в Facebook или WhatsApp. Ты же знаешь сама, как давно это было. Но я чувствую, ты меня не забыла. Какая же я балда, что потеряла твой адрес и последнее письмо.

Я звонила тебе не с мобильного и даже не с домашнего, а ходила в «Дом связи» и заказывала разговор через телефонистку. Просто каменный век по сравнению с сегодняшними возможностями коммуникации.

Прошло столько времени, но мне есть, что сказать тебе. Только не знаю, с чего начать. Так бывает, когда двое долго не виделись, обнялись, смотрят друг на друга не отрываясь и молчат.

Храню Испанию в своем сердце. Я прошита и зачипирована воспоминаниями о ней, и с каждым годом картинка всё ярче. Это средство получше, чем новейшая прививка, потому что и в тяжелые времена, и в минуты счастья можно нырнуть в далекий 1995, черпать пригоршнями мадридское солнце и плескаться себе в лицо.

Передо мной стоит пятнадцатилетняя девушка. Да это же я!

Сколько лет, сколько зим! 25 или больше? Я давно окончила школу, университет, получила второе высшее.

Однажды накануне 1995 года, можно сказать, случайно, я оказалась в Испании. Бывает же такое! Как тут не поверить в чудеса? У чуда есть помощники: знак, сон или встреча. Они предупреждают: грядут перемены. Сначала произойдет крошечный эпизод, а потом судьба резко изменит траекторию.

И ты, Кáрмен, об этом наслышана. Мы случайно познакомились в Питере в Исаакиевском соборе. Я была на экскурсии в компании одноклассников. Кому-то пришла в голову сумасбродная идея: «Давайте подойдем к иностранцам и заговорим по-английски! Зря, что ли, долбим язык со второго класса?»

«Резонно», — неожиданно поддержали остальные. На ловца и зверь бежит. Иностранцев там было пруд пруди. Выбранные нами девушки оказались испанками, вполне себе говорящими по-английски. Они с интересом откликнулись на наше приветственное: «Hi, do you speak English?»

Смелость всегда брала города. Англоговорящие испанцы — редкое везение! Как известно, новичкам везет. В казино, например. А мы в Исаакии, и Бог нам в помощь.

Языковой барьер пал мгновенно. Мы болтали, фоткались возле собора и договаривались с сестрами Кáрмен и Эстер о встрече вечером. Гостиница, в которой они остановились, какется, называлась «Ленинградская», если я ничего не путаю.

В Питере мы больше не увиделись. Родители и классный руководитель были, мягко говоря, не в восторге от перспективы самостоятельной прогулки детей по вечернему городу. Аргументация о пользе языковой практики с «живыми» носителями языка успеха не возымела.

Мы уехали домой. За своих одноклассников не скажу, но сама могу заявить уверенно: мой «языковой гештальт» не был закрыт. Наоборот, во время знакомства с иностранками он лишь маякнул. Закрою я его гораздо позже, все сложится, как в гениальном сюжете. Встреча с тобой, Кáрмен, станет для меня судьбоносной.

Дома я обнаружила в блокноте заветный мадридский адрес, значит, можно написать. Долго не рассуждая, я отправилась на почту, купила конверт для дальнего зарубежья и марки.

Первая ласточка улетела в Испанию.

Стою в подъезде и гипнотизирую почтовый ящик. Ступор длится недолго: чтобы увидеть его содержимое, нужно ещё подрасти.

Быстро меняются декорации. Ухватившись руками за отверстия двух соседних ящиков, я подпрыгиваю и зависаю на мгновение, почти левитирую. В воздухе успеваю заметить, что сегодня ящик пуст, и благополучно приземляюсь. Сомнительный фитнес происходит в подъезде каждый день после возвращения из школы. Бывало, что с первого прыжка из-за недостаточного освещения я не могла определить, точно ли пусто. Подпрыгивала ещё пару-тройку раз, и, убедившись, что сегодня писем нет, уныло брела к лифту. «Придёт обязательно!» — успокаивала сама себя.

Однажды зависшей в прыжке меня увидит бабушка-соседка. Смущенно что-то мямлю про то, что позарез нужно почту проверить.

«А», — многозначительно тянет в ответ бабуля.

Похоже, она видела меня насквозь. Может быть, думала, что я жду весточки от любимого, поэтому её взгляд и был таким многозначительным.

Письма шли долго. Сначала «туда», потом «обратно», почти полтора месяца. Моя прыгучесть неуклонно двигалась к навыкам перспективного игрока сборной по баскетболу.

Взлёты и посадки у почтового ящика шли как по расписанию.

— О боже, там жёлтый конверт. Сто пудов — заграница!

Здесь нужно оговориться. Единственный ключ от почтового ящика был у мамы. Мама тоже радовалась, когда находила в нём письмо или открытку. Её радость повзрослела, краски маминой радости были всё больше пастельные, а моя, ещё необузданная, сверкала неоновыми огнями. Но если вдруг накатывала грусть, то оттенки менялись. Да здравствует Малевич и его самая раскрученная картина!

Тогда я решила достать письмо, чего бы мне это ни стоило. Ожидание мамы с работы грозило стать пыткой.

На нашем допотопном лифте я птицей взлетела на восьмой с половиной. Пока открывала входную дверь, в голове зрел план. Чем работают домушники? Отмычками. С точки

зрения взлома замок в почтовом ящике — детская игрушка. В отверстие для ключа нужно вставить узкий и плоский предмет и добиться поворота замочной системы. Пилочка для ногтей или маникюрные ножницы с тупыми концами. Эврика! Вооружившись необходимым предметом, на крыльях, выросших для полёта инженерной мысли, я устремилась вниз.

Вижу цель. Аккуратно вставляю «отмычку-ножницы», плавный поворот, и вуаля! Дверца открывается! Восторг? Нет, другое. Там все смешалось! Но главным на пути к успеху оказались две вещи: не терять надежды и прыгать.

Дождалась! Письма ведь всегда ждут. В наши дни подобные послания — редкость. Разве что осталась на Земле горстка инопланетян. Они шлют друг другу письма в конвертах. «Что ими движет?» — спросите вы. Полагаю, одна из причин (в качестве первой я могла бы назвать любовь, хотя не уверена) кроется в ожидании или в предвкушении. Дьявол засел в мелочах, а счастье — прямо за плечом у адресата. Хрупкая субстанция по имени Счастье неразлучна с господином Мгновение. Давно сказал кто-то мудрый: «Остановись, мгновение, ты прекрасно». Мгновение решает судьбы, а счастье мимолётно. Так уж повелось у них.

В пятый раз я перечитывала изящные строчки, написанные рукой Кáрмен.

Летит в Испанию ответ. Будет много писем и подарков. В ноябре с воодушевлением напишу Кáрмен о том, что получила паспорт. Мне шестнадцать!

«Поскольку ты уже совершеннолетняя, можешь приехать в гости», — неожиданно отвечает подруга.

Господи, это же моя заветная мечта! С какого-то момента я начала бредить Испанией.

Всегда озвучивайте мечты, их слышит Вселенная. Не забывайте о точной формулировке, и, пожалуйста, поменьше абстракций, типа «хочу быть счастливой». Говорить нужно конкретно: когда, куда, зачем. Можно писать от руки зелёными чернилами.

Вселенная и моя мама получают заказ: младшая дочь мечтает об Испании. Обычно мама, выслушав наши с сестрой просьбы, брала тайм-аут. Я не знала, что скажет мама, но знала, что без денег мечта не станет явью. С финансами было плохо, вообще никак. На дворе — лихие девяностые.

У мамы созрел план и способ его воплощения. Схема была замысловатой, но осязаемой: я улетаю в Испанию с туристической группой, отсоединяюсь от соотечественников по прилёту, останавливаюсь у Кáрмен, а потом вновь встречаюсь со «своими», чтобы улететь домой. Получить визу по личному приглашению иностранца было сложно, тем более жителю закрытого города. Мамин гениальный замысел с туристической путевкой сэкономил кучу времени и позволял обойти визовые сложности. Но, как выяснилось позже, в моём случае групповая виза могла стать роковой. Человек предполагает, а Бог располагает.

Деньги на поездку нашлись чудесным образом. Вселенная помогает тем, кто верит.

Я поехала за границу в 16 лет! Позже все начнут путешествовать, через год мои одноклассники уедут в Штаты по программе обмена.

Папа проводил меня до Москвы, дальше я летела одна. Ощущала себя первопроходцем, без малого Юрием Гагариным, хоть и в масштабах собственной крошечной вселенной.

В Испании мой мир перевернулся. Есть такое слово — счастье. Долгие десять дней, наполненные эмоциями, общением и узнаванием себя в совершенно новых обстоятельствах. Поездки в музеи, прогулки по Мадриду, фееричный Новый год и молодой бармен, танцующий прямо на барной стойке.

Январская Москва, пронизывающий ветер, серый снег.

Ищу в толпе встречающих родное лицо.

— Привет, папа! Как я рада тебя видеть. — Непривычно вдруг снова заговорить по-русски.

Унылый поезд везёт нас домой.

Вернувшись в Снежинск, я впала в депрессию. Там сказка, здесь реальность. В ней я просто не выживу! В магазинах нет ни бананов, ни колы. Дальше будет только хуже.

Кое-как справилась с непрошеной гостьей, и жизнь раскрутилась пестрой лентой событий.

Громко заявил о себе гештальт — хочу общаться с носителями языка. Там, в Испании, я научилась думать по-английски!

Впереди будет много встреч, знакомств и бесед с иностранцами. Кáрмен была моим первым «носителем языка». Опять Юрий Гагарин? Глупо спорить с возникшей ассоциацией, потому что мы выросли на книгах о космосе и космонавтах.

Я стала переводчиком. Иностранцев было вагон и маленькая тележка.

Милая Кáрмен! Прости, отвлеклась. Я давно написала тебе в мыслях. На русском, но, если понадобится, легко переведу письмо на английский, чтобы и ты смогла понять, что я чувствую.

Я часто пишу в голову, долго вынашиваю текст. Я жду его, как беременная. Проходит время, приближается ответственный момент. Немного терпения, и потом обязательно прозвучит: «Пора!» Усадят за стол перед чистым листом бумаги.

А что, если перевести письмо на испанский и разместить в сети с моей фотографией. Вдруг ты увидишь.

Прости, не помню, благодарила ли я тебя. Да, я сказала спасибо перед посадкой. Помнишь, сначала я летела до Барселоны, чтобы встретиться со своей группой. В аэропорту у нас ещё возникли «трудности перевода», все из-за этой чёртовой общей визы. Я гостила у тебя в Мадриде, а мои российские «однорупники» уехали в Барселону. Мне нужно было перелететь из Мадрида в Барселону, но мадридский полицейский вдруг перестал понимать родной испанский, ему нужна была моя персональная виза. Он не мог постичь, как можно без неё перемещаться. В пылу страстного диалога я с тревогой наблюдала за твоим багровеющим лицом и непрошибаемой физиономией мужчины. Если бы не ты, Кáрмен, осталась бы я в Испании до выяснения обстоятельств. Ты смогла убедить его, что с документами всё в порядке, и меня выпустили.

Часто бывает так, что мы дарим близким самые тёплые слова только перед расставанием. Я верила, что мы непременно встретимся, что впереди каждую из нас ждут только светлые полосы. Всё и сейчас впереди, я знаю, но ниточка дружбы на расстоянии, конечно же, уязвима. Нет, виной тому не наплевательское отношение сторон-участниц, а скорее, обстоятельства.

Я буду верить в то, что письмо от тебя ещё прилетит. Знаешь, Кáрмен, в моем российском паспорте семь штампов о смене места жительства. Я всё время переезжаю в своем крохотном Снежинске. Но тот заветный почтовый ящик по адресу Победы 25-39 так и живет в моих воспоминаниях, а они крепко связаны с тобой.

Кто знает, вдруг неведомыми путями наши жизни сойдутся вновь. Я тебя не искала в сети, но обещаю, что обязательно попробую. Чем чёрт не шутит.

Несказанно рада нашему случайному знакомству и что моя мечта о поездке в Испанию сбылась. Незабываемый опыт стал мне защитой от огорчений и злых языков, потому что я насквозь прошита горячей Испанией и дружбой с тобой, моя дорогая Кáрмен.

Adiós, querida Carmen [Адъос керида Кáрмен]

До свидания, милая Кáрмен!

г. Снежинск

Александр Кукушкин

Два Сашки*

роман

Книга первая. Прозрение

Часть первая. Солнце встаёт

Шестнадцатая глава.

Вопросы — ответы

На свадьбу к Серёжке они, естественно, опоздали. И на торжественной регистрации не были.

Пока Сашка приехал домой с работы, пока дошли до Серёжиной тётки, где в разгаре шло торжество, все уже были в хорошей кондиции.

— Ура! Внимание! Санёк прибыл! Штрафную опоздавшим! — Серёжка выходил из-за стола.

Все оживились. Родственники потянулись со своих мест навстречу Сашке с Галиной.

— А это Галя — моя жена, — представил любимую Сашка.

— Как, жена? — Валентина Герасимовна — тётка из Москвы — поперхнулась. — Нина, — она недоумённо смотрела на Нину Герасимовну. Та, пожимая плечами, развела руками.

— Ладно, ладно, — перебил её дядька из Ленинграда, — штрафную опоздавшим! И все начали поочёрдно обниматься и целоваться с Сашкой и Галиной.

* Публикуется в авторской редакции. Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2019.

Дядька из Кургана уже подносил им по гранёному стакану водки. И все разом, скандировали: «Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!». Кто-то подал огурец, нанизанный на вилку.

После выпитой водки хмель сразу ударил в голову обоим.

Потом ещё и ещё наливали, произносили тост за тостом.

Дом был большой, из шести комнат и в каждой комнате стояли столы, за которыми сидели многочисленные гости.

Сашку окружили родственники и донимали расспросами. Он бросил взгляд на место, где должна была сидеть Галя, но место было пусто. В каждой комнате во всю пелись песни вразнобой на все лады. Сашка бросал взгляд на пустое место, но наседавшие родственники наперебой не давали ему покоя с расспросами. Он извинился, сказал, что нужно в туалет и вышел из дома.

Проходя вдоль сарайки, он услышал знакомый голос. Галя, пьяным, томным голосом говорила:

— Ну, Рома, не надо, я же замужем, отпусти меня, ну, что ты делаешь? Порвёшь...

Сашка, как ошпаренный, кинулся в сарайку. Рывком открыл дверь. Высокий парень, что сидел за столом напротив них, прижал девушку к стене, трусы её были припущены, она упиралась ладонями ему в подбородок. Он резким, натренированным движением, заломил руку парня на обратный ключ, схватив волосы парня левой рукой и резким движением запрокинул голову на зад.

— А-а-й! — заорал пацан. — Больно!

— Ты, шкет! Ты, гад, что делаешь?!

Галя подтянула трусы, поправила юбку, презрительно посмотрела на него и, видно, от всей души, смачно плюнула ему в лицо.

— Слюнтяй! — Развернулась и пьяной походкой вышла из сарайки.

— Я бы мог сломать тебе, шакал, сейчас твою руку, но... не хочется портить праздник брату.

И Сашка отпустил из захвата парня. Тот согнулся от боли, заскулив как собака. Сашка развернул его головой к выходу и с силой пяткой пнул в задницу. Парень пробежал несколько шагов в согнутом положении и открыв головой дверь, растянулся на пороге.

Собирайся, пошли! Но, Галя уже держала своё полупальто в руках. Он помог ей одеться, и они вышли из дома, так ни с кем не простившись.

— Какого чёрта ты делала в сарайке?

— Да... я... покурить вышла, а... тут... он... откуда ни возьмись. Ну и начал...

— К-а-а-к, т-ы-ы, ку-ри-шь? Терпеть не могу курящих баб!

— Ну, так давай... разведёмся, ещё не поздно, аборт я сделаю, срок... маленький...

Он резко остановил её: — Ещё раз я от тебя такое услышу, изобью!

— Ну, так, на! Бей! Прямо, сейчас! — Её мотало в разные стороны, она кричала.

— Ну, на! Ну, ударь меня! Все вы такие! Сволочи! Вам, только п... да нужна!

По всему посёлку громко лаяли собаки.

— Хватит орать, — он взял её за руку, встряхнул. — Пошли, нечего концерты на улице устраивать! Дома поговорим. Она затихла. Он взял её под руку и они, шатаясь, пошли к дому.

Семнадцатая глава.

Незванные гости

Он сидел на посту и наблюдал за ходом работы. Машина работала чётко. Блюм ровными рядами ложился на раскатное поле. Сашка, углубившись в свои мысли, не заметил, как задремал.

...вот он пятилетним мальчишкой, взяв длинную палку и положив её на плечо, расхаживает по своей землянке и говорит:

— Я часовой, я охраняю склад.

Внизу, метр от крыши землянки, во дворе, стоит ватага соседской ребятни. Кто-то из пацанов кричит:

— А вдруг немецкие самолёты налетят?.

Сашка вскидывает вверх палку и отвечает:

— А я их — тра-та-та-та! — И он начинает водить палкой в направлении неба.

Кто-то из ребятшек опять подаёт голос:

Ну, и супруженица! Да и деньги — целое состояние: сразу аж целые две тысячи... Так она говорит, что сегодня ещё должны придти, много забрать. Ладно, сегодня выходной... Но всё равно, что-то в последнее время частенько в рюмку стал заглядывать. Ведь, по сути-то, и на сверхсрочную остался из-за того, что не хотел домой возвращаться Батя последнее время начал каждый день поддавать. Как с работы идёт, так, два фунфурика портвейна тащит; сам колобродит, так ещё меня за собеседника: вот, сиди, выслушивай его до полночи. Конечно, мужик умный, начитанный, хоть всего четыре класса образования. И Сашка вспомнил, как изредка приезжали к ним его сослуживцы, друзья юности; кто-то стал большим начальником, кто-то — доктором наук, и они, выпивая, долго разговаривали о политике, географии, истории, литературе и отец, так частенько бывало, в спорах оказывался прав, представляя в критический момент спора, или книгу какого-либо классика, либо различные словари, которых у отца было огромное множество. Конечно, чего греха таить, слушать отца, ему, пацану, было одно удовольствие.

А как в армию ушёл, так совсем пацанов упустил: вон и Серёжка на малолетку загремел: «хулиганка». Сколько денег вбухали на адвокатов! Через полгода всё-таки выдернули его из зоны...

И этот шкет, малой — тоже «хулиганка». Ладно только условно дали... Ну, всё, харе...

А она-то тоже — какого чёрта! Ведь пятый месяц, нельзя же, а она хлещет... Ну да ладно, вроде квартиру подыскал. Хозяин — одинокой старик-фронтовик, да и комнатка большая, отдельная, в доме... Вот переедем — никаких друзей и подруг. Да, думаю, и дед не позволит. Вроде, при разговоре, серьёзный старик, только матерится безбожно. Да там, во времянке, ещё квартирант... Должно, всё вроде быть путём. Да и Илюшку, глядишь, заберём, усыновлю: свою фамилию дам, хороший мальчуган. В том углу, у окна, кровать ему поставим. Через два года ему уж в школу. Как-то сразу в него влюбился. Это поначалу, это пятно... Нет, чудесный малый.

Он погладил жену по грудям, по выступающему уже животу, рука опустилась ниже, вот и ... Галя резко отдернула руку.

— Не надо, ты же знаешь, не нравится мне это. Ну, не люблю я этого. Что, головка бобо? Там, в углу, у нас есть... давай опохмелимся.

— Нет! Во-первых: я ни когда не опохмеляюсь. А во-вторых: харе. Надо завязывать с этими делами. Это, ладно, хоть каникулы с тренировками. Да и тебе-то, вообще нельзя, а то родишь мне каку неведому зверушку, всё-таки пятый месяц. И почему врачи не могут определять, кто же там сидит? Может быть когда-нибудь и будут определять. А опытные женщины говорят, что если живот маленький, то — пацан, а если, пузо на нос лезет, то — девка. А у тебя какой?

— Маленький.

— Да ладно, а вообще-то... — он обнажил жене живот, погладил его, наклонился и прильнул ухом, — ну, в общем-то небольшой. А чё там ничего не слышно?

— Так и срок — небольшой. Хватит меня рассматривать и прослушивать, доктор, доставай лучше бутылку, опохмелимся.

— Нет Галь, давай не будем, а то... похмелье — новая пьянка.

— Ну, ты же выходной!

Он погладил её по лобку.

— Давай не будем.

Она привстала, обняла его, улынулась:

— Давай будем, а потом — ещё... будем, ненасытный ты мой, — и поцеловала его в щёку.

Сашка потянулся за диван, достал бутылку водки. Открыл зубами, налил в рюмки.

— А ты знаешь, вчера просто не до этого было. Я ведь всё-таки нашёл хорошую квартиру. Так что завтра переезжать будем.

Назавтра, к полудню, они въезжали в огромный дом, в большую, светлую комнату.

Девятнадцатая глава.

Дядя Гриша

— Тут поставим диван-кровать, тут стол, а сюда Илюшину кровать. На шорох оба сразу обернулись.

На пороге комнаты, в длинных семейных трусах и овчинной безрукавке — душегрейке на голое тело, стоял высокий, худой хозяин дома — дядя Гриша. Редкие седые волосы его были растрёпаны. Лицо, как и видимые участки тела, были испещрены частыми морщинами. В одной руке он держал пустой стакан, в другой, початую бутылку.

— Ну, что, разгидрит твою дихлорметилметан, мать твою через пролив Дарданеллы, в перекись водорода и в едрит твою качель, через гидрат твою кальция! Не бывать мне битым... прибыли, молодёжь?!

Галя, смотрела на старика, разинув рот, широко открыв глаза.

— До вас тут тоже молодёжь жила, да только месяц всего. Молодые специалисты, после этого, ну, как его, — он махнул рукой, — только месяц и прожили... Комнату им от завода дали, ну, как специалистам, молодым. А до этого баушка тут жила моя, да весной померла... От самогонки. Сгорела, не выдержала баушка-то... Так по случаю переезда, да знакомства то... полагается...

— Знакомься, дядя Гриша, моя жена, Галя. Только давай попозже. Вечером, а?

— Не-е, давайте по сто грамм. А то мне одному, как-то, стрёмно. Первак качественный, отменный, а там и устраивайтесь...

— Дядь Гриш, да нам ещё в комиссионку, за мебелью, — Сашка подошёл к деду, положил руку на плечо, — а вечером... Только, Гале, нельзя, она в положении.

— Правда, Галя?

Галка стояла ошарашенная явлением. Уж, что-что, а такое, она видела и слышала впервые.

У Сашки мелькнуло в голове: ну, втюхались. Может, пока не поздно, развернуть оглобли?

Ещё там, во времянке, когда грузили свой не богатый скарб, Галка спросила: а, мебель? Он ответил: ещё один переезд и всё рассыплется. Народная мудрость: два переезда — что пожар перенести. Поедем в комиссионку и возьмём, что-нибудь попримечнее.

Через час они выбирали себе обновы.

— Слушай, Галь, а дедок-то не такой, каким показался при первом знакомстве. Может, поищем другое жильё? А то сопьёмся. И так в последнее время зачастили. Ты не находишь?

— Саш, комнатка всё-таки хорошая, это не в том балагане печку топить через конфорку. Вечно дымом дышали, да и стирать замучилась. И воды нет. Да и эту ты сколько искал? Сам понимаешь: с жильём напряжёнка. Это нам первый раз просто повезло. А так квартиру найти — так побегать надо. Побегал, убедился?

— Комната комнатой, но согласись, что и сама частенько прикладываешься. А уж тебе-то — вообще нельзя.

— Ну, смотри: паровое отопление, а уже осень на носу, вода в доме...

— Ну, ты даёшь мне слово, что совсем прекратишь пить, а иначе — возвращаемся назад, пока не поздно. А там — видно будет.

— Ну, хорошо, хорошо. Только ты и сам не пей с ним.

— Лады.

— Но как он ругается! Он что, где-то с химией был связан? Или сидел?

— Нет, он всю службу на войне был в НКВД, в особом отделе, а после войны — где-то на Севере, в лагерях ГУЛАГа, тоже опером. На вид-то ему, лет восемьдесят, а то и больше. Завтра, пойду к твоим и поговорю, когда сможем Илюшу забрать. Да и пусть сами придут, посмотрят, а то отец не поверит, что мы так хорошо устроились. Как с ним заговорю об Илюшке, так сразу начинает: вот, жильё... А уж теперь-то... И паровое отопление и вода в доме...

Через час они уже лежали на новой диван-кровати.

В двери постучали. Сашка встал, открыл щеколду. На пороге стоял дядя Гриша.

— Ну, что, пойдём?

— Прости, дядя Гриша, но сегодня, никак не получается. Обстоятельства изменились. Важное мероприятие. Как-нибудь, в другой раз.

— Ну, я конечно понимаю, что в наш век интеллектуального развития бывают некоторые пессимистически настроенные индивидуумы, которые катастрофически мистифицируют патологическую обструкцию банальной концепции. Ладно, отдохайте, молодёжь. Пойду к Славке. Кажись, пришёл с работы...

Сашка закрыл щеколду на двери, подошёл к Галине, которая так же лежала на диван-кровати и улыбалась: ну, начинается...

с. Долгодеревенское

Дом на Советской

Часть вторая

*Добро над бездною повисло.
А зло берёт над миром власть*
Геннадий Суздаlev

Глава первая

Только под Новый год зима полностью вступила в свои права, несколько дней размеренно осыпая снегом стылую землю, приукрасив скучно голые ветви спящих деревьев, но лишь на время, до первого ветра. Приударили в заведенном порядке морозы один за другим, но не такие суровые, как бывало прежде. А вскоре и дни наступившего нового года уже начинались заметно раньше и становились длиннее, предвещая весну, однако пока ещё не принося заметных изменений зимней погоды.

— Представляешь, я сегодня на имеющиеся у меня деньги смогла купить только хлеб! — отряхивая снег с воротника пальто и раздеваясь, ещё из коридора заговорила Эллина Викторовна. — В магазинах цены выросли в десятки раз. Баночка сметаны стоила рубль сорок, а сегодня — четырнадцать рублей. А нам зарплату не выдали, и неизвестно, когда будет. У тебя есть какие-то деньги?

— Немного есть, — поднялся навстречу жене Крапов, принял у неё полупустой пакет. — Замёрзла?

— Немножко! — подула на сомкнутые ладони Эллины. И, проходя в спальную переодеваться, спросила оттуда: — Ты был в Москве, там эти представляют, что в стране творится?

— Не знаю, представляют ли, но... что-то творят. Называемое шоковой терапией оздоровление экономики. Хотят не то что за каких-то пятьсот дней, как намеревались, а сразу круто повернуть огромный корабль — не соображая, что от такого маневра он может перевернуться или разбиться о стенку капиталистического причала.

— Кто же там такой умный нашёлся? — вышла переодевая в домашний халат Эллины.

— Премьер-министр Егор Гайдар, переориентированный Гарвардской экономической школой бывший заместитель главного редактора журнала «Коммунист». Внук писателя Аркадия Гайдара.

— Внук Аркадия Гайдара?! Борца за советскую власть...

— Да, вот такими, Эля, бывают внуки.

— Поразительно! — взяв принесённый пакет, Эллины прошла в кухню. Сказала идущему следом мужу: — Сегодня, Сергей, будем есть просто кашу, без мяса. Гречневую варить или рисовую?

— Рисовую. Или гречневую — всё равно.

Эллины завозилась у плиты, Сергей Степанович сел за стол с газетой в руках.

— Правительству Гайдара открыто провозгласило решительное размораживание цен, что неизбежно переведёт инфляцию из подавленной формы в открытую... Проще говоря, вызовут лавинообразный рост цен. Объявленная им программа реформ принята Съездом народных депутатов России... — комментировал он прочитанное. — Отказ от планового хозяйствования... Указ о свободной торговле... Либерализация цен, конвертируемость рубля... новая открытая система внешней торговли — беспошлинный ввоз товаров... Реорганизация налоговой системы...

— Вот нам не выдали зарплату, и говорят, что неизвестно, когда она будет, — вернулась к больному вопросу Эллины. — Всегда были деньги, а теперь нет. Куда они пропали?

— Деньги не пропадают, а лишь перемещаются из одного пункта в другой. Украдены, скорее всего.

— Это как же? А государство куда смотрит?

— Ельцин и Гайдар вытолкнули государство из экономики. Мол, рыночная экономика все проблемы решит автоматически...

— Это кто надоумил их на такое?

— Штаты! Их решением на так называемую помощь России в переходе к рынку направлено тридцать два советника. С рекомендациями американских профессоров, специализировавшихся на убийстве экономик. Предлагают другим странам свободный рынок, тогда как сами углубляют государственное регулирование, финансируя сотни и тысячи научно-технических проектов и социальных программ. Ведь для спасения экономики США

* Начало в «Графоман» 3-2020.

в мировой кризис тридцатых годов прибегли к государственному регулированию экономики! А нам предлагают — другое. Естественно, что свободные от всего новоявленные предприниматели стали придерживать товары в ожидании роста цен, в магазины ничего не выставляют. Вот и преподнесли всем нам такой новогодний подарок.

— Но они же... всё же учёные-экономисты. Гайдар, кажется, даже доктор этих наук.

— Доктор из журнальных писарей. Как ничего, видать, не понял в марксизме как науке об обществе, точно так же соображает, как видно, и в экономике. Диссертации стряпал по развитому социализму, а взялся строить капитализм. На предложение дельных экономистов развивать два направления рыночной экономики — государственное и частное — рекомендация была одна — только частное. Как способствующее, по признанию вице-премьера Чубайса, декоммунизации страны. Не более!

— Каша готова. Сразу будем есть, или пусть чуть постоит? Ты голоден?

— Да нет... Я как раз перед твоим приходом чай пил.

Отклонив штору, Эллина выглянула в тёмное окно:

— А снег идет и идёт.

— Зима! Настоящая.

* * *

Бромин всё ещё находился под воздействием идей и планов, предложений, которые вчера витали в атмосфере встречи местных демократов с вице-премьером правительства Анатолием Чубайсом. Осуществлялось то, о чём раньше только говорили: структурная перестройка экономики, приватизация государственной от магазинов до предприятий, и земли, свёртывание ставших неэффективными, неконкурентоспособными отраслей и производств. Преобразования, предусматривающие отказ от социалистических ценностей и, что открыто подчёркивалось впервые и неоднократно, освобождение этой страны от коммунистического прошлого. Путь непростой, уже возникают проблемы, но надо понимать, что сочетание социальной справедливости с высокой эффективностью невозможно...

— Надо просто вернуть России то, что у неё отнимали и что принадлежит ей по праву — свободу и частную собственность, — пригладив свою роскошную рыжую шевелюру, сказал в заключение Чубайс. — То, что каких-то десять лет назад выглядело абсурдным и невозможным, сегодня превратилось в очевидное. Не могу удержаться от эмоций: историческая скорость этого процесса у нас в стране оказалась просто феерической! Можно увидеть стратегически прорисовывающееся кольцо великих демократий Северного полушария — США, Объединённая Европа и либеральная Россия.

Вице-премьер как человек архизанятый отбыл сразу после доклада, лишь на пути к выходу кратко отвечая на задаваемые ему вопросы. Оставшиеся, приглашённые на ту встречу по списку, стали кучковаться, что-то обсуждая, и расходились, а точнее, разъезжались кто куда группами. В одну из таких был приглашён и Бромин, и речь там зашла об учреждении банка. Для более конкретного обсуждения этого предложения они проехали в ресторан «Астория», где помимо участия в обсуждении, Бромин прикидывал хватит ли имеющихся у него с собой денег на оплату вскладчину добротного накрытого стола, но делать этого не пришлось — всё было оплачено заранее человеком небезденежным и претендентом на главу правления Готбергом, щуплым начинающим лысеть евреем в очках тонкой оправы. Он и вносил первоначальный капитал, нажитый, надо полагать, каким-то образом в период перестройки, а затем намечал собирать деньги вкладчиков. И делать всё это надо как можно быстрее, чтоб опередить конкурентов.

Так что прежние неясные планы Бромин как-то поучаствовать в неизбежно предстоящей приватизации родного завода отступали пока на задний план — он становился членом правления частного банка. Что должно было в ближайшее время существенно изменить качество его жизни.

Домой Бромин приехал поздно и слегка под градусом. Зная, что для жены такое его состояние неприятно, не стал её тревожить и лёг на диван в гостиной, пока не раздеваясь. Сейчас их в квартире было двое. Юля в институт не поступила, как и ожидалось, но осталась в Москве, устроилась в каком-то баре. Завела себе какого-то парня, бойфренда, как стали на западный манер говорить о таком соединении молодых людей, и от контактов с беспокоящимися родителями по этому вопросу уклонялась.

— По какому это случаю? — с сарказмом спросила утром жена, разбудив спящего на диване одетого мужа.

— Поминки! — крикнул, поднимаясь и глядя на часы, Бромин.

— Кого?

— Не кого, а чего. Прежней жизни! — И добавил, чтоб не подумала чего плохого: — Предложили стать соучредителем и членом правления банка.

— Какого банка?

— Вновь учреждаемого.

— А завод как?

— Завод? Гм! Что с заводом будет — будет видно.

— Но на работу ты собираешься идти сегодня?

— Да! Но ты меня не жди, я малость задержусь.

* * *

В тот воскресный вечер Гудков приехал из сада вконец расстроенным. Их садовый домик, ещё до конца не доведенный, был подвергнут варварскому погрому, как, впрочем, в той или иной мере и соседние. Разбили оконное стекло, выломали замок, разбросали всё внутри в поисках чего-то спрятанного, хотя взяли только всё железное: кастрюли, ломик, лопаты — на металлолом, должно быть. Порезвились, пока садоводы в городе! Что делать, как этому варварству противостоять? На стихийном собрании предлагалось охранять, ловить, наказывать, как в некоторых кооперативах уже учиняют самосуды, но ни до чего конкретного не договорились. Многие не видят решения и просто бросают сады, чтоб не расстраиваться.

Войдя в квартиру, хотел поделиться такой неприятностью с женой, но та смотрела очередную серию латиноамериканского очередного сериала «Богатые тоже плачут». Спросил её не без поддевки:

— Какая серия? Номер двести десять? Или до неё ещё далеко?

— Отстань! — был ответ. И добавила: — Там суп полевой, разогревай. Больше ничего нет.

Помыв руки и поставив на плиту кастрюлю, Николай включил пристроенный в углу кухни маленький телевизор, пощёлкал переключателем в поисках канала с новостями. Косноязычный ведущий — таков модернистский телевизионный тренд! — освещал пребывание Ельцина и его верноподданническое выступление в Конгрессе «великой страны свободы и демократии» США.

— Каким надо быть идиотом, чтоб эту страну — источник множества войн и бед, самую настоящую империю зла — так называть! — воскликнул.

— Ты что-то сказал? — спросила из комнаты жена.

— Да нет! — И смотрел дальше.

«Коммунистический идол рухнул... и мы не дадим ему воскреснуть»... «Свобода и коммунизм несовместимы...»

— Предатель! А ведь был коммунистическим руководителем.

«Сделали выбор в пользу западной цивилизации...» «Интересы США отстаиваются в России». «Благодарность президенту Бушу за поддержку... Ещё до заключения договора о значительном сокращении стратегических сил дан приказ снять с боевого дежурства тяжёлые баллистические ракеты Стратегических сил...» Берите в России, что хотите!!

Конгрессмены хлопали стоя. Такая дармовщина им и не снилась!

А до того министр наш иностранных дел Козырев что сказал Бушу? Что у России нет национальных интересов. Ведём себя как страна, потерпевшая поражение: сдаём всё на милость победителя. Странное дело! Американская политическая сволочь из кожи лезет, чтоб всё шло на пользу Штатам, а наша либерально-демократическая сволота туда же, а не в пользу России. Готовы задницу вылизывать дядюшке Эму. А ведь мы раньше ни благородства, ни ума ни у кого не занимали!

— Чего ты ругаешься? — заглянула в кухню жена. Подняла крышку кастрюли: — Кипит у тебя уже.

Она взглянула на мрачное, и даже грозное выражение лица мужа, и, приняв то на свой счёт, как бы в оправдание сказала:

— У нас только картошка и немного овощей осталось...

— А ты чего хотела? Каждый раз голосовала за Ельцина, вот и получай!

— Ну тебя! — отмахнулась она, предпочитая никогда не вступать в политические споры с мужем, и вышла.

* * *

Возвращение Антона из колонии было неожиданным: Комаркова неоднократно посещала его там, и ничто не предвещало досрочного освобождения. Но смена власти всегда сопровождалась послаблениями к заключённым, даже масштабной амнистией; возникающие

в неразберихе идущих преобразований трудности снабжения вызывали желание избавиться от проблем таким образом. Так что подросший и повзрослевший, коротко подстриженный и очень худой сын с котомкой через плечо однажды вечером внезапно предстал перед крайне удивленной и не успевшей сразу обрадоваться матерью.

— Насовсем? — спросила его, приходя в себя и обнимая сына.

— Совсем! — ответил он поглубевшим голосом, почти не отвечая на объятия.

Потом он сидел перед стоящей перед ним матерью в кухне и съел, кажется, всё то немногое, что было ею наскоро приготовлено, извлёк из котомки краюху чёрного хлеба и дождался за чаем, после чего переместился в ванную, где долго плескался и лежал в горячей воде. Когда вышел, постель была готова.

— В школе теперь будешь восстанавливаться? — спросила мать.

— Не! — удивил он её ответом. — На фиг она мне?

— На работу, что ли?..

Антон промолчал, отчего стало понятно: и это уже не для него.

— Отец объявился! Взял Машу к себе, в Замурайск. Может, попросить его помочь устроиться тебе?

— Не нужен он мне!

Она ещё хотела что-то сказать ему, но он остановил её грубовато и отчуждённо:

— Мамаша, не буровь... Дай выспаться!

Лёг, отвернулся к стенке и тут же уснул.

Глава вторая

— Сегодня же выезжаю в Москву, — ещё утром сказал жене Сергей Степанович. — Ночным поездом. Так что, Эля, вечером меня не жди.

— А чего не завтра? Самолётом? — удивилась она.

— Представляешь, в кассе нет денег! За всю поставленную нами продукцию мы не получили ни гроша! Раньше всё проходило автоматически, с банковского счёта приёмщика на счёт изготовителя. Теперь же производят какие-то реформы, и вся эта система рухнула, ничего не предложено взамен. И никто ничего вразумительного сказать не может. В главке и ставшем теперь уже российским министерстве появились на руководящих постах какие-то новые люди со стороны, которые либо ещё не вошли в курс дела, либо ничего не сообщают в функциях, которые надлежит исполнять, либо решающие свои личные планы... Поеду разбираться.

— Надолго?

— Не знаю! Скорее всего завтра же таким же ночным обратно. Позвоню!

Вернулся Крапов, как и планировал, с вокзала сразу на завод. Дома появился поздно; сдвинутые брови и слегка опущенная голова выдавали дурное его настроение.

— Что, Серёжа, расстроен поездкой? — спросила участливо Элина.

— Да, конечно! Фактически наш завод прекращают финансировать. Говорят, производите то, что востребовано рынком. Которого нет ещё и в помине.

— В министерстве говорят?

— И в министерстве, и в главке, где начальником стал какой-то выскочка. Человек совершенно некомпетентный, но кому-то угодный.

Помолчали.

— Встретил директора авиационного завода, где делают наши легендарные «Сушки», а недавно освоили новейшие самолёты. Делали самолёты, уже можно сказать как о прошлом. Потому что их тоже перестали финансировать. Директор дошёл на самого Гайдара, и представляешь, что тот ему сказал? Раз самолёты не востребованы, перепрофилируйтесь на велосипеды и продавайте их в Китай. — Крапов поднялся с дивана и нервно заходил по комнате. — Такое может сказать только человек, совершенно ничего не соображающий в экономической стратегии! Да Китай скоро станет нам продавать свои автомобили — у них таких идиотов в руководстве экономикой не держат. Министр станкостроения Паничев пробился на приём к тому же Гайдару с предложениями по сохранению отрасли. Тот уделил ему лишь несколько минут, сказав, что, если понадобится, станки будем покупать за рубежом. Это когда отечественное станкостроение вышло на мировой уровень, и на Международной выставке в Париже в прошлом году наши станки покупали прямо со стендов. Станки с числовым программным управлением, гибкие обрабатывающие центры... Продавали не в какие-нибудь развивающиеся страны, а даже в Западную Германию.

— И... что теперь?

— Теперь? Это надо спросить у заокеанских консультантов, которые наводнили все коридоры власти и по кабинетам правительства шныряют как у себя дома. Впрочем, такие

люди, как сейчас у кормила власти, похоже, и нужны кому-то. Чтоб разрушать страну и её экономику, а не созидать что-то новое.

Помолчали.

— Серёжа, успокойся! — взяла его за руку Элина.

— Так что мы оказываемся в том же положении, что и вы, учителя. — Он присел рядом с женой. — Без зарплаты! В цехах уже раздаём рабочим хлеб в кредит. Говорят, если нет денег, берите кредит. Но если раньше финансирование всего народного хозяйства обеспечивал Госбанк, то пришедший ему на смену Центробанк, созданный по образу и подобию американского независимым от государства, занимается только какими-то финансово-денежными манипуляциями-спекуляциями. Согласно идее либералов, ему запрещено кредитование отраслей экономики! А создаваемые повсеместно коммерческие банки ориентированы только на получение скорой собственной прибыли и в условиях инфляции в восемнадцать процентов за месяц, как сейчас, могут давать кредиты под огромные проценты, и только на короткие сроки. Коллапс экономики!

— И... что же делать?

— Сегодня собрались с профсоюзом, и я им прямо сказал: зарплату платить нечем, можете продолжать работать, а можете на работу не выходить.

— И что они?

— Решили продолжать работать! Как сказал один из выступающих, произошёл провал трудового фронта как военного в сорок первом году, и мы будем стоять подобно защитникам Брестской крепости. Да, вот такие наши заводчане, оказывается, совки, по определению либерал-демократов, которые не вписываются в создаваемую ими рыночную экономику.

— Но как же... без зарплаты жить? Семьи, дети...

— А на это отвечают просто и... бесчеловечно: идут радикальные преобразования и уход из жизни не выдержавших перемены естествен. «Люди? Работа?» — удивился как-то Гайдар, когда журналисты спросили его об этой проблеме. Ответ поразителен: «В Австралии не хватает пастухов. Пусть едут туда!» И такое говорит бывший идеолог коммунизма, лозунг которого — всё для человека.

— М-да! Происходит порой просто поразительное перерождение людей.

* * *

Когда Готберг сказал, что у народа много денег, то, понятно, что он имел в виду не население страны в целом, а некоторую его часть, которая действительно имела их, и немало, наворованных и спрятанных в стеклянных банках, железных бидонах и прочих потайных местах, и очень нуждалась в такой услуге, как легализация этих накоплений, обмен их на валюту и вывод за границу в более благонадёжные места.

— Многие нахватили миллионы и не знают, что с ними делать. Мы облегчим их груз.

То есть то, что по классике является первоначальным накоплением и зёрнами произрастающего капитализма, уплывало за границу. Чему и взялся способствовать предприимчивый еврей Миша Готберг. Процесс этот, называемый «отмыванием» денег, имел криминальный оттенок, но в новой России сплошь и рядом творилось беззаконие, так что участникам этого процесса ничего, кроме доходов, не обещало. Не составляло труда и составить логику этого финансового потока, а точнее, оттока, происходившего повсеместно в ходе «демократических» реформ и братания с приветствующим эти преобразования Западом.

Мелкие вкладчики в банки не шли — их деньги, как пылесосом, поглощали возникающие одна за другой жульнические финансовые пирамиды типа «МММ», «Холёр-инвест» и им подобные, обещавших невиданные доходы. И это при невиданных темпах роста инфляции!

— Сколько там набежало? — озвучивал следующую каждые полчаса назойливую телевизионную рекламу некий рядившийся простолоудином Лёня Голубков. — Ё-моё! Купил жене сапоги, в следующий раз — шубу...

Чтоб были доходы, деньги нужно вкладывать во что-то выгодное, дающее приращение, там же их просто складывали, сваливали в отдельные комнаты, где их и находили, когда всё это паразитирующее образование рушилось, подминая доверчивых вкладчиков.

Бромин был удовлетворён тем, что в этом граничившем с криминалом экономическом хаосе сам он стал заниматься серьёзным банковским делом. Он легко освоил требуемые для поставленной цели финансовые процедуры и получил первые дивиденды, на которые даже и не рассчитывал. Можно было сразу купить новый автомобиль, и не какой-нибудь, а красавицу иномарку, коих стали завозить в страну нарастающим потоком. Но от этого пока следовало воздержаться: как-то не очень верилось в устойчивость происходящих крутых перемен, и он всё ещё ходил на работу на оказавшийся в сложном финансовом положении

завод, что не мешало из своего кабинета заниматься банковскими делами. А бросающееся в глаза коллег дорогое приобретение вызвало бы по крайней мере недоумение.

Деньги, однако, лежали в сейфе, и надо было что-то с ними делать. И тут пришла мысль: купить участок земли в отведенном под престижные коттеджи пригороде, получившем в народе названием Рублёвка. Теперь он может себе позволить такое! И об этом — коммерческая тайна! — никто даже не узнает.

Задумано — сделано. Не сразу — участки давно распроданы, а многие и быстро застраивались, огораживаясь высокими непроницаемыми заборами, но оказалось, что один из хозяев то ли погиб в автокатастрофе, то ли был убит в каких-то криминальных разборках, а оставшимся родным стройка была уже не по силам. Бромин вовремя оказался в нужном месте, и теперь приглядывался к строящимся вокруг коттеджам, рекламным фолиантам, планируя будущую застройку.

О своих намерениях Бромин не говорил и жене, чтоб та не проговорилась где-то, о коттедже сказал лишь как о неких своих планах, в коих она усомнилась, не зная о новых возможностях мужа. В последнее время они вообще всё более отдалялись друг от друга. Обременённый двумя работами, он приходил домой в последнее время поздно, и бывали дни, что они не обменивались ни единым словом. Вообще Надежда в последнее время сильно изменилась, похудела и стала одеваться попроще, облик сделался каким-то просветлённым, что было заметно, когда кругом видишь сосредоточенные на проблемах, потускневшие и даже злые лица. Бромин относил это к одолевавшему её религиозному экстазу, что ему очень даже не нравилось: он предпочитал женщин современных и броских, коих в его новом окружении было немало. И некоторые из них, как он заметил с удовлетворением, проявляли интерес к нему.

* * *

Происходившие в стране хромающие на две ноги преобразования подкреплялись продолжающейся оголтелой антисоветской и антикоммунистической пропагандой, хотя с советизмом и коммунизмом вроде бы было покончено. Компартия запрещена, о чём во всеуслышание объявил её бывший лидер Ельцин и молчаливо согласился генсек Горбачёв. Но не согласились с этим не изменившие своих убеждений коммунисты, и в рамках объявленной демократии подали в суд. Это был удивительный суд: бывшие членами компартии судьи, средний стаж служения партии у которых составлял двадцать шесть лет, судили коммунистов настоящих с почти таким же партийным стажем. И не нашлось каких-либо даже похожих на законные оснований для запрета созданной за полгода до развала Советского Союза компартии России. Так началось её восстановление. Отмечалось, что вопреки всему этому даже девяностолетний всемирно известный инженер Термен, изобретатель удивительных радиотехнических средств самого разного назначения, побывавший даже американским миллионером, попавший под репрессии ссыльный и сотрудник «шарашки» Туполева, подал заявление на вступление в КПРФ.

Чтоб не мешать жене смотреть телевизор, Гудков подтянул в кухню телефон на длинном проводе и, прикрыв дверь и расположившись там, по поручению организационной группы стал обзванивать бывших активных коммунистов. Ответы были самые разные: одни сразу соглашались и спрашивали, где, что и как действовать, другие не решались прямо отказаться и стыдливо мялись, чувствуя себя неловко, были и такие, что сразу, а порой и грубовато, отмахивались...

— Привет, Виктор! Это я, Гудков.

— Николай? Узнал!

— Я звоню по поручению оргкомитета по восстановлению коммунистической партии. Теперь всем становится ясно, куда ведут страну так называемые демократы. Надо противостоять этой вакханалии!

— Ну, не всем ясно! Некоторым даже в радость происходящее.

— Да, но я имею в виду людей здравомыслящих и патриотов.

— Разделяю твою точку зрения! И что ты хотел от меня?

— Обращаюсь как к бывшему активному члену партии — принять участие в её восстановлении.

— А она нужна народу? Поливали нас, коммунистов, всякой грязью, хотя наша партийная организация, кроме добра, людям ничего плохого не делала. В пределах своих возможностей отстаивала справедливость... Хрущёва и Брежнева терпели? Так это же неподвластный нам уровень. Всё равно что погода... Столько времени и сил тратили ради общего дела! Так нет, люди возжелали жить при капитализме. Свободу, видите ли, не давали всяким паразитам. Вот пусть теперь и радуются!

— Так оболванили народ, оклеветали весь советский период...

— Соображать надо было! Зря, что ли, политграмоте везде и всюду всех учили? Не дошло?

Я лично сколько раз всем долбил: не слушайте лжедемократов, капитализм гибелен. Если не можете разобраться, что в советской пропаганде правда о нём, а что нет, читайте зарубежную литературу. Так нет! Давай им капитализм. Вот и ешьте теперь! И не морочьте мне голову...

— Таков был напор антисоветской пропаганды, а люди...

— Вот пусть эти люди теперь сами отстаивают свои права. Организуют митинги, забастовки. А я — пас. Мне лично много не надо, меня моя жизнь устраивает. На этих остолопчиков тратить время и нервы больше не желаю.

— Зря ты так о них отзываешься! Не все же могут относиться столь критически к изощрённой буржуазной пропаганде.

— Нет, даже не уговаривай! Извини!

— Окончательно решил?

— Да, окончательно. Будь здоров! — И повесил трубку.

— Может, не называть её коммунистической? — говорили другие. — Смотри, какая грязная клевета вокруг этого.... Нельзя не принимать во внимание давление на умы населения этой геббельсовской — иначе не скажешь! — пропаганды. И, кроме того, в данной ситуации актуальна борьба за социализм против капитализма, а не построение коммунистического общества.

— Наша идеология — научный коммунизм. Зачем же мы будем скрывать от людей наши истинные убеждения?..

— Деньги надо зарабатывать, а ты какими-то глупостями занимаешься! — сказала Вера, в рекламной паузе заглянув в кухню за сухариками.

— Если не организовать сопротивление, то они быстро изведут страну и народ! — ответил ей.

— Ты знаешь, на какие деньги я приготовила ужин сегодня? Сдала в ломбард обручальное кольцо.

И вышла, крайне удивив его тем, что появились такие заведения. А когда Николай через некоторое время вошёл в гостиную, ошарашила ещё раз, кивнув на два пустых клетчатых баула:

— Мы с Валею Бурцевой решили съездить в Турцию за шмотками. На рынке нам дают деньги на проезд и товар, по возвращению — оплату работы.

— Стоит ли?.. — нахмурившись, спросил он, задетый тем, что жена приняла такое серьёзное решение, не посоветовавшись с ним.

— Сейчас все так выживают! Валя говорит, что когда она ездила в Сирию, то в их самолёте оказалась даже Судец, ещё недавно диктор Центрального телевидения. Вот как! — И продолжила: — Если взятые в ломбарде деньги не вернуть через десять дней, кольцо так и останется у них. Да и жить на что-то надо!

— А... как работа?

— Оформила административный отпуск. — И добавила: — Валентина уже два раза смоталась. Выгоднее, говорит, чем на работе.

— Это же спекуляция! — неодобрительно отнёсся к затее Николай. — Если на месте не сидится, съездила бы к маме.

— Я в прошлом году была.

— Три дня? — И пробурчал, не очень охотно принимая поездку жены в Турцию: — И ты для этого подстриглась?

— А ты только заметил?

— Для турок? — попытался поддеть он её.

— Да, Коля! — в упор с вызовом взглянула она на него, засмеялась и шутливо слегка шлёпнула ладонью по его затылку.

* * *

Возможно, что в силу приобретенной в колонии привычке находиться в ограниченном пространстве и выполнять только предписанные извне команды, в результате чего атрофируется собственная воля, Антон в первые дни возвращения домой никуда не выходил и вообще ничего не предпринимал.

— У меня нечем кормить тебя! — сказала ему Комаркова на третий или четвёртый день. — Зарплату нам не дают... не знаю, что и делать.

На это Антон промолчал, но на весь следующий день исчез и появился только поздно вечером с большим пакетом провизии: гречка и вермишель, хлеб и консервы.

— Мне не готовь, я сыт, — сказал, подавая всё это; от него пахло вином и куревом. Нетрудно было догадаться, что всё это у неработающего парня появилось, скорее всего, несправедным путём.

— Смотри, а то снова... — сказала только, принимая пакет, раз уж принёс.

Это выдающиеся русский педагог Рукавишников и советский Макаренко малолетних правонарушителей превращали в добропорядочных граждан, современная колония, по крайней мере, та, в которой был Антон, хоть и называлась воспитательной, в силу преобладания в её среде воровских понятий и отношений формировала из них скорее отпетых уголовников, чем законопослушных людей. Так что Антон очень быстро вписался в местную братву и дома вообще почти перестал появляться, находясь неизвестно где и приходя лишь иногда под утро и отсыпаясь днём.

— Хоть бы быстрее в армию призвали! — вздыхала мать.

Глава третья

Быстро пролетело кучее, ничем особенным не запомнившееся лето. Листья протянувшихся к окнам разросшихся за эти годы деревьев уже не шелестели, а шуршали, и на зелёной траве у их подножья появилась первая опавшая жёлтая листва. Но вот на берёзе появились одна за другой нарастающие числом рыжие пряди, и вскоре через ставшие прозрачными кроны стал виден весь двор, а из окна по другую сторону квартиры — деловито гудящая моторами загруженная автомагистраль. Пошли затяжные дожди, размеренно и непрерывно, днём и ночью дробно стуча по подоконникам. Остывшие стены квартир пронызывала прохлада и влага.

Запахнув халат и набросив на плечи пуховую шаль, надев шерстяные носки, Элина попыталась согреться.

— Когда же включат отопление?

— Когда установится соответствующая среднесуточная температура. — Крапов тоже надел халат, хотя был в тёплой рубашке.

— Ты будешь брать ваучер? — глядя телевизионную рекламу приватизационных чеков, спросила Элина. — Оцениваются в десять тысяч рублей, как два автомобиля «Волга».

— Надо брать, — не сразу ответил тот. — И не потому, что он якобы столько стоит, а чтоб ушлые люди не перехватили для каких-то манипуляций. Чеки ведь специально не сделали именными, как предлагал Верховный Совет, и, по-видимому, для того, чтоб дать возможность кому-то ими завладеть, что и происходит. Даже глава Госкомимущества Поливанов восстал против этого, за что и был уволен. Теперь процессом рулит ударник строительства капитализма вице-премьер Чубайс.

— Так если у людей нет денег даже на питание, приходится продавать.

— Конечно! И не за десять тысяч, а по рыночной стоимости — за бесценок. Чтоб ускорить этот процесс, не выдают зарплату. У входа на завод расположились лавочки, в которых скупают по дешёвке эти ваучеры. Нетрудно представить, кто в результате купит акции предприятий на заявленных аукционах. А сколько их в городе? Через скупку ваучеров кто-то сколачивает себе будущее состояние.

— И что же тогда делать с ваучером?

— Можно порвать, можно сохранить на память об этой эпохе, а можно, дождавшись аукционов, приобрести пару-тройку каких-нибудь акций. Результат во всех случаях одинаков будет.

— Так доходы же должны начисляться по акциям!

— Ну, какой хозяин будет делиться доходами с какими-то посторонними держателями акций? Даже при хороших доходах он расходует их на себя, сведя общий баланс к нулю, и всем прочим покажет кукиш. Вот же книга... — потянулся он к книжному шкафу. — ...где-то здесь у тебя Эптон Синклер. Он хорошо описывает этот процесс даже в устоявшемся капитализме в Штатах, а наши демократы боготворят американцев. И проводимые ими преобразования под руководством заокеанских советников отнюдь не имеют целью благосостояние наших людей и страны.

— Неужели всё так плохо?

— Ничего хорошего, к сожаленью! Представляешь, кто при такой приватизации окажется владельцем заводов и фабрик? Проходимцы, неизвестно каким образом накопившие деньги, и иностранные фирмы. Даже там, где участие иностранцев запрещено из соображений государственной безопасности, они пролезут через подставных лиц. К нашему заводу уже присматриваются. Вчера получено указание принять представителей Штатов и выложить им все наши разработки. Даже совершенно секретные! Сделать что-то в угоду Западу считается приобщением к цивилизации. Такое впечатление, что даже власть наша продана, начисто пренебрегая национальными интересами.

— И вы... сделаете это? Выложите всё?

— Нет, конечно! Всеми способами затянем визит на второстепенном, чтоб потом московскому начальству сказать, мол, на всё другое не хватило времени.

— Хитрюги! Но ведь потом могут быть неприятности?

— Могут быть, конечно, если свои же сдадут, зато совесть будет чиста.

* * *

С замыслом Бромин по загородному коттеджу, к реализации которого он приступил, забот прибавилось. Проект дома он набросал сам — будет два этажа, не хуже, чем те, которые уже построены или завершается строительство. Свои наброски он воплотил в чертежи с помощью архитекторов (за хорошую оплату, конечно) и теперь ясно представлял строение. На первом этаже будут просторная кухня, кладовая, сауна и туалет, встроены гараж и что-то вроде мастерской; на втором большая гостиная, спальня, комната для гостей; приедет же однажды дочь, когда жизнь её установится, с мужем, ребёнком...

Наконец наступила стадия строительства, сложная и в организационном плане — нужно найти толкового прораба, которому можно доверять, и самих строителей, коих объявилось в последнее время немало на уровне тят-ляп. Даже в советское время стройки отличались хорошо ему известными приписками разного рода, разворовыванием стройматериалов, и что можно ожидать сейчас, когда выдвинут лозунг — обогащайтесь, кто как может.

Так что теперь Бромин носился на своей «кладе» между тремя пунктами: банк, завод, коттедж. Благо завёл мобильный радиотелефон и мог вести дела с любого места нахождения. Для посещений появилась и ещё одна точка, про которую ему бы не хотелось, чтоб кто-то знал. Однажды он пригласил в ресторан на обед работающую с их банком начинающую незамужнюю бизнесвумен Карину, тридцатилетнюю приятную, самодостаточную и раскованную особу. Наблюдая за обеденным столом её строго очерченные подвижные губы, прямой носик, слегка раскосые глаза, упругие груди, он вдруг решил, что не против бы... Так что когда она в ответ пригласила его на ужин к себе домой, неважно, какие цели при этом преследуя, он тут же согласился. И с тех пор они иногда стали встречаться в интимной обстановке даже днём.

* * *

Взглянув на себя утром в зеркало, Гудков решил, что идти на работу и вообще показываться на улице не стоит: левый глаз в припухлом синеватом окружении, происхождение которого можно было толковать по-разному. Нестерпимо болело правое плечо от грубой силой вывернутой руки, не дававшее спать всю ночь. Всё это следствие разгона вчерашнего митинга протеста на площади перед городской мэрией; слово какое неприятное, чужое, как и засевавшая там власть.

Митингующих было не очень много, сотни три-четыре. От «Трудовой России» и компартии. С лозунгами «Долой правительство Гайдара», «За социальную справедливость»... Протест против массовых увольнений, задержки зарплаты на три и даже шесть месяцев... Напоминали обещание Ельцина: через полгода станет лучше, а становилось всё хуже. Пытались привлечь к акции профсоюзы, но угодливые власти их руководители, боявшиеся лишиться своих должностей, не стали даже разговаривать и сами ничего не предпринимали в защиту трудящихся.

Слушая ораторов, не заметили, как из подъехавших крытых грузовиков высыпали облачённые в шлемы, со щитами и дубинками омонцовцы, и, разгоняя, стали избивать участников митинга. Члены компартии и её сторонники люди степенные, а трудовики — мужики помоложе и активнее — оказали сопротивление. И началось самое настоящее побоище.

Николай взялся готовить обед. В морозильнике оказался застарелый кусок говядины с костью, треть кочана капусты. И всё! Решил, что из этого получится капуста. Хлеб есть, заварит чай, вот и будет обед.

Включил телевизор — посмотреть, как там отражают вчерашнее событие. Как и следовало ожидать, с презрением и унижением митингующих как отбросов общества, противодействующих демократическим преобразованиям. Особенно много ехидства по гимну угнетённых Интернационалу — «*Весь мир разрушим до основания...*». А ведь дословно там сказано о мире насилия! Лозунги показаны только сзади, чтоб не видно было их содержание, лица не самые приятные, действия только со стороны против омонцовцев... Как тут не вспомнить, как эти демократы вопили, жалуясь всему миру, когда милиция уговорами и голыми руками разгоняла выступления против советской власти.

Да, такое сейчас телевидение! С ведущими типа похожего на вороватую крысу Свиныдзе, поливающего грязью всё советское, матерщинника и циника с козлиной рыжей

бородой Трахтенберга, появляющегося на экране, обнажая своё волосато-пузатое тело... Верно заметил композитор Свиридов: с телевидением «в дом каждого пришёл заурядный, посредственный, подчас злобный человек... Речи — полнейшая безграмотность, явление “шпаны” стало всеобщим: в семье, на работе, среди так называемой “интеллигенции”, в политической жизни, в искусстве...»

В обеденное время вдруг зашёл в гости взъерошенный Алексей Бурцев.

— Ого! Где это тебя так... разрисовали? — спросил с порога.

— Вчера на митинге. Сам-то чего не пошёл? Струсил?

— Идти, чтоб фингал получить? И чего вы добились?

— Пока ничего! Но показали, что быть безропотными овцами, с которых не только шерсть, но и шкуру снять готовы, не собираемся.

— Ну-ну!

— Проходи! — пропустил гостя в комнату Николай. — Ты что-то хотел?

— Жена тебе сказала, когда они из Турции возвращаются?

— Дня через три-четыре. А что?

— Как ты думаешь, чем они там занимаются?

— Товар закупают, должно быть.

— Для этого и одного-двух бы дней им хватило. С турками гуляют, поди.

— Да брось ты!

— А чего бы это моя зачастила туда? Женщины — народ скрытный.

— Всё может быть, но пока не вижу оснований для подозрений. Так что успокойся! — И спросил, сменив тему: — Ты где сейчас? Что-то я тебя на заводе давно не видел.

— А чего туда ходить? Работы нет, зарплаты тоже. В автосервисе подрабатываю.

— Есть там ещё место? — вдруг решил Николай.

— Тебе, что ли? — удивился Алексей.

— Да, представь себе! А то ведь и угостить тебя нечем, а время обеденное.

— Ну... поговорю...

* * *

Антон появлялся дома всё реже, и на осторожные вопросы, чем он занимается, вообще не отвечал, Комаркова перестала и спрашивать. А однажды, переставляя оставленную им сумку, подивилась её тяжести, заглянула в неё и... обомлела. Там лежал пистолет, настоящий. Тут же она вспомнила сообщения о произошедших в городе нескольких убийствах бизнесменов и чуть не упала в обморок. Что делать? Выбросить в мусорку на каком-нибудь дальнем дворе? Сдать в милицию как случайно найденный? Попытаться уговорить сына сойти с этого скользкого пути?..

— Это плохо кончится, — когда он появился, только и решила сказать, кивнув на сумку. — Тюрьмой!

— Братки попросили поддержать, — солгал тот, нахмурившись, недовольный своей промашкой и разоблачением.

— Так... за хранение накажут.

— Сегодня унесу!

И снова исчез надолго.

(Продолжение следует)

г. Снежинск

Артёмкина радость

Артёмка любил погреться на солнышке в утренней тишине. Босоногий, он садился на завалинку деревянного дома и молча, щурясь, наслаждался безмятежным одиночеством. Так Артёмка бессознательно ловил раннее мгновение, заявляя новому дню о себе. И жизнь его тянулась безжалостно, ложась бременем на мальчишеское тельце. Подружившись с солнышком, ему стало уютно. И только он прикрыл глаза в удовольствии, как услышал песню, песню громкую, радостную и зычно зовущую. Стремглав Артёмка выбежал со двора посмотреть.

Выскочив через калитку, он увидел радостных моряков: ошалевшие свободой, они, обнявшись, ходили по улицам посёлка. Свою демобилизацию они справляли пьяной гулянкой и старались как можно громко донести всем свои страдания заветной песней. И мальчишке, мечтавшему стать моряком, полюбилась эта компания, и он увязался ходьбой за ними. У моряков праздник — и Артёмке захотелось побывать в этом празднике, окунуться радостью с этими красивыми людьми.

Моряки пьянели не столько от водки, сколько от простора и воли на гражданке. Их лица горели счастьем гражданского мира. Молодые, сильные, красивые, они упивались, глядя на вольных людей. И люди, замечая это, смотрели на них с улыбками. От моряков веяло мужественной добротой и вырвавшейся на свободу любовью к независимым людям.

Моряки заметили ходившего неотступно за ними мальчишку, и один из них взял его за руку, и Артёмка охотно стал ходить в компании моряков.

Знавшие Артёмку люди вслед смеялись.

— Смотри, этот-то босоногий сорвиголова собачонкой увязался за матросней.

А мальчишку однообразное время томит монотонностью, где ритм жизни от восхода до заката кутается в скучной усыпленной повседневности. Без волнений, без событий здесь всё мертвеет.

Державший за руку Артёмку моряк стал любезно расспрашивать. Как тебя звать? Как живёшь? И с кем живёшь? И Артемка с охотой тут же всё выдавал. Что живёт хорошо. И живут они только вдвоём с мамой. Моряк оживился.

— О, а ты, наверное, любишь свою маму.

— Да, мама у меня хорошая и красивая.

— Это хорошо, — заметил моряк и стал крепче держать за руку Артёмку. От моряков пахло мужским завораживающим запахом, который вселяет уверенность и силу. Артёмка был уверен, что люди, одетые в красивую морскую форму, особые люди. Они не такие, как все.

И вот компания поющих моряков, связанная объятием и с мальчишкой Артёмкой, выйдя из посёлка, пошла по просёлочной дороге. Эта заманчивая дорога игривой затеей меж берёзовых колков упрямо ведёт того, кто рискнул, ступить на неё и идти к шахте.

Артёмка раньше ходил по этой дороге, и эта дорога казалась ему дорогой-волшебницей, дорогой манящей. Где кудрявые космы плакучих берёз шепчут путникам, идущим по ней, тоненькую мелодию. И люди, заряжённые весенней серенадой берёзовых серёжек, с лёгким сердцем спускаются в шахту с душистым запахом берёз. Спускаются, чтобы добыть жаркий камень для неугасаемого тепла. Такая дороженька, дороженька судьбы, тянет всех неудержимых к производству добывать горючий камень, жар дающий. И все идущие под птичье пение движутся по ней в приподнятом духе к встрече иной жизни, которая сулит им быть надёжной крепостью в их чайные.

Вот и наши моряки идут по ней к шахте, идут к новой судьбе.

На шахтном дворе они зашли в здание комбината разузнать, как там насчёт работы, и чем пахнет эта работа, и что она им сулит.

Вначале они зашли в кабинет, оставив Артёмку за дверью их дожидаться. А когда они вышли, им попался на глаза парень, работающий на шахте, и они пригласили его в свою копию, чтобы разузнать поближе, как ударит по их жизни шахта. Парень оказался разбитным, и, чтобы познать тайны и опасные дыры и прорехи, они зашли в буфет, взяли водки и разной закуски, чтобы парень стал разговорчив.

Расположившись на полянке, окружённой зарослями кустарника, моряки под выпивку стали добывать у парня скрытые тайны производства. Пока моряки разговаривали, Артёмка наслаждался и радовался всему, радовался ясному дню, радовался тёплому воздуху, радовался траве, радовался каждому дереву, каждому кусту. Он был счастлив, что его взрослые и сильные моряки признают и любят. Что они друзья на равных.

Но вскоре разговоры Артёмку утомили, он уже стал клевать носом, погружаясь в сон. Но моряк, который приютил его внимательным обхождением, Артёмкино состояние заметил.

— Ты прости нас, что мы пьём. На вот тебе конфеточки. — И он протянул мальчишке кулёк с конфетками.

Артёмка такому гостинцу ободрился и увлечённо стал угощаться. Это занятие его оживило, лицо зарделось, глаза зажглись, и он с интересом стал проводить время в сладкой истоме.

Исчерпав расспросами собеседника, опорожнив стаканы от водки, компания встала. И, попрощавшись с собеседником, моряки и Артёмка отправились уже по знакомой просёлочной дороге обратно в посёлок.

Шли теперь с багажом знаний об угольном производстве уверенными. Осталось им только решиться и принять верное решение. И решение не опрометчивое, чтобы не попасть впросак, чтобы не канителить время в дураках и не проклинать судьбу, а быть в ладах с собой и жизнью.

Придя в посёлок, матросы встретили бывшего моряка. В разговоре тот рассказал, где и как проходил службу во флоте. В знак солидарности бывший моряк пригласил сослуживцев к себе в гости. Родители нового знакомого встретили приглашённых моряков и мальчишку с насторожённой. И на просьбу сына накрыть стол отнеслись без усердия. Но всё же стараниями самого затейника стол был накрыт, и компания расселась продолжать далее радоваться необычному дню. Подружившийся с Артёмкой моряк усадил его за стол рядом с собой. Мальчишка сидел, напряжённо испытывая на себе недобрые взгляды родственников пригласившего. Родственники интересовались, откуда этот сорванец-непоседа?

— Да этот — безотцовщина, приبلудный. Вот прилип репъём и не отстаёт ни на шаг, — пояснил родственникам новый знакомый.

Эти слова через шум застолья донеслись до Артёмки, разбудили в мальчишке дремлющую боль по разбитой семье. Разбередили вопрос. Кто у него отобрал отца? Почему погиб его отец?

Упрямые в упоре глаза родственников безжалостно резали Артёмку. Глаза-ножи вонзались в него упрёком безотцовщины. «Чего ты привязался, шельмец эдакий? Чего тебе тут надо?» Артёмка от этого съёживался и становился совсем маленький и беззащитный. Режущие обидой взгляды глубоко проникали раной в маленькое тело. Этот маленький человек и на улице порой сворачивался в клубочек, когда чувствовал на своей спине упирающие взгляды, взгляды с укором безотцовщины, приводившие его в содрогание.

Застольные разговоры стали для Артёмки невыносимы. От нанесённой обиды внутри стало больно, и он незаметно ускользнул на улицу. Он соскучился по дому, захотелось домой, захотелось быть с мамой. «Как хорошо когда ты дома в домашнем уюте и живёшь с мамой». Артёмке стало жалко свою мать. «У неё тяжёлая жизнь, тяжёлая работа из-за меня. Из-за меня, чтобы мне жилось легче». Ему не раз приходилось слышать, как она тайком плачет.

Пришёл домой Артёмка уже поздно и с растревоженным сознанием лёг спать. Но уснуть он долго не мог. Перед его глазами стояли моряки и их непонятный разговор, разговор о неведомой Артёмке жизни. Но ночь взяла своё, и он погрузился в сон. Сон теребил это маленькое тело вздрагиванием, вздрагиванием пережитого дня.

Утром Артёмке захотелось познакомить моряка со своей мамой. Он был уверен, что моряк, которому понравился Артёмка, обязательно понравится и его маме. А его мама обязательно понравится моряку. И они будут вместе, и не будет тогда обидного слова «безотцовщина». В этом уверенном решении Артёмка, быстро собравшись, побежал в тот дом, где должны были быть моряки. Подбежав, он постучал в дверь. Дверь неспешно открылась. Неспешное открывание двери Артёмке показалось вечностью.

— Чего тебе надо, малец? В такую рань блудишь? — спросило заспанное одутловатое лицо.

— Моряков надо!

— Пшёл отсюда. Моряков ему надо. Ишь, чего захотел. Не шманайся тут. Нету тут твоих моряков. И нече мешать спозаранку покою.

После этих слов Артёмка, убитым, потянулся домой. Придя, он, не помня себя, лёг спать. Лёг опять, чтобы заснуть и забыться.

г. Копейск

Времена года

Весна

Весна! Как много в этом слове радости и надежды.

Каждый год ждёшь весну. Смотришь на календарь, считаешь денёчки.

И вот наступает март. Неважно, что за окном метель и сугробы невиданной высоты.

Одно понимаешь, что весна уже пришла и тепло не за горами. Каждый день длиннее и длиннее. Солнце всё ярче и чище. Его тёплые лучики пригревают всё сильнее. А вот уже и первая проталинка! Смотришь на неё и радуешься первому клочку земли, выглянувшему из-под снега. И не важно, что метели ещё не раз заметут её. Она уже есть! В скором времени сугробы покроются ледяной корочкой. В один из солнечных дней возьмёшь такой льдистый кусочек и смотришь через него на солнышко. А в нём мир переливается тысячами радуг. Радостно и светло становится на душе! Вот уже и первые ручейки, сначала робко, а потом всё смелее и сильнее пробивают себе дорогу. Радостное журчание слышится повсюду. А уж как радуется пернатый народец в такие дни! Чирикают, резвятся! На каждом кусту устраиваются весёлые посиделки.

Вот уже и первые травинки робко и зелено проглядывают то тут, то там. С каждым днём зелёных красок всё больше и больше. Тяжёлыми, плотными гроздьями набухают на ветках почки. И вот они лопаются, и острые носики молодой листвы с любопытством и нетерпением выглядывают наружу. Берёзки одеваются в едва уловимую зелёную дымку, которая с каждым днём становится всё ярче, всё плотней, превращаясь в яркое и душистое покрывало. Как я люблю эти дни!

Всё ярче светит солнышко, всё теплее. Снег уже стаял, зеленеющие бугорки покрываются яркими жёлтыми пятнами первых цветов. Запах сырой, нагретой земли, свежей цветущей зелени наполняют воздух. Всё больше птиц запевают свои ликующие песни. А вот и первый весенний гром не заставил себя ждать. Первый дождик смывает остатки зимы!

Весна пришла!

Лето

Хорошо тёплым вечером сидеть у открытого окна и наблюдать летнюю грозу!

Утром, услышав пение птиц, вдохнуть запах леса и увидеть, как над ним поднимается бело-синий пар. С радостным предвкушением начинаешь думать о грибах, которые в такую погоду зарождаются где-то в глубине лесной подстилки.

Ну а пока можно наслаждаться разнообразием красок летних цветов и капельками росы на них. Сверканием тысяч маленьких радуг покрыто всё вокруг.

В один из таких дней соберёшься в лес. На лесной лужайке спеют сладкие ягоды.

Наберёшь кружечку душистой земляники и не ешь, а больше нюхаешь. Как вкусно пахнет лето! Да не всё земляничку собираешь. Иногда, нет-нет да и попадётся кустик с черникой. Тогда добыча в кружечке становится чёрно-красной.

Уставши, устройшься на краю лужайки, в тени берёзоньки, и начнёшь есть ягоды. Кушаешь по одной, тщательно выбираешь самую спелую, самую красивую. Облизываешь испачканные липкой ягодной кашицей пальцы. Смакуешь вкус на язычке.

Наевшись, ложишься на мягкую траву и наблюдаешь за различной живностью, что живёт в траве. Вот муравей упрямо тащит какой-то ну очень нужный в муравейнике кусочек листика. Вот деловито пробежала куда-то длинная коричневая многоножка. Кузнечик, одетый в новенький зелёный фрак, вдруг застрекотал, да так громко, что вспугнул огромную яркую бабочку, сидевшую на ромашке и пившую нектар. Она взлетела, и цветная музыка её крыльев затрепетала над лужайкой.

В такие моменты в душе просыпается ликование, и хочется вместе с бабочкой махать крыльями и летать, летать...

Но ты продолжаешь лежать на тёплой земле и, закинув руки за голову, смотреть в небо. Смотришь и дивишься: сколько же в нём оттенков! От белого до тёмно-синего, почти чёрного. И всё это сразу, и всё переменчиво.

Твоим взглядом овладевают облака. Такую белизну можно увидеть только у снега, но до него ещё далеко. Облака же здесь и сейчас задумчиво плывут куда-то в дальние страны. Провожаешь их взглядом и немного завидуешь им. Куда они плывут? В каких неведомых далях найдут свой приют, излившись тёплым живительным дождём?

Но пора и домой. Встаёшь, оглядываешься на всё летнее великолепие, что дало тебе краткий приют, мысленно благодаришь за подаренный отдых и идёшь домой, унося в кружечке кусочек лета.

Дома варишь варенье и зимой, открыв баночку, вдохнув аромат ягод, вдруг на миг оказываешься на той летней лужайке. И душа начинает ждать лета и нового свидания с чудом.

Осень

Вот снова осень! В последний раз идёшь в лес; делаешь вид, что за грибами, а на самом деле хочешь попрощаться с ним.

В лесу уже тихо. Тот гам, что был летом, уже исчез. Птички почти все улетели. Остались только те, что будут зимовать вместе с нами, но они не видны. Тихо! Покой вокруг. Под ногами шорох опавших листьев. А ведь совсем недавно они так весело шелестели над головой.

Тёплый запах лета сменился прохладным запахом осени. Сильно пахнет прелью и грибами. Синь неба поблела, полиняла.

Деревья почти голые. Только ёлки да сосёнки стоят зелёные, но и их зелень какая-то тёмная, приглушённая. Иногда мелькнёт ярким костром красная осинка или жёлтая берёзка. Но эти краски недолговечны. Подует ветерок, и вся их яркая красота полетит кусочками за ним. А он, озорник, подхватывает их и играет, кружит в вальсе, а потом бросает, как надоевшую игрушку. Ближе к вечеру заморосит холодный дождь. Он тихо и уверенно уложит листву на землю, создавая тёплое покрывало для тех, кто готовится к зимней спячке.

Вечером, на закате, тучки вдруг немного расступятся, и как прощальный привет покажется солнышко. Оно, тяжёлое и красное, будет сидеть уже низко в деревьях.

Что ж, спокойной ночи, солнышко! Спокойной зимы, лес!

Зима

Ах, зимушка-зима!

Белое раздолье!

После пробуждающей весны, непоседливого лета, спокойной осени приходит зима.

Природа спит под большим и тёплым одеялом. Куда ни глянь, везде пушистый белый снег. Дни совсем короткие. Солнышко хоть и часто проглядывает из-за туч, но совсем не греет. Зато всё снежное великолепие в солнечных лучах вспыхивает мириадами искр, сверкающих всеми цветами радуги. Можно бесконечно любоваться их яркими переливами.

На улице холодно. Приходится одеваться тепло. Уже не выскочишь из дома в лёгком платьице. Зато сколько интересных забав ждёт зимой. Катание на лыжах по зимнему лесу, на санках с высокой горки, на коньках по замёрзшему пруду. А можно и просто поваляться в снегу, устраивая весёлую кучу-малу.

Как красив зимний лес! Там, где летом всю переговаривались птички, с жужжанием летали мухи и шмели, бегали по своим делам разные зверушки, шелестела на ветру листва, теперь тихо.

Всё покрыто толстым снежным покрывалом. Всё спит. Только сосны и ели иногда шумят, недовольные, что ветер потревожил их. И снова засыпают.

Придёшь с такой прогулки и быстрее снимаешь с себя заснеженную одежду. Вешаешь всё сушиться, а сама, заварив чай с травами, забираешься на диванчик, да поближе к нагретой печке.

Перед этим достанешь баночку с вареньем из лесных ягод, откроешь её, вдохнёшь аромат ягод, и вся летняя полянка возникнет в памяти. И кузнечик во фраке, и бабочка с радугой крыльев, и муравьишка. Как воочию увидишь море из трав и цветов, колышущееся на ветру.

Кушаешь такое варенье, запиваешь душистым чаем, наслаждаешься теплом от печи, и в сердце появляется желание жить. Становится тепло и уютно. Ведь пройдёт совсем немного времени, и придёт весна, а за ней лето, осень. И всё повторится.

г. Нязепетровск

Приворотные казусы*

Краткое содержание предыдущих глав

Две подруги, Ленка и Жанка, ищут счастья, ждут своего принца на белом коне. А его все нет и нет.

У Ленки, учительницы начальных классов, есть мозги, работа, но нет никаких перспектив ни в карьере, ни в личной жизни. У Жанки, мамочкиной дочки, есть маленький бизнес. Есть Олежек — четвертая попытка устроить личное счастье. У Олежека есть другая. Вся надежда на ворожею Нонну Леонардовну. Её сомнительными услугами воспользовались почти все персонажи женского рода. И началось...

Так уж судьба повернулась, или привороты начали действовать... Канцтовары оказались действенным колдовства. Знакомство со случайным покупателем закончилось для Жанки вполне удачным замужеством.

Олежек, как колобок, и от Жанночки ушел, и от Инночки укатился в мир, где судьбами и мозгами людей правят пророки, гуру, учителя-наставники. Пока Жанка устраивала семейное гнездышко не без помощи личного шофера собственного мужа, Ленка развивала бизнес, пожинала вполне материальные плоды своего лошадиного усердия и ответственности. И встретила его — стриптизёра Димулю. Но и тут не все просто оказалось. Димка отшвартовался, как только узнал о том, что Ленка ждет от него ребенка. Как известно, свято место пусто не бывает. На освободившейся вакансии гражданского супруга оказался Ашотик, которого Ленка чуть не отправила на тот свет на пешеходном переходе, где пересекаются не только транспортные и людские потоки, но и судьбы людей.

13. Предновогодние хлопоты

Предновогодние хлопоты кружили народ в стихийных вихрях неумолимо приближающегося с детства любимого праздника. Ленка и Жанка, пребывая на последней стадии «интересного положения», договорились Новый год встречать вместе, в спокойной домашней обстановке, под приглядом близких людей. Заодно Жанка хотела произвести убойное впечатление на подругу своей новой квартирой. И утолить неутолимую женскую жажду: собственной удачей в пух и прах разнести чужую зависть. Квартира, естественно, произвела на Ленку предсказуемое впечатление, вызвав ожидаемый взрыв эмоций и лавину междометий, соответствующих случаю.

Праздничный стол получился царским. Ёлка сверкала, переливалась и сияла. Подарки томились под ёлкой в ожидании торжественного момента вручения адресатам. Ленка и Жанка располневшими гусынями важно шаркали по паркету одинаковыми пушистыми тапочками. Женщины плавно кружили вокруг стола, последними штрихами завершая праздничный натюрморт. Натюрморт состоял из немецкого столового фарфора и серебра, замысловатых блюд, салатов, фруктовой пирамиды и хрустальных фужеров, переливающихся праздничной радугой в ярком свете шестиламповой чешской люстры.

Павел Александрович в благодушном настроении духа восседал на новом диване. Когда хлопотливая Жанна проплывала мимо, он любовно похлопывал её пониже спины и многозначительно покашливал:

— Девочки, а не пора ли нам за стол да по рюмашечке?

— Ну куда ты торопишься, дорогой? Ещё и гости не собрались. Нетерпеливый какой!

— Тогда хоть коньячку плесните. Надо же проводить уходящий год. И настроение требуется довести до соответствующего градуса.

— Павлуша, наберись терпения. И смотри у меня, давление — штука серьёзная. Мне твои градусы в последнее время очень не нравятся.

— Ты вот что, зятёк, лучше не взбрыкивай. Слушай молодую жену и береги здоровье, — вставила свой длинный нос вездесущая тёща.

Павел Александрович вздохнул и с разочарованным видом уставился в телевизор.

— Лена, а где твой Ашотик? — перевела стрелки Жанка.

— А сколько там на часах?

— Четверть восьмого.

— Не переживай, скоро придёт вместе с пирогом. Он у меня пунктуальный.

— С каким ещё пирогом?

* Продолжение. Начало в № 1(41)-2020.

— Ну как же? Я же тебе говорила. Мой Ашотик — настоящий виртуоз кулинарного искусства. Представляешь, он меня просто забаловал своими супчиками и пловчиками.

— То-то я гадаю, с чего это тебя так разнесло?

— С того же, с чего и тебя, девушка! — парировала Ленка. — Тоже мне, Барби нашлась!

В дверь позвонили. Ленка впустила в квартиру взмыленного Ашотика, навьюченного с головы до ног пакетами, сумками и коробками. Пока сладкая парочка разгружалась в кухне, Мария Афанасьевна, понизив голос до шёпота и кивнув в сторону кухни, любопытствовала:

— А это что за колобок вокруг Леночки скачет?

— Это её хороший знакомый. Ашотиком зовут, — поделилась информацией дочь.

— А откуда он взялся, этот Ашотик?

— Из-под бампера.

— Как это? — опешила Мария Афанасьевна.

— Сам виноват, выкатился на дорогу и прямо под колёса Ленкиной тачки. А та, естественно, наехала. Слава богу, переломом отделался. Она ведь вполне могла совсем раздавить и не заметить даже.

— А он что, у неё поселился?

— Ну да. Сожительство в гражданском браке. Очень даже естественно.

Павел Александрович недовольно кашлянул:

— А что такое этот ваш так называемый гражданский брак? Обыкновенная распущенность и бесстыдство! Тьфу!

Жанка зашипела:

— Павлуша, оставь, пожалуйста, свои отсталые взгляды для другой компании.

— А ребёнок-то у неё чей будет? Ашотика этого? — не унималась любопытствующая Мария Афанасьевна.

— Мама, я не обязана докладывать каждому встречному, от кого беременна моя подруга. И свечку я не держала. Какая вам-то разница?

— Да никакой! — обиделась Мария Афанасьевна и переключила внимание на собственного зятя. — Слышь, зятёк... Они — нынешние-то — живут, как кошки: как хотят и с кем хотят. И никто им нынче не указ. Ни стыда, ни совести! Прости господи!

— А вот и пирог! — Ленка развела руки жестом фокусника. — Вуаля!

Ашотик просеменил короткими ножками к столу, важно водрузил пирог в самый центр и покатился по кругу, поочерёдно прикладываясь толстыми влажными губами к нежным ручкам дам.

Мария Афанасьевна, как заправский рыбак, ухватила потного Ашотика за рукав и подтянула к себе:

— А ты не суетись, милоч. Присаживайся к нам. Отдохни. Вон как взмок-то. Хоть выжимай!

— Что вы, уважаемая. Я должен помочь дамам.

— Да они и без нашей помощи вполне справятся! — Павел Александрович встал и, плеснув коньяку в три маленькие рюмочки, поднёс гостям.

— Ну что? Проводим наконец год, как положено? Или на самотёк праздник пустим? — И троица со звоном сомкнула рюмки.

— А закусить? — Жанка подвинула им тарелку с нарезкой.

14. Незванный гость хуже...

Стучали громко и настырно. Ленка, даже не взглянув в глазок, распахнула дверь и застыла в недоумении. В прихожую ввалился Толик и высокая тощая блондинка в короткой песцовой шубке и оранжевых лакированных ботфортах на умопомрачительных пятнадцатисантиметровых каблуках.

— А вот и мы! С наступающим всех, кто рад празднику!

Ленка растерянно посторонилась, пропуская нежданных гостей. Павел Александрович потряс ручку блондинке и сжал Толика в отеческих объятиях.

— Вот и хорошо, что пришёл! Свои люди всё-таки. Столько лет вместе, а так ни разу и не довелось пообщаться, так сказать, в неформальной обстановке. Раздевайтесь, проходите. Нечего тут китайские церемонии разводить!

Жанка вопросительно взглянула на мужа и поплыла на кухню. Павел Александрович последовал за женой и прикрыл за собой дверь.

— Я не поняла, зачем надо было приглашать шофёра на семейный праздник?

— Ну, ты же пригласила свою маму и подругу неизвестно с кем?

— Подруга и мама — это мои близкие родственники! А шофёр, извини меня, твой подчинённый. Ты нарушаешь эту... Как её? Сублимацию!

— Субординацию, дорогая.

— Какая разница?

— Жанночка, я думал, ты будешь довольна. Толик и тебе оказывал услуги, которые совершенно не входят в круг его профессиональных обязанностей. Возил тебя по твоим секциям и бассейнам. И в санаторий, я помню, тоже не отказался сопроводить. В конце концов, надо быть благодарной за простое человеческое участие и безотказность.

Гладкое нарумяненное лицо и располневшая Жанкина шея пошли красными пятнами:

— Ты даже не представляешь, дорогой, как я ему благодарна за его безотказность!

— Ну и что же тогда? Улыбнись и будь гостеприимней. Женщинам в интересном положении очень вредно хмуриться и сердиться.

Жанка вышла в гостиную, сменив маску недовольства на приветливое участие:

— Вы уже познакомились? Это Анатолий — личный шофёр Павла Александровича. Это Ашотик — близкий друг Леночки, моей подруги. А это моя мама — Мария Афанасьевна.

Толик с наглой улыбочкой шагнул к Жанке, поцеловал даме ручку и представил спутницу:

— А это просто Мариночка. Прошу любить и жаловать!

Жанка с Ленкой заговорщически переглянулись и, не сговариваясь, отправились на кухню. Долговязая Марина тут же вызвалась помочь.

— Марина, а вы кем приходитеесь Толику? — как можно безразличнее поинтересовалась Ленка.

— Пока никем. Да мы ещё весной познакомились. Толик подвёз меня домой из санатория. Он там свою троюродную сестру навещал. Ну, вот и, э-э-э... В общем, дружим с тех пор.

Ленка глянула на побледневшую Жанку и продолжила допрос:

— И что же? Он вам замуж ещё не предлагал? Толик у нас парень холостой-неженатый. Мариночка, я вам советую не упускать свой шанс.

— Ну, вообще-то мы уже подали заявление. Только это пока секрет. Толик не хочет заранее распространяться.

Жанкина бледность расцвела мухоморным крапом. Женщина заметалась по кухне и выронила из ослабевших рук самое большой блюдо из маминого немецкого сервиза.

Ленка подскочила с веником, Марина бросилась собирать осколки.

— Ой, вы плачете, что ли? Оно что, такое дорожущее?

— Понимаете, Мариночка, это обычное состояние беременных: слёзки на колёски по любому поводу. А чаще вообще без всякого повода. Гормоны.

Жанка схватила полотенце, уткнулась в него лицом и исчезла в ванной комнате. Толик, покинув пост у кухонной двери, воровато шмыгнул за ней.

— Жануля! Что случилось?

— А ты не понимаешь, что случилось? Ты зачем припёрся сюда? Да ещё с этой облезлой кошкой в оранжевых ботфортах?

— Вот честное слово даю — я и не собирался. Пал Александрыч приказал: «Чтоб был в обязательном порядке!» Что мне оставалось? Приказ начальника для подчинённого — закон! Сама должна понимать. Твоему муженьку перечить себе дороже.

— А ты что, и вправду на ней жениться собираешься?

— На ком?

— Да на кошке этой в сапогах.

— Ну что ты выдумываешь? Нужна она мне, как прошлогодний снег!

— А заявление?

— Какое ещё заявление? Ты о чём?

— Она сказала, что вы с ней заявление подали, — всхлипывала Жанка.

— Да слушай ты её! Выдумки всё! Фантазии глупой женщины.

— Да... выдумки... — скулила Жанка. — Ты же мне... Мы же с тобой...

— Так, иди-ка отсюда, да пошустрей лапками шевели! — Ленка просочилась в ванную и вытолкала Толика за дверь.

— Ну, что за спектакль? Быстро умывайся и пошли к гостям, а то самое интересное пропустим. Там твой благоверный ушки уже наострил.

Гости и хозяин сидели за столом. Кто на краешке стула, кто бочком... Проводы старого года были в самом разгаре, а до официального прихода нового ещё оставалось больше трёх часов. Вполне достаточно, чтобы при такой активности не дотянуть до его торжественной встречи. И Жанка решила пришпорить коней:

— Слушайте! Давайте немного потанцуем, что ли. Телевизор можно посмотреть. Там концерты праздничные на всех каналах. И поздравление надо обязательно послушать!

Мария Афанасьевна взялась рулить. Она жала на кнопки пульта, с энтузиазмом переключала каналы и одновременно громко комментировала происходящее на экране. Мужчины, перемигнувшись, под шумок наполнили рюмки и опрокинули в себя. В дверь позвонили.

— А это ещё кто? — Жанка с подозрением уставилась на мужа.

— А это Инночка, наверное, со своим женихом.

15. Перпетуум кобеле

Жанка распахнула дверь. На пороге стоял стриптизёр Димочка. Дорогая кожаная куртка нараспашку, на шее — лохматый мохеровый шарф в клетку. В одной руке он держал бутылку дорогого шампанского, в другой — торт в круглом празднично размалёванном футляре.

— А ты чего тут забыл? — Жанка упёрлась Димке в грудь и попыталась вытолкнуть обратно на лестничную площадку.

Двухметровую фигуру с горой тренированных мышц не так-то просто было сдвинуть с места слабой и к тому же беременной женщине.

— Ну, во-первых, здравствуйте! А во-вторых, я, похоже, забыл здесь свою судьбу.

— Чего-чего ты тут забыл? Я не ослышалась? А как же твоё алиби со справкой от тренера?

— Какой справкой? — растерялся Димка.

— А на которой чёрным по белому написано, что ты у нас бесплодный, как деревенский мерин! И значит, к судьбе этой не имеешь никакого отношения.

— Жанночка, а тебе не кажется, что ты лезешь своим толстым носом туда, куда тебе лезть совершенно не следует?

— Я лезу? Это мне не следует? Да мне Ленка почти сестра родная!

Тут в прихожей объявилась и сама располневшая, подурневшая Ленка:

— Ой, какие люди! Кого это я вижу? Может мне тут что-то мерещится? — Ленка сложила руки на груди и выставила живот. — Неужели же это наш Димочка? А зачем, интересно, он сюда припёрся? Может, мне кто-нибудь объяснит?

— Ну, хватит уже! Кончай издеваться! Я к тебе заходил, а соседка сказала, что ты у подруги Новый год встречаешь. Я и сообразил.

— Ах ты, сообразительный наш, перпетуум кобеле! Поинтересоваться можно, чего это тебе тут, интересно, понадобилось?

— Лен, ты это, кончай прикалываться. Я же к тебе пришёл. Я тут недавно анализ сдал. Так что, можешь не расстраиваться. У меня в этом смысле всё в порядке. Я вот подумал и решил на тебе жениться.

— Да что ты говоришь? Ой, держите меня, я сейчас упаду от счастья!

— Ну, хватит! Правда, пошли отсюда. Поговорим в спокойной обстановке, как муж и жена. Не думай, что мне всё равно, и судьба нашего будущего ребёнка меня совсем не волнует. Волнует! И очень даже волнует!

— А что это мы так разволновались ни с того ни с сего? А если это совсем не твой ребёнок?

— А чей же? — растерялся Димка.

— Ну, полгода назад ты мне этот вопрос не задавал. Обозвал сукой и слинял. А теперь вдруг просветление мозгов нашло?

— Теперь я точно знаю, что это мой ребёнок. Мы же тогда вместе были, и у тебя тоже никого... Я же говорю, что анализ сделал. И у меня там, в этом смысле, всё в порядке оказалось.

— Ну надо же! Ты не поверишь! И у меня, Димочка, тоже всё в порядке! И даже муж есть! Опоздал ты, Димочка!

— Да ладно! Какой ещё муж? Откуда?

— От верблюда! Ашотик, можно тебя? — громко позвала Ленка.

Ашотик, блестя вспотевшей лысиной, выкатился из комнаты и с тревожной улыбкой воззрился на вошедшего:

— Я здесь, дорогая. Что ты хотела?

— Вот, Димочка, познакомься. Это мой муж и отец моего будущего ребёнка.

— Кто отец? — встрепенулся и нервно закрутил лысиной Ашотик.

— Ты, Ашотик, ты! — Ленка незаметно подмигивала Ашотику. — Мой муж и отец нашего будущего ребёнка.

Ашотик с ужасом взглянул на Ленкин живот и ещё пуще заволновался:

— Дорогая, мы так не договаривались. Ты же сказала, что это не моя проблема. Ты сказала, что его папаша сволочь, понимаешь. Ты сама сказала, что это твой личный ребёнок.

— Кто сволочь? Это ты про меня? — Димка схватил Ашотика за грудки и поднял на уровень собственного лица. — Да я тебе кочерыжку сейчас оторву и в окно выброшу, баклажан недоделанный!

— Ну зачем же оскорблять, дорогой? — Ашотик болтал в воздухе ногами, пытаясь дотянуться до пола. — Сижку себе за столом, понимаешь, никого не обижаю... А вы меня так вот. Ни за что, можно сказать, унижаете моё собственное достоинство.

— Да отпусти ты его! — заступилась Ленка. — Он тут ни при чём.

— Что за шум, а драки нет? — Павел Александрович увидел незнакомца с Ашотиком в руках: — На правах хозяина я имею право знать, что тут всё-таки происходит? И зачем моего гостя трясут как грушу совершенно незнакомые люди?

Димка ещё раз встряхнул Ашотика и поставил на ноги.

— Вы извините меня. Я тут как бы случайно. Я за Леночкой зашёл... А тут этот, муж какой-то нарисовался...

— Уважаемый, это какое-то неправильное недоразумение! Вы не думайте! Совсем не думайте! Я не муж! — Ашотик продолжал уточнять обстановку. — Мы с Леночкой хорошие, э... знакомые. Я у неё жилплощадь, э... снимаю. Временно. И больше ничего. Вы, уважаемый, можете быть абсолютно спокойны. На вашего ребёнка я совершенно не претендую. Ни за что!

— Так. Спокойно! Друзья, я думаю, тут без пол-литра не разберётся. Давайте, вы тоже раздевайтесь. Как вас зовут, молодой человек?

— Дима.

— Ну, Дима так Дима. Все за стол! А там и поговорим по-человечески.

Жанка скользнула по незваному гостю недовольным взглядом, приняла торт с шампанским и повела всех в комнату.

За столом Ленка оказалась между Димкой и Ашотиком. Димка, нежно приобняв стул, касаясь губами пламенеющего ресничного ушка, что-то шептал. Напряжённый Ашотик с другой стороны часто хлопал глазами, напряжённо прямой деревянной спиной демонстрировал оскорблённую независимость и растерянность одновременно. Ленка, оттопырив ухо, ехидно морщила носик и делала вид, что её совсем не занимают Димкины попытки восстановить отношения. Толик с длинной Мариной устроились справа от Павла Александровича, а Жанка уселась напротив. Личный шофёр хозяина, уже изрядно заправившись, чувствовал себя уверенно. Он нагло забрасывал Жанку многозначительными взглядами. А Жанка игнорировала их, демонстративно поджимая пухлые губки.

Мария Афанасьевна с дивана переместилась под бочок к зятю и громко командовала:

— Чего-то вы всё шумите, шумите... Наливайте, мужики! И давайте уже по-человечески жажнем за нас, красивых. За женщин!

— Ну конечно. Кто бы сомневался? Вообще-то у нас не Восьмое марта, — попытался внести ясность Толик. На него все дружно зашикали, и он послушно поднял рюмку:

— За присутствующих дам!

16. Московский гость

— А за опаздывающих? — Из прихожей послышался знакомый голосок.

— А... Вот и Инночка! — Павел Александрович неуклюже поднялся и бросился обнимать дочь. Инночка одарила присутствующих искрящимся взглядом и обернулась в сторону прихожей:

— Николенька! Иди к нам. Ты что там застрял?

В комнату ввалился огромный мужик в высоких меховых сапогах, коротком песцовом полушубке и безразмерной лохматой ушанке:

— С наступающим Новым годом, господа!

— Прошу любить и жаловать! Это мой Николя.

Инночка по-кошачьи ласково прижалась к мужу и расплылась такой счастливой улыбкой, что ни у кого из присутствующих не возникло никакого сомнения в том, что этот Николя принадлежит именно ей, причём всецело и безоговорочно. Присутствующие дружно встали с мест и тесным кольцом окружили Инночку и её мужа, которого ещё никто ни разу в глаза не видел. Последние полгода Инночка завоёвывала Москву, распорядилась салоном красоты, который, как она сообщила отцу и мачехе, подарил ей самый что ни на есть, законный, накрепко заштампованный, несравненный, бесподобный и крутой её Николя.

Удовлетворив любопытство, компания вернулась за стол. Ленка странно округлила глаза и, подмигивая подруге всеми частями лица, слишком энергично жестикулировала: махала атласной салфеткой в сторону кухни. Жанка вопросительно вскинула бровки. Но Ленка продолжала заходить в нервном лицевом тике.

— Ты чего? — прошептала Жанка, плотно прикрывая за спиной кухонную дверь. — У тебя что, судорога?

— Какая судорога? Ты что, ослепла? Тебе этот московский гость никого не напоминает?

— А кого он мне должен напоминать?

— Да разуй же глаза! Ты посмотри на него, посмотри! Да точно! Это же он! Ленка приоткрыла дверь и вслед за подругой сунула нос в дверную щель:

— Смотри, смотри! Вот это да... Ну даёт наша тихоня.

— Чего даёт? — непонимающе прошептала Жанка и снова высунулась в дверной проём. — Слушай, а он мне и вправду кого-то напоминает.

— Да это же она! Ты что, не видишь?

— Кто она?

— Ну он, этот Николая... Это же она! Ну, наша ворожея! Нонна Леопардовна эта. Помнишь?

— Да ты что? С ума сошла? Он же мужик! А ворожея наша, она же баба.

— А ты уверена? Или ты под юбку ей заглядывала?

Тут в кухню ввалилась Мария Афанасьевна.

— А, вот вы где! Девоньки, а вы чего это тут приушипились?

Девоньки переглянулись и с таинственным видом поплыли обратно в комнату, не удостоив любопытствующую ответом. Там они со всех сторон просканировали Инночкиного супруга. Ленка, устроившись на старом месте, между своими мужчинами, ещё больше округлила глазщи, многозначительно качала головой и странно дёргала бровями. Жанка ещё сомневалась. Сидела, задумчиво закусив нижнюю губу и вопросительно приподняв одно плечо.

Из прихожей послышался требовательный взволнованный звонок. Жанка уставилась на мужа.

— Я больше никого не приглашал. — Павел Александрович замахал руками. — Даже не представляю, кто бы это мог быть.

— А ты открывай, открывай, затёк! В Новый год незваные гости — к счастью! Верная примета! — заверила всезнающая Мария Афанасьевна.

— Я открою! — Инночка вспорхнула и побежала открывать. Через минуту она заглянула в комнату и сообщила:

— Тут какого-то Ашота Фрунзиковича спрашивают.

Ашотик удивлённо повертел большой головой и шустро покатил в прихожую, бесшумно скользя по паркету войлочными подошвами домашних тапок. Ленка, вытянув шею, тут же последовала за ним. Тесную прихожую до отказа заполнила толпа черноглазых кудрявых людей, подозрительно похожих на Ашотика. Толстая черноволосая женщина в узкой сиреневой шубке из искусственного, торчащего грязными сосульками меха, с криком неподдельной радости бросилась на шею растерянного Ашотика и затараторила:

— Вай, Ашотик-джан! Слава богу! Наконец-то мы нашли тебя! Вай, дорогой, как долго мы тебя искали. Это нам Вахтанчик сообщил адрес. Ну, Вахтанчик, тёти Вазгануш, которая двоюродная сестра нашей Заринэ... Ну, помнишь, мы ещё в прошлом году на свадьбу к Ануш ездили и с ней там познакомились? Ай! Какой ты забывчивый! Ну вот, как Вахтанчик рассказал, мы, конечно, приехали. А там никого нет. Совсем никого! Представляешь? Мы чуть дверь не сломали. А там никого. Потом соседка твоя, — дай ей бог здоровья! — вышла. Я ей говорю: «Дорогая, нам Ашотика надо!» — А она говорит, что не знает ничего. Представляешь, дорогой? Живёт через стенку, на одной площадке, в одном подъезде... и не знает! Вай-вай, какие невнимательные люди. Вот у нас дома все друг друга знают. Ты спроси меня хоть про кого, я тебе всё расскажу. А она: «Не знаю никакого Ашотика!» Ашотик, ты что, дорогой? Ты разве не рад нам? Ты почему так давно не писал? Вот мы и подумали: может, что-то случилось с нашим Ашотиком? Дети, вы разве не рады? Вы почему не обнимаете, не целуете своего любимого папочку?

Дети, все пятеро, бросились к папочке и дружно повисли на нём, как шары на ёлке. Женщина наконец заметила хозяев, которые с интересом наблюдали за воссоединением Ашотикова семейства. Она повернулась к невольным зрителям и пояснила:

— Вай! Мои дорогие! Какое счастье! Нашли наконец мы своего Ашотика! — И тут же переключилась на хозяев квартиры. — Вы нас, уважаемые, простите, пожалуйста, за шум и неудобства. Мы сейчас уйдём. Вот заберём Ашотика и пойдём. Мы совсем не хотели вам мешать. Ашотик, дорогой, ты собирайся, пожалуйста, извинись перед людьми и пошли. Дети так устали. Представляешь, самолёт, потом автобус, потом ещё тут по дворам ходили, по улицам ходили, по лестницам ходили. Где мои ноги? Сил никаких не осталось. Вах, вах! Пошли любимый. Мы тебе фрукты и баранину привезли. Сейчас ужин буду готовить. Праздник будем встречать!

Любимый Ашотик растерянно покрутил головой и вопросительно-виновато уставился на Ленку. Ленка сняла с вешалки Ашотинову дублёнку и молча протянула хозяину вместе с ключами от собственной квартиры. Жанка прижала накрашенные губы к уху подруги и громко зашипела:

— Ты что, с ума сошла? Хочешь весь этот табор в своей квартире поселить? Зачем ключи-то отдаёшь?

Ленка медленно опустила на стул и устало махнула рукой:

— Да успокойся ты! Никуда они не денутся. Пусть отдохнут люди. Завтра сама с ними разберусь.

— Вот, чокнутая! Лен, ты чего? Ты себя плохо чувствуешь? Леночка, тебе что, нехорошо?

Жанка заметила, как побледнело лицо подруги. Ленка съёжилась, прижав руки к животу, и опустила голову к коленям:

— Ну что ты спрашиваешь? Вызывай «скорую». Кажется, у меня началось.

Все засуетились. Кто-то вызывал «скорую», кто-то бросился за стаканом воды... Толстая жена Ашотика старательно махала пустым полиэтиленовым пакетом над Ленкиной головой.

— Уйдите все, пожалуйста! Женщине воздух нужен, а вы тут дышите, понимаешь, как будто на улице воздуха вам мало. Идите все отсюда! Не мешайте женщине. Ей сосредоточиться надо! Она, может, ребёнка рожать будет! Может, она уже рождает! Вай!

Длинный худой фельдшер опытным взглядом окинул фигуру охающей Ленки и приступил к допросу:

— Так... Спокойно, товарищи! Кто тут у нас мужем будет? Роженицу кто будет сопровождать? Документы где? Не забудьте захватить.

Димон заведённой юлой кружил вокруг Ленки. На ходу нахлобучивая шапку, с курткой в руках, он бережно повёл Ленку к выходу, нежно приговаривая:

— Родненький мой, воробушек мой! Ну, давай, мой хороший, потерпи малость. Это только сначала на первых подходах тяжело. А потом разогреешься, и пойдёт как по маслу. Ещё рекорды будем ставить!

— Эй, ты чего мелешь? Она же не штангу поднимать идёт, а ребёнка рожать, — возмутилась Жанка.

— Тут если посмотреть философски, так я большой разницы не вижу.

— Да что ты можешь про это знать, качок вертихвостый!

— Спокойно, девочки! Я с вами!

(Продолжение следует)

г. Коркино

Станислав Члчков

Охотничьи рассказы

Охота на кабана

На кабана автор ходил много раз. Но первую охоту помню во всех деталях.

Охотились мы в Первомайском лесу, на правом берегу реки Уруп, напротив станицы Советской. Группа собиралась на поляне в конце леса, не доезжая до села Зуева.

После построения, инструктажа и деления участников на гайщиков и стрелков (по возрасту я обычно попадал в стрелки) входили в лес.

Гайщиков на машинах завозили к началу выбранного участка леса, откуда они должны гнать кабанов в сторону стрелков.

Егерь расставлял стрелков на номера на расстоянии двухсот метров друг от друга.

Мне досталось место на берегу высохшего ручья. Осматриваюсь по сторонам, оценивая свою позицию. Стою на небольшом возвышении над руслом. Прямо на меня из него выходит тропа, истоптанная кабаньими копытами.

Меня это как-то насторожило. Оглядываясь вокруг, ищу место, где я мог бы спрятаться в случае чего.

Некуда! Соседи далеко. Один!

В голове появилась предательская мысль: «Может быть, зря я в это дело ввязался?»

Но, как сказал английский писатель Уильям Теккерей: «Опасность придаёт охоте только большую прелесть».

Единственная надежда на карабин «Сайга» с магазином на восемь патронов и запасным — на пять.

Волнуясь, жду в любой момент появления зверя. Вспоминаю жуткие истории о нападении раненого кабана на охотника.

Но идёт время, и ничего не происходит. Постепенно успокаиваюсь и уже думаю не о встрече с кабаном, а о чём-то постороннем

Слышу треск камыша. Видимо, идут гайщики.

Неожиданно справа от меня, метрах в пятнадцати, из камыша вылетает кабан. В доли секунды пересекает русло и воображаемую линию, на которой расставлены стрелки.

Резко поворачиваюсь и стреляю. Один раз, второй. Мимо! Инстинктивно целясь в кабана, забываю об упреждении. Но это осознаю только потом. Как говорят: «Не промахивается тот, у которого нет ружья».

В другой раз стою в застреле, на довольно высоком обрыве, прислонившись к дереву. Внизу заросли камыша.

Стою не шевелясь. Абсолютная тишина. Слышно, как падают последние листья с деревьев. Соблюдаю принцип: «Встал на номер — и сразу замри, не топчись, не чихай, не кури».

Прошло не менее часа. За это время я практически сливаюсь с природой. Стараясь не шевелиться, смотрю глазами по сторонам и вдруг вижу, что ко мне приближается лиса. Затаив дыхание, продолжаю наблюдать.

Не дойдя до меня метров пяти, лиса останавливается, крутит головой, принохивается и внезапно убегает.

В прошлый раз вот так, прямо на меня, вышли две косули. Увидев меня с большим опозданием, испуганно рванули в сторону.

Со стороны камышей послышался шум. Внимательно слежу за границей камыша и не зря. Из камыша спокойно и не спеша выходит громадный кабан. Он поднимается по откосу и оказывается в десяти метрах передо мной. С момента его появления держу его на прицеле.

Убивать крупное животное психологически нелегко и большой риск (иногда жизнью). Стреляю, уверенный в попадании. Кабан рывком ускоряет бег. Стреляю ещё раз. Но в быстро бегущую мишень попасть трудно. Кабан скрывается в густом кустарнике.

Подбегаю к месту, где был кабан в момент первого выстрела. Подходят и другие стрелки, а затем гайщики.

Упрекают меня в том, что я упустил зверя.

Осматривая растительность на линии первого выстрела, пытаюсь понять, почему не попал с такого близкого расстояния. Подошли Сергей Петьков, Толик Рудковский.

Ну вот! Видим перебитый пулей ствол молодой поросли диаметром 2,5—3 сантиметра. Видимо попадание в него пули изменило траекторию её полёта.

Но это обстоятельство полностью меня не оправдало.

Товарищи ругали меня: «Почему больше не стрелял? Надо было стрелять и стрелять!».

А куда? Кабан скрылся в кустарнике. Всё произошло мгновенно.

Пришлось организовывать загоны на новых участках. В итоге кабана мы всё-таки добыли.

Спустя какое-то время я подумал: «А может быть, Господь спас мне жизнь, создав такую ситуацию? Неизвестно, чем бы всё могло закончиться, если бы я ранил кабана, а он в дикой ярости кинулся бы на меня».

А вот ещё случай.

Наша группа, в составе которой были гости — охотники из соседнего охотничьего общества, сделав несколько загонов, не встретила ни одного кабана.

Дело шло к вечеру. Решили сделать последний загон на участке леса с густо растущими деревьями.

В условиях плохой видимости невозможно было обеспечить все меры безопасности при ведении охоты.

Уставший после длительной ходьбы по лесу, я прислонился к многоствольной осине, находясь как бы в жёлобе, образованном её стволами, и дремал.

Меня разбудили выстрелы: один, другой, потом ещё. Откуда стреляли и куда — непонятно, но совсем близко. Могли и друг друга перестрелять.

Окончательно меня взбудрил дикий рёв кабана. Через секунду ревущий кабан с огромной скоростью пронёсся в трёх метрах от меня. Не дай бог оказаться на его пути.

Инстинктивно рванулся за ним, чтобы добить подранка. Пробежав метров десять, кабан на моих глазах стал на задние ноги и рухнул на веер из осиновых стволов. Он был мёртв и моя «помощь» ему не понадобилась.

Возвращение с охоты

Как известно, успех на охоте зависит от многих факторов: умения метко стрелять, выносливости, понимания поведения дичи и многих других.

Но не менее важным, по мнению автора, а может быть, и определяющим, является удачливость.

Автор знал одного охотника, которому всегда везло.

Константин начал охотиться в молодом возрасте. Его охотничий стаж на момент описываемого случая составлял более 30 лет.

Причину его успешности можно было бы отнести на счёт его большого опыта. Но автор знал многих охотников с ещё большим стажем, которые частенько терпели неудачи на охоте.

На охоту Константин всегда ходил с собакой — русским спаниелем Феей — любимой его породой. На смену одному спаниелю, отжившему свой короткий век, Костя заводил молодого, которого тщательно и терпеливо учил охотничьему ремеслу.

Не имея собственного автомобиля, Костя в любую погоду ездил на рейсовом автобусе. Вместе с со своей собакой он доезжал до какого-нибудь сельского населённого пункта, и потом бродил по полям, охотясь на перепёлку, зайца или стреляя утку на прудах.

Костя никогда не приходил с охоты без добычи. В домашнем холодильнике в сезон охоты всегда в достатке были перепёлки, утки и даже фазаны.

В этот раз удача изменила ему. Целый день он ходил с верной собакой, пытаясь поднять зайца или фазана. Но всё было напрасно.

В плохом настроении, в первый раз без добычи возвращался Костя на автобусе в город.

Выйдя из автобуса на своей остановке, ближайшей к его дому, он понуро шёл домой. Он был уверен, что Фея, как обычно, следует за ним.

Пройдя около квартала, он всё-таки оглянулся. То, что он увидел, повергло его в шок. За ним шла Фея, держа в зубах палку колбасы. Мысленно он представил себе такую картину.

На виду у всех пассажиров автобуса его собака вытаскивает из чьей-то сумки колбасу. Ему стало стыдно. Костя часто ездил этим маршрутом, и его хорошо знали.

Этот поступок собаки можно объяснить только развитым чувством ответственности и собачьего долга: без добычи домой не возвращаться.

Жена Кости, коллега автора, потом рассказала ему, как, придя домой, спросила у мужа:

— Костя, что ты сегодня принёс?

— Посмотри в холодильнике, — ответил муж.

— Здесь ничего нет, — удивилась жена.

И тут Костя рассказал ей всё, что случилось при возвращении с неудачной охоты.

г. Армавир

Людмила Рогачко

Мой старший брат

*Посвящается любимому брату
Волощуку Валерию Михайловичу*

72

Трафарет № 3(47) - 2021

У меня со старшим братом довольно большая разница в возрасте. Он был и остаётся для меня всем: нянькой, учителем, защитником, кумиром, наставником.

Отучил навсегда

Эта история произошла в конце шестидесятых. Училась я тогда в 7-м классе. 14 лет — это возраст становления личности и приобретения своего жизненного опыта. Главное, чтобы рядом был любящий и направляющий тебя в нужную сторону человек.

Дружила я тогда с двумя девочками из нашего класса. Они были крупнее меня и оттого выглядели старше. Их родители приходили домой с работы вечером, поэтому мои подружки были предоставлены целый день сами себе. Мне же в этом плане не повезло (так я тогда считала): дома всегда был кто-то из взрослых.

Как-то девчонки купили пачку самых дешёвых крепчайших сигарет без фильтра. У них была мечта научиться курить не хуже пацанов. Меня на такие «подвиги» ещё не тянуло, и я отказалась от этого «удовольствия». Дыма на кухне было много, девчонки кашляли, роняли слёзы, но упорно не оставляли своих попыток.

Надышавшись дыма, я решила, что пора идти домой. На мою беду дома оказался брат. Он сразу унюхал запах табака, которым пропитались мои вещи.

— Курила? — жёстко спросил он.

— Нет!

— Врёшь! От тебя за версту табачищем разит.

— Я не курила! — огрызнулась я.

— Из дома никуда! — приказал брат и куда-то ушёл.

Вернулся он минут через двадцать с пачкой таких же сигарет, что курили девочки.

Прикурив сразу две сигареты, он протянул их мне:

— На, кури!

— Не буду!

— А кто тебя спрашивать будет? Кури, я сказал!

— Да не умею я!

— СЕЙЧАС НАУЧУ! — рыкнул брат.

...Как мне было плохо, помню до сих пор. Но его «наука» не прошла даром. Отучил раз и навсегда.

Проверка на прочность

В молодости брат занимался боксом, борьбой, парашютным спортом. Экземпляр был довольно крупный, и я шутя называла его «шкаф с пристройкой». Я всегда была при брате, иногда даже на свидания с ним ходила.

В седьмом классе я поломала руку, неудачно упала на катке. Но от занятий в школе меня никто не освободил. Училась я тогда во вторую смену, домой приходила вечером, когда было темно. И никому из ребят нашего класса, кроме Сашки, парня из неблагополучной семьи, даже в голову не пришло помочь мне донести портфель до дома.

Прошло несколько дней, и мы в подъезде столкнулись с моим братом, вернувшимся из командировки.

— Это ещё кто? — сурово спросил мой брат и приподнял Сашку к своим глазам. — Чтобы я тебя рядом с ней не видел. Понял?

— Делайте со мной что хотите, но я всё равно буду её провожать, — ответил Сашка и посмотрел в глаза моему брату.

— Смелый, погляжу! — рявкнул брат. А потом рассмеялся и благодушно сказал: — Ладно, провожайщик, провожай, раз меня не испугался!

С тех пор Сашка провожал меня в школу и домой, пока мы не окончили восьмой класс. После восьмого класса он поступил в нахимовское училище, и мы, к сожалению, больше никогда не виделись.

Спасибо брату

День 20 января 1962 года мог стать последним днём моей жизни. Спасибо брату, теперь это мой второй день рождения.

Мне было тогда неполных 10 лет. Я всегда с нетерпением ждала прихода зимы, потому что можно было хоть каждый день кататься на коньках. На Новый год папа подарил мне новенькие «фигурные» коньки, которые купил в Москве. В те времена они были предметом зависти.

В тот день, быстро справившись с домашним заданием, я с друзьями отправилась на озеро, где было расчищено место для катка. Мама с папой собирались вечером в гости, а я, пользуясь моментом, хотела подольше покататься на коньках.

Зимой темнеет рано, мои друзья засобирались домой, и звали меня с собой, но я отнекивалась. Коньки легко скользили по льду, я испытывала чувство полёта. Незаметно стало совсем темно и вокруг меня практически никого не осталось. На скамейке одиноко лежали мои пальто и ботинки. Сказать по правде, я испугалась. Тусклый свет фонарей лишь слегка разгонял темень. Холодное пальто не грело, а наоборот. К тому же я очень устала. Расшнуровать заледеневшие шнурки никак не получалось, руки не слушались, а на коньках далеко не уйдёшь. Хотела позвать кого-нибудь на помощь, но голос куда-то исчез. Чтобы хоть как-то согреться, я свернулась клубочком, слёзы сами потекли из глаз...

Вдруг, как сквозь вату, до меня донесся голос брата:

— Вот ты где! Всё хорошо! Не плачь.

Брат, не застав меня вечером дома, забеспокоился и пошёл искать. Первым делом он зашёл к моей подруге, она-то и сказала ему, что я осталась на катке. Там я и нашлась. Завернув меня в свою куртку и прижав крепче к себе, он понёс свою бестолковую сестрёнку домой.

Первым делом брат растёр меня водкой, закутал в одеяло, а потом заставил выпить немного «лекарства», которое оказалось водкой.

Когда пришли родители, я крепко спала. Утром проснулась как огурчик, даже не чихала. Маме и папе мы ничего не сказали, иначе каток я видела бы только во сне.

Прошло много лет. На каток хожу до сих пор, но теперь в качестве сопровождающего внучки. А вот вкус и запах водки не люблю, уж очень горьким показалось мне тогда это «лекарство».

Овсянка

Ненавижу овсяную кашу с детства и навсегда. Один её вид вызывает у меня отвращение и пробуждает в памяти воспоминание.

Из всех круп я ела и ем до сих пор только гречку, рис и манку. Все остальные даже пробовать не хочу. Все люди пробуют пищу на вкус, а я почему-то визуально. Не нравится общий вид — даже из уважения к угощающему есть не буду.

Мне было лет семь, когда произошла эта «овсяная история» (так её называли в нашей семье).

Овсянку мама из-за меня никогда не готовила, а тут вдруг на ужин каша появилась на столе.

— Я это не буду, — заявила я, отодвинув тарелку и взяв булочку.

— Будешь, — строго сказал папа, придвинув ко мне кашу и забрав булочку.

— Нет!

— Да!

— А я сказала, нет! — упрямо повторила я.

— Ей ничего другого на ужин отныне не давать, — обращаясь к маме велел папа. — Пока кашу не съешь, из-за стола не встанешь. Разве что спать отправишься, — пригрозил папа и вышел из кухни.

Мама и брат удивлённо переглянулись. Со мной, своей любимицей, папа так строго никогда не говорил. Голодная, я отправилась спать.

На следующий вечер передо мной опять была ненавистная овсянка. Всё повторилось сначала.

Противостояние папиного упорства и моего ослиного упрямства продолжалось ещё три дня. На кашу без содрогания смотреть было невозможно, нет слов описать, во что она

превратилась. Мамины попытки накормить меня перед приходом папы с работы тоже не увенчались успехом. Обманывать папу я не хотела.

На пятый день нашего противостояния мой спаситель старший брат забрал у отца протянутую мне тарелку, соскрёб из неё кашу и со словами: «Папа, хватит!», отправил её в мойку.

Больше меня никто и никогда не пытался заставить есть то, что я не хотела.

г. Касли

Николай Шукшн

Судьбоносная случайность

Дамиля Нуреевича Гимадисламова прекрасно знали в Кунашакском районе. Это его район. Его — потому что здесь он родился, здесь окончил школу, отсюда уходил в армию на советско-китайскую границу, сюда после службы вернулся и стал водителем. Ему по душе красоты природы родного края, неспешная и нелегкая жизнь людей. Мечтал юноша о профессии ветеринара, но судьба распорядилась иначе...

Отцовская педагогика

Говорят, судьба — это характер. Но характер непременно начинается с детства, с молоком матери впитывается из той самой среды, в которой довелось появиться на свет.

Своих четверых детей Нурей и Мнавара Гимадисламовы учили простым и важным правилам этикета. Почитай старших. Живи своим трудом. На всю жизнь в его память врезались слова отца: «Не стоит показывать пальцем в сторону погоста, иначе палец отсохнет». Они про то, что нельзя брать чужого и разрушать то, что создано трудом людей. Дети в семье работяг-родителей постоянно состояли при деле. Знали, и как хлеб родится, и как к корове подойти, как сено косить и как огород изобиходить. А еще с ранних лет Дамиль занимался лыжами, волейболом, баскетболом, шахматами.

...Пролетели годы. Ветеринаром наш герой не стал. На его пути встретился сотрудник РОВД Салих Шакиров, который предложил парню занять вакантное место инспектора ГАИ на трассе Челябинск — Свердловск. Кандидатуру поддержали трудовой коллектив, главный районный автоинспектор Ризван Гилязов, областное начальство. 15 марта 1975 года впервые надел Дамиль Нуреевич милицейскую форму. Местом службы ему определили пост ГАИ в Малом Куяше.

Тревожные дни и ночи

И начались рабочие будни. Это значит — выезды и вызовы в любое время суток и в любую погоду. Это и питание на ходу, всухомятку, и короткий, прерывистый сон. Под свою опеку молодого коллегу взял опытный сотрудник — старший лейтенант милиции Аркадий Гашко.

В детстве Дамиль любил читать детективы и смотреть фильмы про разведчиков. Со временем жаловал их своим вниманием гораздо меньше: больше двадцати лет его милицейской службы до отказа наполнены такими эпизодами — круче любой кинодрамы.

...Однажды осенним утром водитель рейсового «Икаруса» сообщил Гашко о том, что на перекрестке Свердловского тракта и поворота на Большой Куяш высадил двух подозрительных мужчин, из-под полы куртки одного из них виднелся автомат.

Аркадий Корнеевич доложил об этом в Кунашак, откуда прибыла группа захвата, и в область. Из Челябинска направили спецвертолёт. Но, не дожидаясь помощи, старший лейтенант приказал своим коллегам Александру Чернышкову и Дамилю Гимадисламову начать вместе с ним автопатрулирование участка.

Мужчин обнаружили за большой кучей чернозема недалеко от автобусной остановки в Малом Куяше. Захват был молниеносным. Задержанные бежали из мест лишения свободы, убив конвоиров и завладев их оружием. Дамиль Нуреевич поведал мне об этом очень спокойно, словно не было ни волнений, ни риска для жизни.

... Осенним днём патрульный экипаж в составе сержанта Гимадисламова, дружинника Багапова и милиционера Абдуллина в районе Кунашакского перекрестка пытался остановить легковую машину, грубо нарушавшую правила движения. Юнец, сидевший за рулем, требования проигнорировал и свернул на Башакульскую дорогу. Прибыв в деревню, стражи

правопорядка без труда нашли автомобиль-нарушитель. Его пассажиры к тому времени успели уже присоединиться к свадьбе, шумевшей в селе. Из салона вышел агрессивный мужчина лет 45, пояснивший, что за рулем принадлежавшего ему транспортного средства находился он сам и никто другой, а их — гаишников — надо поставить на место с помощью влиятельных людей. Скандалиста посадили в милицейскую машину, вывезли за Башакуль и отпустили. Автоинспектору не хотелось портить торжество, но надо было предотвратить конфликт, ведь подвыпившие гости встали на сторону пьяного водителя. Прогулка могла охладить пыл готового к дебошу человека.

А через некоторое время областное начальство получило жалобу. Житель Башакуля писал: «Я нарушил правила и виноват. Но ваш молоденький сержант обнаглел: взятки берёт. Мы с ним сошлись на 10 рублей, деньги были вложены в водительское удостоверение. Он их взял, а меня отпустил. Наказать его надо».

Заявление взял под контроль Алексей Тищенко — командир отдельного дивизиона ДПС области. Я знал Алексея Игнатьевича. Его отличали чёткость в делах и принципиальность, в годы войны он получил тяжёлое ранение, когда горел в танке, но нашёл своё место в милицейском строю. Опросив коллег молодого сотрудника, он пришёл к выводу, что дачи взятки не было. А Гимадисламов до конца дней был благодарен ему за то, что поверил в его честность.

В другой раз Дамиль попал в неприятную ситуацию, когда задержал пьяного мотоциклиста. Транспортное средство, помещённое в спецгараже в Малом Куяше, через несколько дней под покровом ночи тайно выкрал владелец и... подал иск на возмещение ущерба. Область деньги выплатила и регрессом возложила их возврат на Дамиля Нуреевича. Считая себя невиновным, он едва не подал рапорт об увольнении. Помог Виктор Манаенков, работавший в те годы начальником Кунашакского РОВД: установил все обстоятельства кражи, уговорил остаться.

Сражаясь за справедливость, наш герой ни разу не преступил закон, даже в мелочах, уделяя большое внимание профилактике ДТП. Каждое из них вызывало боль в его сердце. Основываясь на личном опыте, он давно понял: «Надо вводить на дорогах свод неписанных этических правил», которые можно свести к одному: «Думай за дурака на дороге». Соблюдение неписанных правил позволит значительно снизить число ДТП, будет меньше погибших и искалеченных людей, уверен ветеран автоинспекции.

Психолог без диплома

Служба в органах — это образ жизни. Работа незаметно становится частью судьбы, биографией, переплетаясь с судьбами сотен других людей, вошедших однажды в твою жизнь. И если не закрывать своего сердца, то оно станет приютом для тех, кто хоть раз встретился с тобой. Пустить людей в своё сердце непросто, но без этого нельзя стать профи.

Дамиль Нуреевич им стал. Об этом говорит уважение, которым он пользовался среди жителей района. И начальство его ценило за преданность делу, честность и порядочность. Именно поэтому руководство направляло его на самые ответственные участки. В июне 1980 года он участвовал в обслуживании московской Олимпиады как один из лучших инспекторов ДПС. Осенью того же года был назначен старшим госавтоинспектором нашего района, сменив на этом посту ветерана МВД Р. А. Гилязова.

В 1983 его признали лучшим среди коллег в области, ведь к своей работе он относился неформально: ориентируясь не на статистику, а на людей. И не только «шашкой махал», наказывая нарушителей по максимуму, но и разбирался во всём до тонкостей. Так, налагая взыскание на пьяного водителя, изучал его семейное положение, запрашивал на него характеристику и ходатайства с места работы — словом, делал все, чтобы семья нарушителя не осталась без денег, а организация — без ценного сотрудника, но и сам нарушитель чтобы был наказан. В те годы комиссия имела право выбирать срок наказания для водителей-пьяниц и даже досрочно вернуть водительское удостоверение. Потому таким людям Дамиль Нуреевич настоятельно рекомендовал обратиться к наркологу и пройти необходимый курс лечения. Имея на руках справку врача, он уже принимал окончательное решение.

В период снегопада поднимал все коммунальные службы, лично договариваясь с их руководителями. Поэтому проезжая часть дорог находилась в нормальном состоянии. Он никогда не боялся проблем, а решал их по мере поступления.

С началом лихих 90-х Гимадисламов сменил место службы, став к тому времени опытным сотрудником со средним юридическим образованием — успешно прошел курс обучения в средней школе милиции г. Елабуги. В разгар перестройки перевелся на должность командира роты ДПС областного подчинения, которая обслуживала Кунашакский,

Каслинский, Аргаяшский и Красноармейский районы. Хлопот явно прибавилось. На дорогах творился беспредел.

Однажды пришлось столкнуться с двумя вооружёнными молодчиками. Милицейский патруль остановил легковушку и при досмотре в салоне нашли пустую кобуру и газовый пистолет, переделанный под боевой. Гимадисламов вручил коллеге резиновую дубинку и отправил его в патрульную машину, велел имитировать ведение по рации переговоров с группой захвата, находившейся якобы рядом. Сам вывел из салона людей, приставил к виску одного из них табельный пистолет и прошептал: «Веди себя тихо, если что — стреляю без предупреждения», надел на них наручники. Уверенность и спокойствие автоинспекторов обезоруживающе подействовали на нарушителей закона.

Ещё случай. Как-то раз наш герой нёс вахту возле Караболки. Водитель, ехавший со стороны Куяша, сообщил: «Там, у села, ребят грабят, помоги». Патрульная машина помчалась в указанном направлении, по пути стража порядка встретили тех, кто подвергся прессингу. Они поведали, что стороны разошлись миром. И все же инспекторы поехали дальше, чтобы лично во всём разобраться. Через пару километров увидели рэкетиров. Те, почуввав неладное, дали по газам и бросились наутёк. Настигли в Большом Куяше. Пришлось по колесам стрелять, от чего машина угодила в сугроб...

Часто при задержании преступники бывают агрессивными. В любую минуту можно получить пулю из-за банальной невнимательности или слабой боевой подготовки. И всё-таки при таком раскладе порой куда важнее быть психологом, уверен Дамиль Нуреевич, чем продемонстрировать физическую подготовку.

Так, в делах-заботах, минуло еще два года. В 1997 году Гимадисламов вернулся на должность руководителя районной ГИБДД. Но, ценя в Дамиле надёжность, коллеги из других служб часто вовлекали его в свои операции. Однажды начальник уголовного розыска попросил поехать в Казахстан для этапирования молодого правонарушителя. Правоохранительные службы ставшей не так давно независимой республики решили возмутиться тем, что этапирование не согласовано на высшем уровне. На обратном пути наших милиционеров задержали, доставив сначала в прокуратуру, а затем в комитет безопасности. Только здесь им объяснили причину задержания и водворили в КПЗ. Правда, кормили отменно, относились хорошо. Но из-за решётки не отпускали. «Кунашакские узники» начали протестовать, находя в действиях иностранных коллег множество нарушений. Пришлось даже объявить голодовку. А что творилось в их семьях, в коллективе, в Кунашаке в целом, где тысячи людей переживали за ребят, не получая никакой информации об их положении?! Только спустя несколько дней, после подключения к освобождению самых высоких и компетентных органов, их отпустили...

Он вышел в отставку в звании майора в 1999 году, удостоившись медали «За безупречную службу» всех трёх степеней, но и на пенсии без дела не сидел.

Н. И. Банных, работавший в семидесятые годы в Кунашаке следователем прокуратуры, а впоследствии прокурором района, так отзываясь о Гимадисламове: «Дамиль Нуреевич я знал хорошо. Это честный, добросовестный, порядочный во всех отношениях человек и офицер МВД. Видел его всегда весёлым и неунывающим. Одним словом, он был оптимистом. Мне как следователю в процессе расследования уголовных дел иногда приходилось обращаться к Дамилю за помощью, и никогда с его стороны не было отказа».

Улов по правилам и без

Без малого 17 лет этот неугомонный человек сражается с браконьерами на водоёмах района, следил за порядком на их берегах. Для того чтобы рыбалка стала более результативной, необходимо, по его мнению, создать в стране единое для всех регионов законодательство по вопросам рыболовства и охране водных ресурсов. Сегодня в каждой области свой свод правил на сей счёт. В федеральном законе крайне мало конкретики.

Кроме того, Дамиль Нуреевич полагал, что любительское рыболовство нужно сделать платным — это позволит создать на водоёмах зону комфорта, поддерживать порядок на береговых зонах. А водопользователь, получив дополнительные средства, сможет направить их на заселение озёр новыми сортами рыб. Перечень таких водных артерий для платной и бесплатной рыбалки надо разместить в Интернете. Но это — дело времени. Нередко инспектор рыбоохраны наказывал тех, кто загрязняет озёра, заезжая прямо в автомобиле на место рыбной дислокации.

Работа у Гимадисламова — не позавидуешь. Поднимался он рано, чтобы успеть всё проконтролировать. Самая сложная пора — выходные. Несмотря на карательную сущность работы, с рыбаками Дамиль Нуреевич всегда был предельно вежлив, даже делая внушение, не ущемлял достоинства нарушителя. Многие люди знали его в лицо, приветствовали как

старого знакомого. А он не уставал напоминать всем рыбакам: «Соблюдайте закон. Его нарушения отразятся на вашем кошельке».

Но вот несколько лет назад на озере Тишки Гимадисламов столкнулся с двумя агрессивными браконьерами, один из которых прошёл «тюремные университеты». В багажнике автомобиля лежали мешки с сетями, наполненные рыбой. Браконьеры, обрушив на инспектора поток нецензурной брани, уехали. Однако вскоре, спрятав авто в камышах, вернулись. Дошло до них, видно, что скрыться не удастся: номер машины зафиксирован. Немного успокоившись, пошли вдоль берега. Инспектор последовал за ними.

— Что ты за нами увязался? Тебе, командир, видно, жить надело, — грозно прошипел бывший заключенный.

— Я просто иду, — улыбнувшись, спокойно сказал Дамиль Нуреевич.

Градус накала снизился, а вскоре прибыла подмога. Браконьеров задержали и доставили в РОВД. Серьёзного противостояния удалось избежать...

Наш рассказ об этом замечательном человеке будет неполным, если не сказать о его семье.

«Святая наука — расслышать друг друга»

Когда-то узы брака считались святыми и нерушимыми. Сегодня идёт переоценка ценностей и очень много из того, что считалось незыблемым, перешло в разряд устаревшего. Но разве можно считать таковыми любовь, верность, преданность друг другу? С молоденькой красавицей Резедой Дамиля познакомил его родной дядя, дав девушке прекрасную характеристику: умница, пединститут закончила, добрая, любое дело в её руках спорится. Парень поехал в Курган родню навестить да на подружку глянуть. Она очаровала его спокойным нравом, простотой и серьёзной рассудительностью. Ему показалось, будто он знает её много лет. А сердце показало: вот она же, твоя судьба.

Так начался их роман. Через год они стали мужем и женой. А в 1975 году молодая семья вместе с первой дочкой Диной переехала в Малый Куяш. Здесь молодой инспектор ГАИ получил свое первое назначение по службе. Почти 5 лет мы жили в одном доме. Новые соседи произвели прекрасное впечатление. Друг к другу они относились доброжелательно, обходились без ссор. Если Дамиль не был занят на работе, то запросто мог погулять с дочкой, убрать квартиру или помочь жене постирать бельё. Конечно, это не подвиг мужчины, но все-таки приятное исключение из общего правила. Разумеется, ни в одной семье не бывает лишь солнечных дней. Но если в доме царит взаимопонимание, то все проблемы решаются сообща. Большое внимание Гимадисламовы уделяют воспитанию детей. У них четыре дочери. Старшая росла спокойным ребёнком, с малых лет она умела занимать себя игрой, не отвлекая маму и папу от важных дел. Иногда по ночам ребёнок страдал бессонницей, тогда папа катал её в машине — помогала лучше снотворного. Повзрослев, Дина окончила школу с серебряной медалью и юрфак университета, вышла замуж. Её супруг Константин — офицер-физик. В их дружной семье трое детей: Даша, Аня, Яна.

Диляра, вторая дочь Гимадисламовых, вспоминая годы детства и отрочества, сказала: «Мы не видели, чтобы родители ссорились, с ними всегда можно было поговорить, получить дельный совет. Они, например, уверены в том, что процесс получения высшего образования нельзя прерывать академом».

А ещё нашим воспитание папа и мама занимались серьёзно. Так, нам запрещалось оскорблять и унижать друг друга. Мы, конечно, иногда ссорились, но быстро мирились. Папа отпускал нас на дискотеку и сердился, если мы задерживались больше, чем на час. На следующий день прогулке нам было не видать. Правда, сердиться долго он не мог. Всё прощал, особенно, если мы его угощали кофе. В нашу жизнь с детства вошли утренние лыжные прогулки».

Диляра — психолог и предприниматель. Её супруг Андрей — экономист, владеющий двумя иностранными языками. В семье двое детей: Алиса и Егор.

Диана получила юридическое образование. Ее муж Рустам — сотрудник МЧС. У них два сына: Денис и Роман.

Яна с малых лет имела твёрдый характер и собственное мнение по любому вопросу. Казалось, девчонка всё время шла против потока, против обыденности и обыкновенности, имея воинственный темперамент. Но так проявлялась не патология личности, а всего лишь этапы её становления.

Из воспоминаний Яны: «Я была активным ребёнком, в подростковую пору папа часто брал меня с собой на охоту. В лесу училась водить машину, и, когда папе удавалось кого-нибудь подстрелить, он сообщал мне об этом по рации, я подъезжала и забирала трофей».

Яна общительна и оптимистична, прямолинейна и вежлива, что помогает справиться ей с трудностями. Она стала мудрой женой, которая не может долго сердиться на мужа. Их конфликты решаются с помощью улыбки и доброго взгляда. Муж Яны — сотрудник ОБЭП. У них двое детей: Ульяна и Илья.

Дочери Гимадисламовых — состоявшие личности, способные решить любые проблемы. Если одной туго, руку помощи протянут три сестры и родители. Прав был А. В. Сухомлинский, сказавший когда-то: «Главный замысел и цель семейной жизни — воспитание детей. Главная школа воспитания — это взаимоотношение мужа и жены, отца и матери».

Со дня свадьбы минуло сорок три года. Пылкая страсть сменилась безграничным уважением и полным доверием. Так всегда бывает в счастливом браке. Оглядываясь на прожитые годы, Резеда Равильевна сказала о муже так: «Он был интеллигентным смолоду: любил людей, никогда не унижал, старался не обижать. Главным его оружием в общении с людьми была аргументированная убедительность и абсолютная невозмутимость. С первых лет нашего союза я была абсолютна уверена в том, что он прокормит любую, даже самую большую семью. Мой муж — самодостаточная личность, у него всегда есть любимая работа, он вообще не может сидеть без дела, готов помочь мне буквально во всем».

А вот что сказал о своей благоверной Дамиль Нуреевич: «Весь дом на ней держится, она всегда была и остается прекрасной хозяйкой, заботливой мамой и бабушкой. Я благодарен ей за тот уют, который она способна создать в нашем большом доме. Все годы в нашей семейной жизни супруга много работала. Тридцать лет руководила районным загсом. Коллектив, которым она руководила, неоднократно признавался лучшим на областном уровне. Есть у Резеды и награды: грамота Минюста России за подписью С. Степашина. А как-то ей выдали путевку в санаторий. Оставила она дочек на меня и бабушек и уехала лечиться. Мы не подкачали, справились. На сегодняшний день у нас десять внуков. Резеда с удовольствием уделяет им много времени, а они в бабуле души не чают».

Их жизнь наводит на мысль о том, что каждому судьба отмеривает счастье по его характеру. Одному оно дается полной мерой, а другому — лишь страдания. Бальзак писал: «Брак не может быть счастливым, если супруги до вступления в союз не узнали в совершенстве нравы, привычки и характеры друг друга».

И ещё. Сфера любви и взаимоотношений такая хрупкая. Её нужно хранить и нести, как олимпийский огонь. Бережно, даже на бегу. Нашим героям это удавалось...

Вместо послесловия

В июле 2021 года земной путь нашего героя завершился после тяжелой болезни. Этот очерк мы посвящаем светлой памяти нашего друга, прекрасного человека и высочайшего профессионала.

Выражаем соболезнование его супруге, четырем дочерям и их детям — десяти внукам Дамиля Нуреевича и Резеды Равильевны.

г. Челябинск

Крепость у Крутого Яра

В военной энциклопедии, изданной в 1911—1915 годах в Санкт-Петербурге, находим такой материал: «Крутоярская крепость — один из опорных пунктов бывшей Уйской пограничной линии, входившей в состав Оренбургской пограничной линии. Крепость построена в 1739 году на левом берегу реки Уй, как и все крепостцы этой линии. Крутоярская крепость состояла из полигональной огады в виде заплота (бревенчатого забора) десяти футов высоты с двумя на противоположных углах бастионами. Гарнизон состоял из двух драгунских рот, а вооружение — две медные и пять чугунных пушек. Вся крепость окружена рогатками».

В основу энциклопедической статьи взят материал из источников 1865 года. И всё бы ничего, да вкралась ошибка. Крутоярская крепость, как сказано в статье, и все другие крепости Нижне-Уйской дистанции, кроме Звериноголовской, были основаны в 1743 году. В 1739 году была разведана местность для строительства В. Н. Татищевым, и только спустя несколько лет, возвращаясь из Сибири, крепость заложил И. И. Неплюев, возглавляющий в то время Оренбургскую губернию.

Построенная на беспокойном рубеже она стала помехой кочевым народам, как башкирам, так и киргиз-кайсакам. Казаков, находящихся на службе в крепости, катастрофически не хватало для охраны границ. Крепость находилась под бдительным наблюдением степняков. Даже простые хозяйственные работы требовали сопровождения: чуть зазевался, и налетевшие басурмане навсегда увезут несчастного в бескрайнюю степь. Всё приходилось делать под ружьём: косить траву, ходить за водой, рубить тальник на топливо. Строжайше приписывалось следить, чтобы в ночное время все жители съезжались в крепость, а у пасущихся табунов выставлялись вооружённые караулы. Под неусыпным казачьим надзором находились все броды на реке и переправы.

Спустя 15 лет со дня образования Крутоярской крепости в ней уже числилось 572 человека, из них мужского пола — 316, женского — 256. В этот состав входили также дети, люди преклонного возраста, инородцы, священнослужители. Размещалось проживающее население в форштадте и слободке. Эти названия сохранились в Крутоярском посёлке по сегодняшний день.

В крепости содержались четвёртая и пятая роты Оренбургского драгунского полка под командованием поручика Сергея Борозны и капитана Ивана Лукьянова. Из более чем полусотни драгунских фамилий в настоящее время в посёлке встретилась лишь фамилия Путилов. Это объясняется тем, что в конце 1768 года все подразделения Оренбургского драгунского полка были переведены сначала в Троицк, а затем — в Астрахань.

Побывавший в 1771 году в Крутоярской крепости Н. П. Рычков (сын известного исследователя П. П. Рычкова) в своём путевом дневнике оставил запись: «...крепость окружена деревянным замком фигуры четырёхугольной, бойницами и башнями, снабжена довольном числом артиллерии. Строение в ней не столь пространно, как в Усть-Уйской крепости, и жители не столь зажиточны, как первые».

С 1766 года на службу заступили подразделения Шешминского ландмилицкого полка, преобразованного в 1769 году в драгунский. Ландмилиция — это ополчение. Ландмилицкие полки создавались не из рекрутов, а из однодворцев: стрельцов, пушкарей и других чинов. Они формировались в Поволжье на так называемой Закамской линии, которая со строительством Оренбургской оборонительной линией утратила своё значение. Об этом ещё 1737 году сказал В. Н. Татищев на Генеральном совете, когда затевалась Оренбургская военная линия: «Закамская линия, яко посредине и под защитой Оренбургской, оставшаяся за ненужною признана и рассуждено, чтоб все по ней учреждённые ландмилицкие полки... на ту новую линию перейти...».

Более того, согласно императорскому указу «...и отцов, и братьев, которые с ними жили, перевести в те же края, где оные ландмилицкие поселения будут, тако же которые от службы отставлены быть, предь от жилища не отпускать, а жить им в тех же местах, где они во время службы своей в ландмилиции поселены быть».

Таким образом, укрепления в дальнейшем должны пополняться казаками из числа молодой поросли, выросшей в крепости и имеющие здесь свои земельные наделы.

В период крестьянской войны Крутоярский гарнизон неоднократно подвергался нападениям казаков, выступавших на стороне Пугачёва, однако выстоял, хотя и было нелегко.

В 1803 году для усиления личного состава в крепость были переселены Исетские казаки. Являясь исторически выходцами северо-западных регионов России, они внесли новую струю в разговорную речь и обиход местных казаков. Их говорящие фамилии долгие годы звучали в крепости: Кайгородов, Печёрский, Мезенцев, Уржумцев, Пермиков, Новгородов, Верхотурцев, Белозерцев, Белослудцев, Важенин. Некоторые фамилии дожили до наших дней.

В 1838 году в Крутоярскую крепость переводятся польские офицеры и низшие чины, взятые в плен в ходе боевых действий на Волыни и в Подолии. Первоначально их ссылали в Оренбург, но, сконцентрировавшись в большом количестве в одном месте, поляки оказались неблагонадёжными. Военное командование решило развести ссыльных по гарнизонам. 10 апреля 1838 года был издан приказ о назначении на службу польских военнослужащих. «...переводятся на службу в Оренбургское казачье войско... по собственному желанию... зачисляются в крепость Крутоярскую: В. Черницкий, Ян Тополинцкий, А. Скибинцкий, Ян Атмановский, Н. Островский, П. Михаль, С. Капотко, Ян Подольский, С. Озимский». Позднее в крепость были зачислены и другие ссыльные польские поселенцы: Калиновский, Синявский, Гурьевский, Ратзевич, Логиновский и другие. Со временем некоторые фамилии изменились, а часть поселенцев покинули крепость.

В это же время в крае под руководством губернатора В. А. Перовского строится новая оборонительная линия. Она прошла от Орской крепости вдоль реки Тогузак на редут Берёзовский. Путь из Оренбурга в Сибирь значительно сокращался, при этом ряд крепостных отрядов, в том числе и Каракульская крепость, оказались в стороне вне линейного пограничного тракта. Это впоследствии оказало влияние на развитие оборонительных укреплений. Замедлился рост Каракульского укрепления в связи с утратой его военно-стратегического значения, зато усилилась роль Крутоярской крепости. За короткое время она значительно превзошла Каракульскую крепость и по численности населения, и по материальной обеспеченности. Это были лучшие годы военного казачьего подразделения. Крутоярская крепость первоначально входила в состав Усть-Уйской станицы, а затем — Берёзовской.

Крутоярскую крепость, преобразованную в станицу и находящуюся на кратчайшем пути из Оренбурга в Сибирь, посетили многие известные люди: В. А. Перовский, В. И. Даль, А. Гумбольдт, П. П. Рычков. Есть сведения, что в свои путешествия в Сибирь и Среднюю Азию по Новолинейному тракту через станицу прошли Н. М. Пржевальский, В. и М. Прончищевы, П. Козлов и др.

В 1891 году, возвращаясь из кругосветного путешествия, в станице Крутоярской побывал будущий император России цесаревич Николай.

К началу нового века количество жителей в Крутоярском составляло 2146 человек. К этому времени значительно изменился состав населения. Сказался указ 1865 года, разрешавший селиться на казачьих землях без перехода в казачье сословие. С построением железной дороги на Челябинск и Троицк нарастал поток переселенцев. Окрестности вокруг Крутоярки заселяли украинцы, немцы, русские переселенцы из Центральных губерний, мордва и т. д. Так появились заимка Змеёвка, она же Половинка, хутора Имеретинский, Исаенкова, выселки Быковский (Колпаки), Чистовский. Селились сюда и казаки из густонаселённых станиц, оставляя названия родных мест. Таковы Ново-Каратабан, Ново-Уштаганский. Уже в советское время, в годы НЭПа, разукрупнился и посёлок Крутоярский, образовав выселки Ново-Крутоярский, Пролетарский, Будённого, Первомайский (Чаша).

Особо большой исход из Крутоярской станицы был в 1919 году. Выехало 499 казаков и членов их семей, примыкавших к белому движению.

с. Чудиново

Нина Кысса

Деревенская история

В один из дней я приехала в деревню Даутово из города и зашла в гости к родственникам. В то время в деревенском магазине продавались только продукты первой необходимости, и то, что я привезла в качестве гостинцев, было редкостью. А привезла я «Тархун» и печенье-крекер. В семье у родственников — мальчик Коля и девочка Таня. Ему было шесть лет, а ей три года. Бабушка Рая сразу начала раздувать самовар и поставила на стол немудрённую деревенскую еду.

Я выложила из сумки гостинцы, позвала детишек и, усадив их на лавочки, стала угощать. Я разлила газировку по стаканам, распечатала печенье, и дети с удовольствием захрустели крекером.

Коля с удовольствием уплетал печенюшки, запивая напитком, видно было, что ему угощение очень нравится, а Таня держала стакан с газировкой, но почему-то не пробовала напиток, а молча грызла печенье, и я спросила: «Танюша, почему ты не пьёшь лимонад?» Но она ничего не отвечала и сидела молча, продолжая жевать.

Бабушка заварила чай и попросила меня поставить самовар на стол, и мы дружной компанией стали чаёвничать. За столом мы говорили о том, о сём, дети угощались гостинцами, но Таня до сих пор не притрагивалась к напитку.

Бабушка, удивляясь тому, что она не пьёт газировку, подвинула её стакан себе и хотела попробовать. И тут Танюшка внезапно схватила стакан, залпом выпила и со стуком поставила его на стол, вытерла ладошкой губы, громко сказала: «Нормальная водка, наливай ещё», — и, закрыв глаза, начала ходить по кухне.

Бабушка Рая всплеснула руками и удивлённо воскликнула: «Ты где это слышала про водку, кто так пьёт и такое говорит?» Танюшка спокойно на неё посмотрела и сказала: «Когда наш дедушка водку пьёт, так говорит. А он без тебя пил, ты работала в огороде. А я всё это видела. И он ещё долго кряхтел: «Кхе, кхе». У него не было закуски, он из ковшика воду пил».

Мы посмеялись с бабушкой над выходкой Танюшки, и она со мной поделилась, что на днях должны приехать гости из соседнего села. Не дай бог, при них выпьет внучка что-нибудь и начнет кряхтеть и говорить: «Нормальная водка, наливай». Бабушка переживала за мнение гостей. Я налила девочке ещё газировки и попросила, чтоб при гостях она так не делала. Танюшка мне пообещала, и мы с ней пошли на озеро, где рыбачили на озере её дедушка и отец. Они проверяли сети и уже подплывали к берегу с богатым уловом. Потом во дворе они растянули сети на стене дома и выбирали рыбу, а мы складывали улов в большой таз.

Тут из леса пришла мама детишек с полным ведром ягод. И было так спокойно, уютно в кругу родни. Дети бегали веселые, баня топилась.

Вскоре корова вернулась из табуна и замычала возле ворот. И эти милые картинки до сих пор греют сердце, даже после стольких лет. Но всё прошло: детки выросли, дедушки уже нет на этом свете, бабушка уже совсем старенькая стала. И тогда приходит осознание того, что жизнь так скоротечна и надо ценить каждый день, каждый час: ведь обратно ничего не вернуть, и то, что казалось когда-то смешным, вызывает светлую печаль.

(Продолжение следует)

г. Снежинск

Николай Таёжный

Места у нас воздушные

Поселок Лесное представляется до знакомства, разумеется, затерянным в лесах. Впрочем, и при знакомстве, собственно, таковым и оказался — пусть и не так прочно затерянным, как эвенкийские посёлки в нашем красноярском зелёном море тайги — совсем недалеко от магистральной дороги, но действительно окружённый богатейшими лесами, близ рек, большой и малой. Воплощённая мечта лесозаготовителя. Лесозаготовительством жители до недавних пор и занимались... Первой на улице посёлка Лесного (кстати, тоже Лесной) встретила пожилая жительница, с трудом передвигавшаяся на больных ногах, опираясь на специальную тележку. Удача! Старожилы — это всегда кладёшь информации для репортёра. Знакомимся: Галина Владимировна Никулина. Родилась в Ульяновске, в Калининградскую область привезена в малолетнем возрасте родственниками. Дядя — Иван Янтуралев — в числе первых переселенцев поднимал хозяйство Калининградской области, куда и прибыли Галя с мамой, поселившись в посёлке Лесное.

— Жизнь была хорошая! — вспоминает Галина Владимировна. — Народу в селе было много, все работали. Дом культуры никогда не пустовал, молодёжи — море! Какие были танцы в ДК! Приходили солдаты из соседней части, матросы с флота речного — девушки у нас без внимания не оставались!

Галина Владимировна работала в Неманском ЦБЗ — сепараторщик, обрабатывала дрожжи. Передовиком была не единожды, имеет грамоты. Здесь и замуж вышла, муж, Пётр Васильевич Никулин, ушёл из жизни, теперь живёт одна. Болеет, но бодрости духа не теряет. Так держать, Галина Владимировна!

В посёлке в основном старые немецкие дома, часть из них красочно отремонтирована. Но есть и новостройки: в центре достраивается новый современный магазин, рабочий

убирает строительный мусор. Знакомимся: Владимир Викторович Дубасов, житель посёлка.

— Поселенцами первой волны были мамы родители и мой отец, Виктор Дмитриевич Дубасов, ветеран войны. Вот он и поднимал Калининградскую область, работал на ЦБЗ. А жил раньше, до войны, в городе Торжок — в Центральной России. Мама моложе, её привезли ребёнком родители из Смоленской области. Здесь, в Лесном, после войны работал лесозавод, лес сплавливали по речке Шушупе в Неман и дальше. И у нас работала лесопилка. Да, так одна практически улица и была — буквой «Т», переселенцы селились в немецких домах. Один дом стоит — добротный, ещё 1929 года постройки. Немцы приезжали навещать в 1990-х — скучали по родине. Отопление в домах — котелковое и печное, у кого как. Вода — колонки, но и в дома многие проведена...

Владимир родился в посёлке, в 1964, в местной школе учился — тогда здесь и школа была. Из Лесного и в армию призвали в 1982, служил в Хабаровском крае, в железнодорожно-строительных войсках — строил со всем комсомолом страны знаменитую Байкало-Амурскую магистраль. Демобилизовавшись, вернулся в родные края, устроился на целлюлозно-бумажный завод в Немане. Работал на производстве бумаги пять лет, тогда же и женился. Дочь сейчас в Калининграде, растут два внука.

— Сейчас подрабатываю, где повезёт, магазин вот строим. Раньше мужики работали на лесопилке, в совхозе в Большом селе — всем работы хватало. А сейчас... Молодёжь уезжает в поисках работы — кто куда, в основном в Калининград. Остаются старики-пенсионеры... Кто ещё в силе — держат коров, огороды у всех свои. Ягоду вот собираем, сдавать, правда, приходится дёшево. Грибы пошли — лисички, подберёзовики, белые. Кругом же лес, и лес у нас в округе богатый — дуб, лиственница, ель, береза, клён — поблизости от посёлка не вырубался, соблюдалась технология. Даже охотились в лесах — кабаны, косули были, теперь, наверное, все в Литву ушли... Школьников возят в Неман, а мы ещё в посёлке учились — была восьмилетка. Ребята постарше тоже на ягоде подрабатывают...

Перпендикулярно к Лесной улице — улица Ягодная, небольшая, но вкусная. Невольно вспоминается: «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную и на Тенистой улице...» А тени здесь предостаточно — повсюду огромные, в несколько обхватов, деревья с густой листвой — любой ливень переждать можно, что актуально сегодня, когда с утра уже дважды налетал тёплый летний дождь. На этой улочке в старом, давно не ремонтировавшемся здании располагается центр культуры посёлка — ДК, а также библиотека.

— Разумеется, до пандемии посетителей ДК и читателей у нас было много, — рассказала библиотекарь Ижганайтене Татьяна Александровна. — Мы готовили много мероприятий, проводили Библионочь, другие праздники, профилактические беседы. Сейчас, конечно, ограничения из-за пандемии. Кто читатели? Дети, пенсионеры. Дети берут то, что им на лето задали, а также художественную литературу, классическую. О Пушкине мы проводили интересное тематическое занятие. Видимо, в связи с 75-летним юбилеем области читатели стали больше интересоваться краеведением. Зимой вот только очень холодно: в библиотеке отопления нет, хотя ДК отапливается. Выживаем как-то...

— Стараемся сохранять уровень культуры на селе, — поддержала коллегу и подругу заведующая ДК Ирина Михайловна Генинг. — Мы же всех в посёлке знаем в лицо, все дети наши.

Ирина Михайловна в должности заведующей с 2013 года. В 2016 окончила колледж имени Рахманинова в Калининграде по специальности «режиссёр-организатор культурно-досуговых мероприятий». Мы с женщинами беседуем в прохладном зале ДК у пустующего пока теннисного стола. Тихо в зале, безлюдно по причине пандемии. Не скачет весело пинг-понг, не смеются беспричинно молодые люди. На улице, кстати, я их видел проезжающими в переполненной мотоблочной тележке — видимо, заняты, помогают родителям. Молодцы, коли так. Ничего, не ускользнёт от внимания районной прессы и молодёжь Лесного — дайте срок...

Не столь давно и у молодежи посёлка открылись некоторые перспективы. В поселке Ливинское Краснознаменского района функционирует успешно ягодное хозяйство — появилась возможность жителям окрестных деревень заработать на сборе ягод — голубика, жимолость, клубника, — который проводится уже третий год. Подростки Лесного тоже ждут этой ягодной поры с нетерпением: хотят заработать себе на сборы в школу и на другие, ещё более важные для них нужды.

— Моя дочь в прошлом году заработала на ягоде 14 с половиной тысяч рублей — гордилась!.. — улыбается Татьяна Александровна. — Потрать, говорю, куда хочешь, но с умом! И действительно, распорядилась капиталом вполне по-взрослому — важно это — узнать, как денюжки достаются.

— Мы — потомки первых переселенцев! — с гордостью отметила Ирина Михайловна. — Дед мой Иван Иванович Готманов дошёл с боями до Берлина, в Калининградскую область вернулся как победитель. С войны привёз многие памятные вещи, в детстве мы их с интересом рассматривали. Другой дед — Николай Терентьевич Роденков — тоже фронтовик, после Великой Отечественной служил на границе с Японией. Бабушка Роденкова Дарья Васильевна три года была узницей концлагеря фашистского. Но рассказывала об этом мало. Потом поднимали разрушенное хозяйство. Тяжёлая жизнь была у них...

Татьяна Александровна и Ирина Михайловна рассказали подробно и о посёлочке своём. Колхоза как такового здесь не было и ранее — просто рабочий посёлок, жители работали в лесозаготовительной промышленности, на ЦБЗ, некоторые и в колхозе «Калининский», что располагался в соседнем Большом селе. Народу проживало много, культура активно работала. В посёлке — два детских садика, своя администрация, жилконтора.

— Работы сейчас нет! Надеемся на лучшее — что не угаснет в Лесном жизнь, не пойдёт бурьяном, как заброшенная поляна, — вздыхает, прощаясь, Ирина Михайловна. — Надеемся, перестанут люди разъезжаться. У нас сейчас посёлок женщин, можно сказать, мужчины либо на заработках, либо остались честно пьющие безработные...

В ожидании автобуса — «ямщичка обратного» — прошёлся в край посёлка, к мосту. Красота кругом! Леса древние могучие, поляны многотравные, манящие с частоколом рулонов сена, высь неба голубого — «места у нас отличные, воздушные места!» — как пел Владимир Высоцкий. А вдоль дороги — знак дорожный указательный — «Лесное», и перечёркнута надпись жирной красной чертой. Не по себе как-то стало... Брысь, наваждение! — не символ это! Что поделаешь, так уж у дорожников положено: указывать прохожим и проезжающим на окончание территории населённого пункта. Пусть указывают, лишь бы не стал знак этот печальным сообщением о кончине того самого населённого пункта...

г. Дудинка

Наталья Карымова

Путевые заметки о Франции*

Часть вторая

Фабрика духов

84

Графман № 3(47) - 2021

В завершение экскурсии по городу мы посетили фабрику духов «Фрагонар». Фрагонар — французский живописец и график. Он учился в Париже, а работал в Италии. Художник мастерски запечатлевал мгновение, выхваченное из жизни, что и побудило его в дальнейшем отказаться от исторических сюжетов, он перешёл к бытовому жанру, пейзажу и портрету. Развивая традиции галантной живописи, Фрагонар достиг особой проникновенности в воссоздании лирических сцен повседневной жизни и поэзии природы. Произведения Фрагонара полны чувственности, наслаждения жизнью, пронизаны едва уловимой мягкой иронией над жеманством персонажей. Его картины пользовались всеобщим признанием и любовью. Потомки увековечили имя Фрагонара, назвав в его честь самый красивый бульвар в городе Грасс. По счастливой случайности в одном из домов на этом бульваре открылась фабрика по производству эфирных масел из лепестков роз. Спустя десятилетия руководство фабрики «Фрагонар» приобрело помещение в центре Парижа и открыло в нём магазин. Кому первому пришла в голову блестящая идея создать здесь салон-музей и привлечь посетителей бесплатными экскурсиями с гидом, сказать трудно.

Нашим гидом по музею духов была милостивая молодая женщина с мягкими чертами округлого лица, брюнетка с большими тёмными глазами, улыбчивая, ироничная и очень женственная. Говорила она с каким-то певучим, знакомым акцентом, как выяснилось позже — польским. Рассказав нам историю создания духов, кстати сказать, первоначально они призваны были заглушать запах, исходивший от кожаных перчаток, сохранявших отвратительный дух после выделки кож, а уж потом европейцы стали пользоваться ими для маскировки запаха своих невымытых годами тел. (Католики почитали чистоплотность грехом: считалось, что частое мытьё смывает первое причастие и лишает человека естественной защиты. Они, католики, между прочим, были не так уж неправы, но доводили до крайности простую предосторожность.) Стоили духи в то время безумно дорого, для их хранения придумывали флаконы, которые были не просто флаконами, а произведениями искусства.

Мы долго рассматривали приспособление, весьма похожее на самогонный аппарат, которое использовали в древности для выгонки духов. Основа процесса их изготовления довольно верно описана в «Парфюмере» Патрика Зюскинда. Налюбовавшись изысканнейшими формами и отделкой флакончиков и флаконов, восхищённые искусством древних мастеров, мы наконец спустились вниз, где находился зал дегустации духов и парфюмерии фабрики «Фрагонар». Для начала молодые девушки, стоящие у стендов с продукцией, предложили нашему вниманию одну из последних коллекций ароматов. Мы выбирали понравившиеся по номерам, и девушки формировали для нас наборы, к которым в качестве подарка прилагались пробники и ароматизированные салфетки. Ни одна женщина не устояла перед искушением. Словно под действием наркотиков, с блуждающими глазами, они снова и снова возвращались к стенду, и девушки, улыбаясь, протягивали им всё новые и новые полоски фильтровальной бумаги с нанесёнными на них духами, в то время как мужчины нервно курили у входа. Милена, так звали нашего гида, терпеливо ждала, и, когда последние одурманенные самыми разными запахами женщины покинули зал, она, попрощавшись с нами, легкой походкой вернулась в свой дворец нежнейших ароматов, которые, по её словам, могут не только утолить печали, но и вернуть радость жизни.

Под впечатлением экскурсии по городу, слегка опьянённые смесью духов «Фрагонара», мы пообедали в ресторанчике возле Мулен Руж, где нам предложили комплексный обед, в который входил супчик, курица с шампиньонами и картофелем фри и кусочек яблочного пирога с кофе или чаем. Супчик не поразил ничем особенным, так же как и курица, а вот картошка и пирожок с яблоками были очень вкусными. Обед обошёлся нам в 36 евро.

Монмартр

После краткого послеобеденного отдыха вместе с Лией мы отправились на экскурсию по Монмартру, задержавшись на некоторое время у Мулен Руж. Moulin Rouge — знаменитое французское кабаре, открытие которого в 1889 году было приурочено к началу Всемирной

* Продолжение. Начало в № 1(45)-2021.

выставки и окончанию строительства Эйфелевой башни. Название кабаре дала деревянная мельница с крыльями, выкрашенными в красный цвет — прозрачный намек на близость к кварталу красных фонарей. Главной достопримечательностью Мулен Руж является знаменитый канкан. Завсегдатаями кабаре были представители буржуа, высшего общества и богемы, примером может служить знаменитый художник Анри де Тулуз Лотрек, прославивший Мулен Руж и себя самого своими картинами. По сей день каждый вечер на сцене кабаре к удовольствию посетителей разыгрывается великолепная «Феерия», в которой задействованы лучшие в мире танцоры в роскошных костюмах на фоне прекрасных декораций.

После рассказа Лии мы двинулись по узким улочкам Монмартра к вершине холма. С трудом поспевая за ней, лавируя между идущими по узкому тротуару людьми и пытаясь на ходу слушать её рассказ о Монмартре, я всё же успевала увидеть многое. Витрины магазинчиков, людей, сидящих за столиками кафе, перспективы узких улиц, спускающихся с холма, дома с неизменными цветами на карнизах окон, всё было ново, но в то же время узнаваемо, не раз виденный и забытый сон. Звуки французской речи служили фоном, и казалось иногда, что в следующее мгновение я вернусь в реальную жизнь, пройдёт этот ужас непонимания, сковывающий и раздражающий, что именно жизнь, которой я жила до этого мгновения — сон, и ты едва узнаешь сквозь его пелену давно знакомые места и забытый язык.

Монмартр — название 130-метрового холма в северной части Парижа, высочайшая точка в городе. Если перевести буквально, то это слово значит «Гора мучеников». (Montmartre) Когда-то там было римское поселение. Благодаря месторождению гипса Монмартр считался одним из самых богатых районов города. Впоследствии каменоломни послужили убежищем для первых христиан. На Монмартрском холме были обезглавлены за христианские проповеди первый епископ Парижа Святой Дионисий, пресвитер Рустик и диакон Левферий. Согласно легенде, Дионисий взял в руки свою отрубленную голову, омыл её в источнике и прошёл ещё шесть километров. Место, где он упал замертво, стали называть Сен-Дени. В средние века Монмартр был местом паломничества верующих. В XII веке орденом Бенедикта на холме был построен монастырь, церковь которого рядом с площадью Тертр — одно из старейших святых мест Парижа.

В 1814 году Париж являлся главным объектом операций союзнических армий во Франции. В ходе кампании войска Ланжерона овладели Монмартром, но вскоре капитулировали под натиском русских казаков. На одном из ресторанов Монмартра висит мемориальная табличка, в которой говорится о том, что 14 марта 1814 года казаки потребовали, чтобы их обслужили быстрее. И что русское слово «быстро» послужило появлению первых «бистро» — ресторанов быстрого обслуживания. В 1871 году Монмартр стал местом зарождения Парижской коммуны. После расправы над коммунарами национальное собрание Франции решило построить на холме храм в память освобождения Парижа от коммунаров и в память обо всех погибших. Так появилась базилика Сакре-Кер, базилика Святого сердца.

В конце XIX века Монмартр привлекал многих начинающих художников и поэтов невысокими ценами по сравнению с центром города. Здесь жили и творили Ренуар, Ван Гог, Тулуз-Лотрек, Утрилло, Аполлинер, Руссо, Пикассо, Модильяни. Бедные художники и поэты, ещё не ставшие знаменитыми, снимали комнатухи в ветхом бараке, где не было света и газа и всего лишь один водопроводный кран на пять этажей. Возле этого дома на покато́й мощёной площади, полностью скрытой от солнца кронами старых каштанов, Лия остановилась, дав нам возможность передохнуть, послушать группу молодых людей, играющих джаз, попить воды из фонтанчика, сделанного из камня зеленого цвета — четыре женщины в греческих туниках держат на головах плоскую чашу, из которой снизу тонкой струйкой бесконечно течет вода на камни у их ног, она тихо журчит, как ручей в лесу. Эти фонтанчики разбросаны по всему городу, и воду из них можно пить некипячёной. Вода в Париже вкусная, её не хлорируют, а озонируют, и она не отличается от чистой ключевой воды.

На террасе, расположенной несколько ниже площади, на которой находились мы, стояли столики, и парижане мирно ужинали, не обращая на нас внимания. Ели не только взрослые, но дети. Как всегда неторопливо, разговаривая друг с другом, запивая еду белым или красным вином. Ни графинчиков, ни бутылок на столах не было. Как я понимаю, в основном они довольствуются одним фужером, которого им хватает на весь вечер. Я смотрела на них, пытаясь понять, чем и как живут эти люди. Что для них важно, что второстепенно, во что они верят и что любят, чего боятся и чем дорожат. Что-то было в нас общим, чем-то мы отличались в корне. Например, тем, что мы всего лишь утоляем голод, они едой наслаждаются. Мы вино пьём, они же его дегустируют. Мы в большинстве своём верим в Бога, иногда истово, до самоотречения. Они в него не верят и относятся к религии иронично, соблюдая некоторые приятные традиции и только. Восемьдесят процентов французов — атеисты. Их храмы устремлены в небо, в них много красоты и мало веры...

Лия заканчивает свой рассказ об общине художников, и мы поднимаемся вверх, к дому, в котором жила и где умерла Далида. На холме обитало множество талантливых, необыкновенных людей. Здесь всюду витает дух творчества, им пропитан сам воздух Монмартра. Мы остановились невдалеке от дома, где закончил свои дни Жан Маре, его скульптура, которой украшен один из двориков, «Человек, проходящий сквозь стену», поражает воображение. Она изображает героя рассказа французского писателя Марселя Эме, прожившего на Монмартре сорок лет.

Когда-то это был самый разбойный район города. Появляться на улице после наступления темноты было опасно, хотя компании свободных художников и писателей чувствовали себя вполне комфортно в барах «Проворный кролик» и «Чёрный кот», которые они с удовольствием посещали. Сейчас же это один из самых красивых и уютных районов города. Его улочки, довольно круто поднимающиеся к вершине холма, полны очарования. Подпорные стены, узкие мощёные мостовые, небольшие парки, в каждом из которых есть что-то своё, неповторимое: статуя, необычный фонтан в виде водопада, небольшой розарий или беседка; и везде цветы — на карнизах, на окнах, в вазонах, в горшках и даже в старых стоптанных башмаках у входа.

Витрины маленьких магазинчиков привлекают к себе внимание не столько товарами, выставленными в них, сколько оформлением самих витрин. Сапожник, забивающий гвоздь в каблук башмака. Его рука мерно поднимается и опускается, на лице застыла хитроватая усмешка. Он кажется живым. Мелочь вроде, а как приятно! Не хочешь, да зайдешь, а там, глядишь, и купишь хоть какие-нибудь тапочки, потому что продавцы всегда приветливы и доброжелательны, особенно если, входя, здороваешься: «Bonjour, monsieur!»

В магазине одежды, между двумя стёклами, витрина на четверть заполнена пуговицами всех цветов и размеров. Тоже мелочь, но она наводит на размышления о тленности всего земного. Что остаётся от одежды, которую мы с таким тщанием, с такой страстью выбирали когда-то? Одни пуговицы. Так же как от нас — кости. «Бедный Йорик! — Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь это само отвращение и тошнотой подступает к горлу». Или: «...Пред кем весь мир лежал в пыли, торчит затычком в щели...» А в магазине игрушек рядом с новенькими моделями паровозов всех времён и народов стоит старинный паровоз, настоящая игрушка позапрошлого века, рядом со своими собратьями он выглядит седым ветераном. И это тоже интересно. Всё познаётся в сравнении.

Сакре-Кер

Между тем мы подошли к базилике Сакре-Кёр, построенной на пожертвования прихожан. Толпа народа поднимается по его ступеням, становясь гуще у входа. После осмотра храма, выходя через другие двери, снова редет, растекаясь по ступеням, спускаясь вниз с холма, по его каскадом уходящим вниз лестницам, задерживаясь на промежуточной террасе у фонтана. Здесь, на вершине холма, мы расстаёмся с Лией и возвращаемся в квартал художников, минуя сельскохозяйственную выставку, где фотографируем ряды колбас, сыров, пряностей, сладостей, всевозможной выпечки, овощей и фруктов. Можно было попробовать вина, колбасы, печенья, послушать народные французские песни под аккомпанемент аккордеона, но мы пошли дальше, на знаменитый монмартрский пятак, где художники выставляют свои картины и рисуют с натуры. Мы долго бродили между мольбертами, смотрели на работу художников среди неумолчного разноязыкого говора, где французская речь была доминирующей. Я вглядывалась в лица, иногда такие колоритные, глядя на них, нельзя было ошибиться в роде их деятельности: они были художниками, талантливыми и не очень, ревниво осматривающими на то, как работают их соседи по цеху, мне знакомо это чувство скрытого соперничества. За столиками кафе, устроенного под навесом за спинами рисующих и ждущих клиентов художников, сидели отдыхающие туристы, сочетая полезное с приятным. Потолкавшись в этой бесконечно движущейся толпе, мы вернулись к Сакре-Кер и стали спускаться вниз по лестницам, к бульвару Клиши.

На одной из площадок спуска фотографируем группу молодых негров, двое из них играют на гитарах, а один на ксилофоне. Интересное сочетание. Ненавязчивая, мягко звучащая мелодия вплетается в плеск воды фонтана, в людской говор и звуки шагов. У выхода из парка, расположенного у подножия холма, стояла позолоченная статуя, одетая в средневековые одежды и оказавшаяся живой. Когда я проходила мимо, она задвигалась, и золотое лицо улыбнулось мне. Эффект был ошеломляющим. Статуя указала на кружку с мелочью, стоящую у её ног и приняла прежнее положение. Пришлось заплатить за свой испуг, и мы продолжили свой путь к уже знакомой нам площади Пигаль и бульвару Клиши с его много-

численными sex-магазинами. По дороге спрашивали у прохожих, правильно ли идём, но не потому, что не знали, куда идти, а чтобы лишний раз потренироваться.

Центральные улицы и площади Парижа хранят на себе отпечаток множества восхищённых взглядов проходящих по ним людей, они как бы отполированы ими до зеркального блеска, им уже не нужны ещё чьи-то мнения и восторги. Их безукоризненная красота вполне самодостаточна, к ней уже нечего прибавить. Но переулки и улочки Монмартра покоряют своей провинциальной тишиной, там негде разбегаться двум машинам, и движение здесь одностороннее, как и на улице Doue, где расположен наш маленький уютный отель. Шагая по тротуару, едва не касаешься столиков. Невозможно не наклониться к небольшим ящичкам с вином, стоящим на улице у входа в магазин, не взять, не подержать в руках это французское чудо. Невозможно пройти мимо открытых настежь дверей магазинчиков с сырами, где у входа на столе лежит доска с нарезанным для пробы сыром. Мимо магазинчика приправ, которыми пахнет даже на улице, а все его полки плотно заставлены лоточками с порошками и травами, всех названий которых мы не знаем, флакончиками с разнообразными маслами, баночками с чаем. И все это в идеальном порядке и чистоте. Невозможно не остановиться у лотка с мелко колотым льдом, на котором лежит свежайшая рыба, омары, большие креветки, крабы, устричные ракушки самых разных видов и большие виноградные улитки. Вдыхая йодистый запах морских водорослей и лишь слегка охлажденной рыбы, мы наблюдаем, как молоденький официант широким ножом раскрывает раковины и аккуратно раскладывает их веером одну за другой на блюде со льдом. Затем тоненько нарезав лимон, кладёт несколько прозрачных кружочков на край и, поставив блюдо на пальцы, легко и красиво несёт его к столикам. Всё это он проделывает привычными и ловкими движениями, ничуть не смущаясь нашим присутствием, и на наш вопрос: «А можно попробовать одну?», отрицательно качнув головой, отвечает, что в одной порции 18 штук и разделить её нельзя. Но мы не рискнули отведать незнакомое нам блюдо, боясь того, что 18 штук за раз нам точно не съесть даже вдвоём, а оставлять такой деликатес недоеденным — это неуважение к французской кухне.

Когда мы подошли к площади Пигаль, уже садилось солнце, в его последних лучах не жились сидящие за столиками парижане, обеспеченные и не очень, со своим единственным за весь вечер фужером вина или бокалом пива, в котором как будто остался кусочек солнца, и они горели прозрачным янтарём или рубином. Я бы не сказала, что их лица беззаботны. В основном парижане худы, и мужчины и женщины. Но эта худоба естественна для них. Они не выглядят измождёнными, их костяк кажется более тонким, чем у нас, и эта узкокость делает их лёгкими. Они легко поднимаются со стула, легко бегут по узким тротуарам. Сбегают по лестницам метро. Присаживаются на первую попавшуюся ступеньку, чтобы ответить по телефону и одновременно напечатать что-то на клавиатуре ноутбука. Потом так же легко вскочить и мчаться дальше. Женщины и девушки, одинаково стройные, так же легко и быстро перемещаются в пространстве. Их слегка вьющиеся распущенные волосы раздувает ветер. Взгляд больших, чаще светлых глаз устремлён вперед, в слегка откинутой руке — тлеющая сигарета. Курить на улице, так же как и есть, не считается для них дурным тоном. На лицах всегда минимум косметики или её полное отсутствие.

Одеты парижане обыкновенно, но большинство из них неплохо. Молодёжь, как и везде, экспериментирует с несовместимыми вещами, чем-то средним между спортивной одеждой и робой. Люди постарше создают собственный стиль и одеты просто, но со вкусом. Само качество вещей иное, чем носят у нас. Материалы в основном натуральные, видно, что шита одежда не в Турции и не в Китае, модели отличаются простотой и вкусом. Много чёрного, но этот чёрный всегда чем-нибудь разбавлен и не выглядит мрачно.

Да, лица французов не безмятежны, на них та же тень повседневных забот, но есть одно основополагающее отличие, если ты обратишься с вопросом, они тут же освещаются улыбкой. Не широкой самоуверенной улыбкой самодовольных американцев, а сдержанной, едва уловимой, когда тебя стараются понять и по возможности помочь. Наш первый день закончился лёгким ужином в холле отеля, после которого мы поднялись в свой номер. Мы ещё не отрешились полностью от наших домашних дел и забот, но Париж уже проник в наши души и покорила наши сердца. Мы спали крепко и сладко. Утром нас ждали замки Луары.

Замки Луары. Амбуаз

Как и накануне, со своими экскурсоводами мы встретились у Grand Opéra. Их было двое: Александра и Никита. Странное они производили впечатление. В отличие от ухоженной и утончённой Лии, Александра выглядела неряшливо-экстравагантной в своём чёрном балахоне a la madame Пугачева. А Никита своим изможденным лицом с глубокими морщинами походил на тихого алкоголика. Конечно же, они были выходцами из России,

с вечным клеймом самоедства на лицах, с извечным вопросом: «Кто виноват и что делать?» в глазах. Покинув страну, они, казалось, решили для себя эту проблему, и всё же где-то на задворках их душ она не перестанет тревожить их, где бы они ни находились.

Заняв свои места в автобусе, мы двинулись в путь. Александра рассказывала об улицах, по которым мы проезжали, об архитектуре, обо всём, что встречалось интересного в пути. В отличие от лиричного, мягкого, полного любви рассказа Лии, Александра в своем повествовании объединила блестящее знание истории с иронией, иногда граничащей с сарказмом. Она захватывающе интересно рассказывала обо всех тонкостях придворных интриг, каждому воздавая должное, и в своих оценках людей и событий была объективна. Но она не была француженкой, и, хотела того или нет, её рассказ был рассказом человека со стороны, который восхищался этой страной, ещё не ставшей для него родиной. Покинув пригороды Парижа, мы ехали по муниципальной дороге. До самого горизонта простирались возделанные поля, словно расчерченные по линейке параллельными, близко расположенными друг к другу полосами, разделяющими их на примерно равные участки. Скорее всего, это были следы от колес поливальных систем. Мелькали удалённые селения, которые не удавалось рассмотреть.

Белоснежные лопасти ветряков медленно вращались в бездонной синеве неба. По окраинам полей тянулись заросли кустов, покрытых жёлтыми цветами и похожих на нашу дикую акацию. Они перемежались с деревьями неизвестных мне пород. У края полей иногда я замечала достаточно большие углубления в земле, залитые какой-то смолой или пластиком, похожие на резервуары для воды. Приствольные круги некоторых деревьев или кустов тоже были залиты смолой. Для чего? Мы этого так и не поняли. Александра обратила наше внимание на белую широкую трубу атомной электростанции, показавшуюся на горизонте. И выразив свое недоверие к атомной отрасли, отметила, что люди, живущие в тридцатикилометровой зоне от станции, за электричество не платят. И что 80 процентов электрической энергии Франции обеспечивается именно атомными станциями.

С муниципальной трассы мы свернули на частную. Причем при въезде на неё стоит ловушка, а на автобусе датчик, и, когда он проезжает под аркой ловушки, его номер фиксируется и отправляется в банк, где с предприятия, за которым числится автобус, снимается определенная сумма денег. И не надо никуда выходить, чтобы заплатить в окошечко. Недалеке от замка Амбуаз, который мы посетили первым, расположены частные охотничьи угодья, где живут кабаны, бизоны и олени. Нам не повезло, мы проехали мимо, так никого и не увидев. Так же поблизости расположена ферма, на которой выращивают страусов до стадии забоя. Но так как во Франции эти птички охраняются законом, их отвозят в Голландию, где забивают, и оттуда красиво упакованными они возвращаются в страну, где их растили и холили. Вот такие заморочки со страусами.

А перед нами между тем ровными рядами до самого горизонта раскинулись виноградники, обрамлённые кустами роз, которые служат своеобразным индикатором здоровья виноградника. Заболели розы, ищи болячку и на лозе. А вообще это выглядит просто очень красиво: нежная зелень виноградников в обрамлении нежно-розовых цветущих кустов роз. Французы во всём умеют находить нечто, что придает красоту и изящество их повседневной жизни. Впереди показалась довольно широкая с пологими берегами Луара. Говорят, она сильно обмелела в этом году, видно, как ниже по течению река разделилась на несколько рукавов. На её берегах растут огромные деревья и более низкие, с красивыми кронами кустарники. Мы проезжаем по мосту, за которым начинаются собственные владения замка и одноимённый городок Амбуаз, такой уютный, чистый, сказочно красивый, расположенный в сказочно красивой местности. Амбуаз был главным городом туронов, кельтского народа, давшего название будущей провинции Турень. Возведённые прямо на скале, нависающей над слиянием Луары и Амаксы, укрепления в 1214 году были завоёваны королем Франции Филиппом Августом, и владелец Амбуаза становится его вассалом. В 1431 году Карл VII разместил в замке вольных стрелков, а в 1470 году здесь родился дофин Карл VIII, сын Людовика XI, и королева делает Амбуаз королевской резиденцией. В 1821 году замок переходит к Луи Филиппу.

Александра довольно подробно рассказывает о жизни всех владельцев замка, её иронические замечания об их полной приключений жизни, кажется, не оставляют равнодушными никого. Лишь о Леонардо да Винчи, который жил неподалёку от Амбуаза, был частым его гостем и похоронен в базилике, расположенной на территории замка, она говорит вполне серьёзно и даже с оттенком грусти. Лёгкая, полная изящества часовенка, светлая внутри, на полу простая мраморная плита, на которой написано только имя, действительно навеивает лёгкую, как его гениальное сфумато, грусть. Все наиболее великие люди отличаются скромностью. Вы не находите? Он так много дал человечеству, его изобретениями мы пользуемся по сей день. Загадка леонардовской Джоконды не разгадана до сих пор. Он мог

бы требовать себе куда более грандиозных монументов ещё при жизни. А здесь всего лишь плита с короткой надписью: «Леонардо да Винчи». Букет белых лилий в высокой вазе, и всё. Учитесь, господа!

Слушая Александру и рассматривая издалека парк, который начинается в отдалении, мы поднимаемся по пандусу на террасы замка, откуда открывается панорама долины Луары и вид на городок, который виден отсюда как на ладони. Игрушечные домики с черепичными крышами, такие разные и в то же время одинаковые своей ухоженностью и обязательными цветами около порога, у окон с неизменными жалюзи, гирляндами плетистых роз на каменных стенах оград и подпорных стенок. Множество сувенирных магазинчиков и кафе, на их балкончиках и террасах горшки с геранями, вазоны с петуньями и деревцами, похожими на наши сосны, которые как-то мирятся со своей неволей. Город окружен заросшими лесом пологими холмами, переходящими в долину, по которой медленно течёт Луара. Александра с трудом отрывает нас от созерцания этого райского уголка, и мы устремляемся за нею под своды замка. По брусчатке, полукругом охватывающей замок и плавно поднимающейся внутрь, мы доходим до караульного помещения, из которого можно было держать под контролем вход в покои, занимаемые королём. С галереи, представляющей собой открытый проход, хорошо просматривается Луара. Зал почётного караула с центральной колонной под готическим «пальмовым» сводом составляет композиционный центр зала. В простенках — боевые доспехи. В парадном зале короля стены украшены гобеленами, кстати, прекрасно сохранившимися. Пол из терракотовых изразцов, украшен геральдическими лилиями. Мебель поражает тонкостью отделки и степенью сохранности. Всё, что находится в замке, — в прекрасном состоянии, что делает честь французам. Чтобы поддержать обычную температуру помещений, иногда протапливают огромные замковые камины, и в комнатах немного пахнет дымом.

В зале заседаний Совета, в котором по желанию короля в эпоху Возрождения проводились торжественные приемы и праздники с участием в них не только высокопоставленных лиц, но и их жён, два камина создавали уют в холодные зимние вечера. Если первый, с трапециевидным навесом, ещё несёт на себе отпечаток готических традиций, то второй служит прекрасной иллюстрацией стиля Возрождения. На потолке — монограммы Карла VIII и Анны Бретонской. На стенах портреты королей династии Бурбонов, их преемников Валуа — Генриха IV и Людовика VIII. В опочивальне Генриха II особенное внимание привлекают стулья, служащие примером введения перспективы в декоративное искусство XVI века. Передняя, ведущая в покои, — полностью выполнена в стиле Возрождения. На колпаке камина лепные украшения в виде верёвок символизируют орден францисканцев. На деревянном панно над камином — саламандра, герб Франциска I. Все окна замка — витражи со свинцовыми переплётами, как цветные, так и простые, сохранились в первоначальном виде, они до сих пор очень красивы. Однако покои замка производят удручающее впечатление. В них вечный полумрак, каменные стены, скрытые за гобеленами, источают холод, и от огромных каминов веет тленом. Единственное, что вносит живую нотку в этот мир теней — прекрасная живопись и роскошные композиции из живых цветов, выращенных в оранжереях, расположенных позади замка. Там же разбит прекрасный сад и ферма. Вообще замки — это целый маленький мир, они полностью обеспечивали своё автономное существование и могли ни от кого не зависеть.

После осмотра замка по узенькой улочке мы спустились к маленькому магазинчику «Chocolatier», где желающие покупали сладости. Александра, или как её ласково называл Никита, Шурочка, ходила по магазину с серебряным подносом в руках, на котором лежали разрезанные на четыре части трюфели «Пушкин», в их рецептуре используется русская водка, и угощала ими туристов нашей группы. При всей моей любви и уважении к Пушкину и нелюбви к водке я всё же взяла кусочек. Было действительно очень вкусно. Предприимчивые и жизнерадостные французы даже из этой трагедии сумели сделать нечто, и к горечи утраты примешалась сладкая нотка, которая вызвала в памяти полузабытый образ убитого на дуэли поэта. Александра пытаясь хоть немного оправдать Дантеса, родившегося и выросшего в Амбуазе, сказала, что он вряд ли отдавал себе отчёт в том, что, несмотря на непростой характер, Пушкин был действительно славой России. Французы назвали конфеты не именем Дантеса, а именем поэта, может быть, это своеобразная дань уважения и желание показать, что Россия для их городка значит несколько больше, чем любая другая страна. Поэтому угощают этими трюфелями только русских туристов.

Пока Александра обходила с подносом заполнивших магазин наших одноклассников, мы рассматривали витрины, заполненные разного рода выпечкой и печеньем, которое можно попробовать бесплатно. Из небольшого, очень уютного торгового зала по нескольким ступенькам спускаемся в маленькое и тоже очень домашнее, чистенькое кафе, но спускайтесь осторожно, не заденьте головой балку, которая расположена довольно низко.

Она сделана из куска старого, почерневшего от времени дерева, и может быть, использовалась для чего-нибудь веке этак в XIV обитателями замка. Справа от входа в магазин, за витриной, отгораживающей торговый зал от подсобных помещений, милостивые, улыбающиеся женщины вносили свежую продукцию, что-то переставляли, поправляли. Чувствовалось, что делают они это с удовольствием, так, как это делают в родном и любимом доме. Магазинчик принадлежит частному лицу, по сути говоря, он действительно является домом для людей, которые работают в нём. Ещё в Париже, в этом огромном городе, я заметила присутствие какой-то домашности, теплоты, его нельзя назвать мегаполисом. Этот город сумел сохранить, привнести в себя всю прелесть и уют провинции. И наоборот, французская провинция пользуется всеми достижениями цивилизации ничуть не меньше, чем город. Может быть, именно об этом стирании грани между городом и деревней говорили в России, когда строили социализм?

После «Chocolatier» нас пригласили на обед в маленький местный ресторанчик. Мы долго рассаживались за уже наполовину занятыми столами. Бедные французские официанты, которых можно было отличить от посетителей только по наличию на них длинных, почти до пола фартуков зелёного цвета, запутались с заказами и всё пытались нас накормить тем, что заказали другие. Наконец всё устроилось и все получили то, что хотели. Теперь наше внимание привлекли небольшие графинчики с красным вином, но вспомнилось предупреждение Александры о том, что вино лучше только попробовать, а не пытаться выпить всё, что налито, потому что после ресторана мы едем в винный подвал, где будем дегустировать очень хорошие вина. Наши вкусовые рецепторы должны быть свежими, желудок не переполнен, а голова оставаться светлой. Пока мы с аппетитом ели салат, не русский, где все ингредиенты свалены в одну кучу и плавают в майонезе, а настоящий, в котором разные сорта овощей, сбрызнутые оливковым маслом, небольшими порциями разложены на листьях салата. Персонал ресторана вытирал вспотевшие лбы. Александра говорила о том, что французы не любят спешки: они не только медленно едят, отдавая еду должное, но так же медленно её готовят и неторопливо подают. Поэтому будьте терпеливы, если будете во Франции. Сёмга была очень вкусной, самое главное, чувствовалась в ней свежесть продукта, избежавшего длительной заморозки. Она была нежной, без всяких приправ; совершенство вкуса — ничего лишнего, классика. Яблочным пирогом на десерт мы завершили наш обед и были готовы продолжить путь.

Хочу заметить, что в Париже и в той местности, где нам приходилось быть, отсутствуют торты в нашем понимании этого слова. Везде мы видели самые разные открытые пироги с фруктовой начинкой. Думается, что они полезнее и вкуснее наших, порой неизвестно из чего вылепленных чудес кулинарного искусства. И еще одна особенность этого ресторанчика заключалась в том, что туалеты и часть кухни были наверху, куда вела винтовая лестница, а вторая часть кухни, где чистили овощи, помещалась внизу. Девочки, приносившие нам еду, вообще появлялись неизвестно откуда. Но претензий к тому, чем нас кормили, не возникло. При таком обилии маленьких частных ресторанов, кафе и бистро, похоже, что каждый сам себе кулинар. Но если что-то где-то не так, останешься и сам без бизнеса и детей оставишь без средств к существованию, а здесь с этим не шутят. Никакая санэпидстанция не проконтролирует лучше, чем сам себя. Покидая Амбуаз, мы видели на одной из улиц какой-то праздник. Люди, одетые в старинные одежды, разыгрывали что-то вроде спектакля. Надо сказать, что французы к своей истории относятся трепетно. Это видно по отношению к памятникам, зданиям и предметам обихода. Вообще ко всему. Хотя, конечно, не всё удается сохранить. Так, замки, принадлежащие государству, а не частным лицам, бедствуют, в них кое-как латают дыры, забивая окна кусками фанеры, и лишь некоторые помещения открыты для посетителей.

Часть третья.

Дегустация вин долины Луары

Итак, мы отправляемся в саве — винный подвал. По дороге фотографируем прелестные домики с небольшими ухоженными участками земли вокруг них, оформленные с изяществом и неизменным вкусом. В отличие от наших деревень, в которых требуется обязательное соблюдение «красной линии», в отличие от наших традиционных палисадников за дощатыми заборами для защиты от скотины (которой уже давно нет) и лихих людей, участки во французской провинции спланированы так, что дом находится в глубине него. Отсутствуют понятие ворот и дворов, тем более закрытых. Конечно, прежде всего это обуславливается климатом и отсутствием снега. Однако даже из ничем не примечательного домишки, украсив его ставнями, жалюзи, жардиньерками с цветами, кустом розы у порога, тележным колесом на белой стене или еще чем-нибудь, они умеют сделать нечто, что радует

глаз и привлекает внимание. В этих домах по большей части нет ничего особенного, в них просто чувствуется любовь к своему дому и желание сделать его красивым.

Во Франции — благодатный климат, здесь всё растёт, и озеленение участка большого труда не составляет, но позвольте, наша природа не менее богата, но почему, кроме елки в палисаднике, нам ничего не приходит в голову? Сейчас мы строим замки, безвкусные до уродства, вместо того, чтобы вернуться к своим русским усадьбам, в которых дома и сады были не менее прекрасны. Если французы любят и ценят свою историю, то мы уничтожаем её собственными руками. Если даже при таком количестве негров и арабов они умудряются сохранить практически всё, то мы с исступлением варваров уничтожаем последнее, что ещё связывает нас с Россией. Я не говорю о почти полностью уничтоженной российской деревне, нет ничего более безотрадного, страшного и безнадежного, чем наша провинция. Несмотря на то, что и у Франции проблем не меньше, она не оставляет такого удручающего впечатления, как наша огромная, самая богатая в мире страна.

Экстрасенсы и ясновидящие говорят, что будущее за Россией. Что душой она чище и к Богу ближе. Хочется верить. При огромном количестве действующих церквей в Париже в первую очередь это музеи, концертные залы и только потом храмы.

И ещё одна чёрная страница в истории Франции. Во время Второй мировой войны на здании, где размещалось гестапо, повесили объявление о том, что анонимные доносы не принимаются — настолько их было много. Подставив соседа, можно было завладеть его участком земли или домом. А французская полиция была страшнее гестапо.

Но перевернем эту чёрную страницу, мы едем по прекрасной Франции и приближаемся к cave Plou & Fils, viticulteurs depuis 1508, винному подвалу, виноградники которого существуют с 1508 года. Сворачиваем с магистрали и по узенькой дорожке подъезжаем к небольшой площадке, прямо перед нами в склоне меловой горы вход в собственно подвал. Через открытые ворота видны блестящие купажные баки и какое-то оборудование. Справа — дегустационный зал в небольшом домике. А слева — тоже очень милый белый домик с двумя кустами белых роз, вьющихся по стене с обеих сторон большого окна, и таким же кустом у входа. Александра напутствует нас: «Слева от вас белый домик с розами — это туалет. Пожалуйста, не торопитесь, заходите по одному. И аккуратно. Это частная собственность, уважайте хозяев».

Вместе со всеми мы входим в дегустационный зал, достаточно большое помещение с длинным деревянным столом посередине, барной стойкой, за которой расположены полки с винами. Из него можно пройти в маленький зальчик, в котором стоит деревянная бочка с графином вина на ней и дальше начинается что-то типа широкого коридора, занятого всевозможным оборудованием, который, постепенно сужаясь, переходит в штольню, скудно освещённую лампочками, теряющимися в её глубине. Она, поворачивая, уходит в гору, где в деревянных бочках, в тишине и покое вызревают вина долины Луары.

Нас встречают хозяин подвала: мужчина в возрасте с крупным носом на моложавом лице, его жена, пожилая, но тоже ещё весьма бодрая дама с несколько напряжённым лицом, и их сын, молодой человек лет 30, очень привлекательный, немного похожий на отца, настоящий француз, дамский угодник. Александра представляет нам каждого из них, затем мы подходим к стойке, на которой уже приготовлены фужеры и ёмкости из темного стекла, куда можно вылить остатки невыпитого вина. Сначала нам налили тёмно-красное, почти бордовое сухое вино «Франциск I» с насыщенным, немного терпким, с множеством оттенков, лёгким вкусом. Второе вино тоже было красное, но более светлое, с несколько более грубым, тяжеловатым ароматом. Мы погуляли немного, остановились у полка с лежащими на них старинными сабо — обуви виноградарей, мотыгой и другими рабочими инструментами, которыми пользовались предки нынешних хозяев подвала. Там же лежали на боку бутылки, бутылки и бутылочки, в которые наливали готовое вино. У входа в подвал, в нише, выдолбленной в породе, стояла старая, ещё деревянная широкая бочка с прессом, в которой давили виноград.

Французы очень бережно относятся к старым вещам, их передают из поколения в поколение, сохраняют старые способы производства и оборудование, причём все находится в рабочем состоянии, даже если это не приносит никакой прибыли. Тем самым они поддерживают интерес подрастающей молодежи к своей истории.

Мы вернулись к стойке, где начали пробовать сладкие вина, здесь их называют «бархатными». На самом деле сахара в них нет ни грамма. Добавление его в вина Луарской долины — большой криминал. Вино становится сладким оттого, что его основу составляет виноград, подвяленный на солнце. У него легкий, игривый, несколько цветочный вкус. Пить его очень приятно, оно идеально подходит для дам пожилого возраста. И последним мы попробовали белое сухое шампанизированное вино «Брют». Оно понравилось мне больше всех. Пузырьки в нем поднимались долго-долго, сначала много, а потом несколькими

ниточками из середины высокого фужера. Это вино было легчайшим, его хотелось пить ещё и ещё, оно не ударяло в голову, оно просто делало Францию ещё прекрасней.

Главное отличие вин, которые мы пили во Франции, было в том, что в них почти не было хмеля, они выполняли свое основное предназначение — утоляли жажду. Отвращения, когда пьёшь через силу, не вызывали ни второй, ни третий фужер.

Александр и Никита активно помогали хозяевам наливать вино. Причём даже изысканные, тонкие вина они наливали по-русски щедро, в то время как жена хозяина — лишь глоток. Поэтому туристы старались подойти за новой порцией вина к Никите или Александру. Глядя на это, сын хозяина, улыбаясь, наливал больше, чем хозяйка, но чуть меньше, чем Никита или Шурочка. Многие пробовали одни и те же вина по нескольку раз — выбирали. Мы остановились на трех наиболее понравившихся нам названиях: «Фридрих I», «Бархатное» и «Брют». Бутылки нам запаковали в фирменную картонную коробку с видами замков и долины Луары. Повеселевшие и довольные, мы собрались у автобуса, чтобы продолжить наш путь среди виноградников, лесов и полей. Он пролегал через небольшие городки, утопавшие в зелени, увитые плющом, диким виноградом и плетистыми розами, погружёнными в полуденную дремоту.

Шенонсо и Шамбор

Мы ехали в замок Шенонсо на реке Шер, который был построен в XV веке, но в связи с разного рода переделками от построек того времени осталась лишь смотровая башня, или «донжон». На входной двери замка слева герб Тома Бойе, справа — его жены Брисонне, они были строителями Шенонсо. Над гербами — саламандра Франциска I. Давайте погуляем по замку вместе. Войдём сначала в Гвардейский зал, украшенный белым каминном с гербом Тома Бойе. На входной двери из дуба, под изображением святых покровителей строителей замка, можно прочесть девиз: «S'il vient à point, me souviendra». Или по-русски: «Если мне удастся построить Шенонсо, меня будут помнить». Стены украшены фламандскими гобеленами со сценами охоты и сватовства. Гобелены огромны и, повторяюсь, прекрасно сохранились, краски не выцвели, а лишь потускнели, на них лишь лёгкий налёт прошедших времён, как патина на бронзе. Их можно рассматривать бесконечно, они изобилуют мелкими деталями, предметами обстановки того времени, по каждому из них можно написать диссертацию.

Из Гвардейского зала через дверь, над которой расположена статуя Мадонны, проходим в капеллу. В лоджии справа — статуя Мадонны с младенцем из каррарского мрамора. На королевском балконе, с высоты которого королевы слушали мессу, вырезана дата — 1521 год. В спальне Дианы де Пуатье, фаворитки короля Генриха II, которой он подарил Шенонсо, на меня большое впечатление произвел камин работы Жана Гунсона, скульптора школы Фонтенбло. Правда, такое решение обрамления портрета кажется несколько тяжеловатым, но зато сам портрет Екатерины Медичи становится как бы неотъемлемой частью камин. Стены закрыты гобеленами. Спальное ложе под роскошным балдахином. Балдахины, кстати присутствуют во всех спальнях. Интересно, это дань моде или суровая необходимость? Даже мягкой европейской зимой в этих каменных мешках, наверное, было очень холодно, вот и закрывались шторками, чтоб в ограниченном пространстве теплее было. А может, и скрывали многое за ними. В этих сумрачных комнатах чего только не бывало, но стены по-прежнему хранят свои тайны и никому никогда не расскажут о неточностях и ошибках в толковании людьми событий, происходивших в замках.

Но перейдём в Зеленый кабинет, рабочий кабинет Екатерины Медичи, ставшей регентшей после смерти Генриха II. Именно из этой комнаты она управляла Францией. Потолок XVI века сохранился в первозданном виде, на нём ясно видны две переплетенные «SS» её инициалов. Брюссельская шпалера XVI века, выполненная одновременно в стиле готики и Ренессанса. Она уникальна своим изначально зелёным цветом, со временем ставшим синим, и своей темой, навеянной открытием Америки. Золотистые фазаны Перу, ананасы, орхидеи, гранаты, животные и растения, неизвестные в Европе до 1492 года. По обеим сторонам двери — итальянские шкафы-кабинеты. На стенах — собрание картин. В следующей небольшой комнате, служившей Екатерине Медичи библиотекой, она расположила свой рабочий стол. Отсюда открывается прекрасный вид на реку Шер, на остров и сад Дианы. Дубовый кессонный потолок 1525 года с небольшими выступающими замками является одним из первых кессонных потолков во Франции. Чудесная коллекция картин завершает убранство кабинета. В 1576 году Екатерина Медичи приказывает построить галерею на мосту Дианы де Пуатье длиной 60 метров. Ширина галереи составила 6 метров. Она должна была освещаться 18 окнами. А пол решено было сделать из плит белого известняка и чёрного сланца. И венчать всё это великолепие должны были два камин, выполненные в стиле

эпохи Возрождения, причём один из них являлся задекорированной дверью на южный берег Шер. Она была открыта в 1577 году во время празднеств, устроенных Екатериной в честь рождения сына, Генриха III, и служила танцевальным залом. Я не буду останавливаться в зале Франциска I, знаменитом своим самым красивым камином эпохи Возрождения, и салоне Людовика XVI.

Задержимся ненадолго в спальне пяти королев. Эта комната получила своё название в память о двух дочерях и трёх невестках Екатерины Медичи. Её дочери: королева Марго (жена Генриха IV), Елизавета Валуа (супруга короля Испании). Невестки: Мария Стюарт, (жена Франциска II), Елизавета Австрийская (супруга Карла IX), Луиза Лотарингская (жена Генриха III). Все пять королев в разное время почивали в этой спальне, стены которой обиты великолепным набором фламандских гобеленов XVI века, а обстановка представлена мебелью, состоящей из двух готических сервантов с женскими головами, большой кровати под балдахином и кованого железного сундука. Спальня самой Екатерины Медичи примечательна резной мебелью и гобеленами, воссоздающими жизнь Самсона, а своими бордюрами с изображениями животных иллюстрируют пословицы и басни.

Напоследок мы заглянем в спальню Луизы Лотарингской. После убийства Генриха III Луиза удалилась в замок Шенонсо для уединения и молитвы. В соответствии с этикетом королевского траура всегда одетую в белое, окруженную монахинями, её прозвали «белой королевой». Её спальня украшена всеми атрибутами траура: серебряными слезами, верёвками вдов и терновыми венками. Стены и мебель, датированная XVI веком, в траурных серо-чёрных тонах, только камин выделяется контрастным белым пятном. Луиза прожила в этой спальне 11 лет. Выйдя из неё, хочется сказать: «Жуть какая!» Я не могу себе представить, как можно было прожить в этой комнате 11 лет и не сойти с ума.

Ну, и ещё один щекотливый вопрос: «А как же здесь было с туалетами»? Туалетов просто не было. В залах ставили ширмы и за ними справляли свои надобности. Кроме этого, на стенах замков встречаются расположенные высоко над землёй выступающие башенки. Так вот это и есть туалет. В полу этих башенок была просто дырка, и экскременты летели под стены замка. Уборкой этих туалетов никто не занимался, и в них была ужасающая грязь. А если вспомнить о том, что католическая церковь запрещала частое мытьё, то можно себе представить, какие ароматы наполняли помещения замка. Без хороших духов не обойтись, это точно.

В сравнении с мрачностью замковых покоев, по которым, наверное, бродят по ночам тени их прежних владельцев, сады, окружающие замок, просторны, светлы и радостны. Сад Дианы де Пуатье, у входа в который находится домик управляющего, состоит из восьми треугольных газонов. Стены с вазами на них, частично обрамляющие сад, покрыты плетистыми розами. На защищающих сад от паводков Шер высоких террасах, украшенных вазами, растут тис, бересклет, самшит и лавролистная калина, которые задают ритм разбивки сада. Более ста штамбовых гибискусов цветут в саду летом, делая его невыразимо прекрасным. Сад Екатерины Медичи более укромный и является воплощением утончённости. Он выходит на берег Шер и из его аллеи открывается прекрасный вид на западный фасад замка.

В основе дизайна — пять газонов, сгруппированных вокруг круглого водоёма и окаймлённых круглыми кустами самшита. Штамбовые розы по краям газонов лаванды намечают гармоничный рисунок сада. На территории замка Шенонсо расположен огород-цветник, ферма, лабиринт-оранжерея и чайный домик. Для осмотра всего, что нам хотелось бы увидеть, не хватило бы целого дня. Несмотря на роскошное убранство замка, на богатые коллекции картин, на прекрасные камины и витражи необыкновенной красоты, он оставляет мрачное впечатление. Но по садам на берегу Шер хочется ходить бесконечно, наслаждаясь их совершенной красотой на фоне замковых стен. Но мы едва успеваем сделать несколько снимков и спешим за уходящей группой по платановой аллее, которая выводит нас к началу парка, где растут огромные липы над небольшим каналом с горбатым мостиком, перекинутым через него. Липы цветут, их сладковатым ароматом напоен воздух.

Мы подходим к автобусу и в ожидании отставших разговариваем с Никитой и Александрой. Узнаем, что оба они из России. Познакомились ещё за пределами Франции. У обоих, похоже, нет семей. Никита приехал с родителями. На троих у них было 100 долларов. Выжить им помогла иезуитская община, расположенная в пригороде Парижа. Жили они сначала все вместе, в провинции. Позже Никита переехал в город и сейчас живет в квартире на Монмартре. Александра обосновалась достаточно далеко от центра. Скорее всего, жилье они всё же снимают. У обоих высшее образование, исторический факультет Московского университета. Что заставило их эмигрировать, трудно сказать. Судя по всему, Франция их встретила не с распростертыми объятиями. Оба очень тяжело приживались здесь и особого счастья на их лицах мы не увидели, скорее, они похожи на людей, слегка пьющих, особенно Никита. Но может быть, мы ошибаемся в своей оценке. Однако оба — отличные экскурсоводы,

прежде чем стать ими, они сдали весьма нешуточный экзамен не только на знание истории, но и языка. Александра честно признаётся, что, прожив во Франции тридцать лет, так и не овладела языком как следует и до сих пор допускает множество грамматических ошибок. Зато русским владеет блестяще! Я заметила, что все, кто говорит по-русски, живя во Франции, говорят правильным, красивым эмигрантским языком, которым уже не пользуются в России, со множеством полузабытых слов и выражений, чистым, как родниковая вода. Кстати сказать, Никита до сих пор учится в Сорбонне, там можно учиться хоть всю жизнь, были бы желание, да и не таких уж больших денег стоит обучение. Посещать можно только интересующие тебя предметы. И ещё интересный факт. Ни тот, ни другой даже не слышали ни о Франсуазе Саган, ни о Поле Верлене. Похоже, у них в чести только классика.

Итак, мы продолжаем наш путь в замок Шамбор, расположенный ближе всех к Парижу. По пути мы снова любуемся провинциальной Францией — миленькими домиками в окружении зелени и цветов. Все так красиво, что кажется не настоящим, а убегающей назад лентой картинок. Александра задала нам вопрос, на который мы не нашли ответа: «Как вы думаете, а где же люди? Сколько ездю здесь с группами, улицы всегда пустые». Настоящая провинциальная жизнь Франции со всеми её ревностно хранимыми тайнами была скрыта от нас за красивыми фасадами. Но если судить по выражению лиц людей, с которыми мы общались в Амбуазе, например с женщинами из магазина сладостей и владельцами винного подвала, ничего в ней нет плохого, а одно только хорошее.

Но вот и Шамбор. Поместье, окруженное оградой протяженностью тридцать два километра. На сегодняшний день это самый большой огороженный лесопарк в Европе. В заповеднике на полной свободе живут многочисленные дикие животные. К сожалению, мы не видели этот замок изнутри, мы обошли его с тех сторон, где наиболее выгодно видны самые красивые фасады. Несмотря на колоссальные размеры, очертания замка пленяют своим изяществом и гармонией. Из всех материалов, использованных при строительстве замка, больше всего обращает на себя внимание белый песчаник, мягкая и в то же время хрупкая известковая порода. Из неё построены большинство замков в долине Луары, и во всём великолепии её возможности видны именно в Шамборе. Государство выкупило замок у графа Шамборского в 1930 году. Судя по всему, его интерьеры были одними из самых изысканных и изящных. Но в настоящее время замок закрыт для посетителей, в нем оформлены до конца только несколько залов, в которых наездами бывают государственные лица, и в сокращенном объёме он выполняет предназначенную ему издавна функцию охотничьего замка.

Возвращаясь, мы задерживаемся у «дома писателей», так Александра называла туалеты. На маленькой веранде, окружающей собственно туалет, в длинных ящичках, замещающих перила, росли очень крупные анютины глазки. Легкий аромат витал в воздухе. Я наклонилась к цветам, это пахли они! Я никогда не думала, что скромные виолы могут так благоухать. Ко мне подошла женщина, подтиравшая идеально чистый пол и, улыбнувшись, спросила:

— Aimez-vous les fleurs, madame?¹

— Oui, — ответила я, — mais ils sont petites chez nous. Nous habitons tres loin d'ici. Il fait froid chez nous².

Она покачала головой:

— Non, madam. Cela depend de sorte³.

С этими словами она сорвала несколько цветов и показала мне на книгу, которую я держала в руках:

— Pour le souvenir⁴.

— Merci, madame! — поблагодарила я её. И мы улыбнулись друг другу.

У меня совсем не было практики во французском разговорном, и мне нужно было сильно напрягаться, чтобы услышать и понять известные мне в написании слова.

Эта женщина отличалась от парижанок, как и все женщины провинции. Они более низкорослы и упитаны. Их лица округлы и улыбки, отчего на щеках у многих появляются ямочки. Но по произношению она француженка, и этот туалет, наверное, принадлежит ей, как, может быть, и что-то ещё на территории замка.

Обратная дорога показалась нам короче. Многие дремали, мы же продолжали смотреть до головокружения на проносящиеся мимо селения в окружении идиллических пейзажей. Но вот и пригороды Парижа. Как разительно они отличаются от скучных российских пригородов, с их полуразрушенными заборами, с одинаково серыми домами или домами —

¹ Вы любите цветы, мадам?

² Да, но они мелкие у нас. Мы живем очень далеко отсюда, и у нас холодно.

³ Нет, мадам, это зависит от сорта.

⁴ На память.

новоделами непонятного стиля — и со скрытой в них агрессией. Здесь у домов фасады необыкновенно гармоничны и утопают в зелени и цветах. Внутренний мир французов устроен совсем иначе, и хотя мы смотрим на них лишь глазами туристов, ясно, что живут они, получая от жизни удовольствие, несмотря ни на что. Похоже, что от всего, чем бы ни занимались в данный момент, они, никуда не торопясь, берут всё, ощущая полноту жизни в каждом её мгновении.

Мы останавливаемся на площади Grand Opéra и покидаем автобус. Последние лучи заходящего солнца освещают мансарды османовских домов и золотят статуи на крыше театра. Какая завораживающая, успокаивающая красота! Спешащие по своим делам прохожие не обращают внимания на пламенеющие цветы гераней над кружевными решётками, на совершенную красоту окружающих зданий, они привыкли к ней.

Завтра у нас свободный день, нам предстоит самостоятельная прогулка по городу, и можно позволить себе подремать чуть подольше в нашем маленьком уютном номере недорогого отеля, в окна которого заглядывают красные герани, и там, внизу, живёт своею жизнью узкая парижская улочка.

К Эйфелевой башне

Утром мы спустились в фойе, где в маленьком баре нас уже ждал завтрак. Аромат горячих круассанов и свежего кофе витал в воздухе. Мы, подражая французам, неторопливо поеи, я откусывала от тёплого круассана по маленькому кусочку, стараясь продлить удовольствие и с удивлением почувствовала, что второй был бы уже лишним, хотя сначала мне казалось, я могла бы их съесть несколько штук сразу. Оказывается, чем медленнее ешь, тем быстрее насыщаешься. Вот она, одна из французских хитростей! Ешь медленно, прочувствуй все разнообразие вкуса того, что ешь, — и деньги сэкономишь, и здоровее будешь!

И снова, задержавшись на мгновение у входа, мы устремляемся в путь. Перейдя бульвар Османа возле Лафайета, мы дошли до бульвара Капуцинов и пошли по нему по направлению к площади Согласия. Вышли на маленькую площадь Мадлен, пересекли её, оставив справа храм Марии Магдалины, возле которого сгорбленная старушка не то с молитвой не то со стоном просила милостыню. Ее негромкая полумолитва-полуплач так не вязалась с роскошью цветочного газона у храма, с ясным солнечным утром, что все старались поскорее пройти.

Одну совсем опустившуюся женщину мы видели у Трините. Весь её скарб умещался в маленькой тележке, которую она тащила за собой. Но она не выглядела обделённой, она была не так уж стара и, наверное, могла бы работать, но её, скорее всего, сгубило пьянство, и она как-то не вызывала сочувствия. А эта старушка у храма, так же как и другая, которая сидела со своей сумкой возле одного из домов, трогали своей беспомощностью. Вообще французские клошары очень разные. Для одних, точно французов, это стиль жизни. В своем падении они опускаются на самое дно, моются где-нибудь у фонтана или лежат на тротуаре, не считая нужным хотя бы отодвинуться от того, что изверг их желудок. Другие — это эмигранты, не нашедшие работу или оставшиеся без неё. Чаще всего арабы. Они сидят на тротуарах с табличками: «Aidez moi!»¹ Спят на вентиляционных решётках и в нишах домов. В основном это молодежь, среди них встречаются и девушки. Но, наверное, они вскоре выйдут из этого состояния, либо вернувшись домой, либо пристроившись хоть где-нибудь. Ну а французы, сидящие на тротуаре и просящие милостыню не только для себя, но и для кошки с собакой, которые спят рядом, — вряд ли.

Итак, мы вышли на улицу Royal, и вскоре перед нами открылась большая, но лаконичная площадь Согласия (Concorde), слева от неё начинался сад Тюильри, справа — Елисейские поля. А немного наискосок виднелась Эйфелева башня. На площади Согласия лишились голов многие, кто принял живейшее участие в истории страны, но в конечном итоге после всех гроз, прогремевших над Францией, произошло её объединение, и была принята форма правления, которая более или менее устраивала всех. Площадь, помнящая множество распрей, которые для многих заканчивались гильотиной, была названа площадью Согласия. К ней ведёт один из мостов с одноимённым названием, построенный из камней разрушенной Бастилии. О статуях, колонне и фонтане, расположенных на площади, можно рассказывать долго, все они имеют свою историю, но мы огибаем площадь и выходим на Елисейские поля. Вдоль них растут подстриженные платаны. На правой стороне Елисейских полей начинался Булонский лес, от которого остался лишь небольшой парк. Мы идём вдоль проспекта по его левой стороне по направлению к Триумфальной арке.

У Елисейских полей очень богатая история, и, прежде чем приобрести современный вид, они прошли долгий путь от места охоты французских королей до самой фешенебельной

¹ Помогите мне!

улицы в мире. Но если сказать честно, она не произвела на меня большого впечатления. Это просто самая большая праздничная улица города и главная его транспортная артерия длиной в два километра, по сторонам которой расположены самые богатые магазины, рестораны и кафе. Фотографируя всё, что нам казалось интересным, от оригинального дизайна уличных кафе до клошара, спящего на скамейке и ценников у входов в ресторанички, мы приближались к площади Шарля де Голля, или площади Звезды, на которой стоит Триумфальная арка. Прежде чем приобрести свой окончательный вид в 1854 году, площадь напоминала скорее место разветвления дорог. И только при Наполеоне III, когда к Парижу были присоединены несколько ближайших пригородов, к которым барон Осман добавил еще семь, она стала площадью Звезды с разбегающимися в стороны двенадцатью самыми широкими улицами города.

Триумфальная арка, находящаяся в центре площади, была сооружена по велению Наполеона в ознаменование побед французской армии в Революции и в период 1-й Империи. И хотя сам он не дождался завершения строительства, под аркой проехал траурный кортеж с прахом Наполеона, доставленным с острова Святой Елены. Мы обошли со всех сторон это сооружение, полюбовались всеми его барельефами, в том числе и тем, на котором наших бьют под Аустерлицем, он расположен со стороны улицы Ваграм. Обидно, конечно, но с историей спорить трудно... Прочли все надписи на полу и постояли у Вечного огня. Подниматься на смотровую площадку не стали, нас ждала Эйфелева башня. Вернувшись по подземному переходу к нашей исходной позиции слева от площади, пошли вниз по бульвару Клеве, но вскоре нам пришлось уйти с него влево, потому что мы упёрлись в недостроенный дом. Тут моя вторая половина начала возмущаться, что мы не туда идём, но я шла по наитию, я знала точно, что башня там, куда меня несут ноги.

Вскоре мы вышли на малюсенькую площадь, каких в Париже множество, завернули за угол — и вот она, «пастушка облаков», — прямо перед нами. Нужно только пройти через маленький парк, где мы остановились на минуту у скульптуры «Триумфальный танец», прошли по дорожке мимо огромных платанов и вышли к Трокадеро, подкова которого осталась справа. Трокадеро — испанский остров-форт в Кадикском заливе, занятый французами в 1823 году. Видимо, возвышенность Шайо, расположенная напротив Эйфелевой башни, чем-то сильно напомнила французам этот форт, вот они и назвали так это место. Сейчас это садово-парковый комплекс с лестницами и самыми большими в Париже фонтанами. На его месте до 1937 года был дворец Трокадеро, но его перестроили к Всемирной выставке, и теперь он называется дворец Шайо. Рядом с Трокадеро находится маленькое кладбище Пасси, на котором покоятся такие знаменитости, как Эдуард Мане, Клод Дебюсси, племянник Николая II Георгий Брасов и русская художница Мария Башкирцева, умершая в возрасте двадцати четырёх лет. Но цель нашего пути — Эйфелева башня, и мы идём к ней. Остановились на мосту через Сену. Я смотрела вниз на реку, по которой плыли кораблики. Тёплый ветер теребил подол моего платья. Моя мечта сбылась. На душе не было ни щепотки радости, ни сумасшедшего восторга, а было чувство полного внутреннего покоя и удовлетворения. Мне было хорошо. Я была с мужем и была там, где мне так хотелось быть! Где-то внизу, на дне Сены, лежит мой рубль, ждавший меня целых пять лет! Но ведь я не могу забрать его с собой, значит, он будет ждать меня здесь всегда! Может быть, я приду сюда ещё когда-нибудь.

Очередь желающих подняться на башню, двигалась достаточно быстро по так любимой французами змейке, когда между ограждениями пройти можно только одному, и ограждения эти расположены змейкой, и никуда тебе из неё не деться. Муж уговаривал меня подняться на самый верх, но мой патологический страх высоты не позволял это сделать, и мы остановились на золотой середине. Поднимались в лифте, в довольно большой кабине которого собрался народ всех цветов кожи, каждый выражал восторг на своём языке, и этот шум напоминал птичий гомон. Оказавшись наверху, я на какое-то время забыла о своём страхе. Мы смотрели на Париж с высоты птичьего полёта. Какой же он красивый! Первое, что бросилось в глаза, это то, что почти все здания одной высоты. Только башня Монпарнаса нарушала гармонию, и колючками дыбился Дефанс. Монмартрский холм с Сакре-Кёр на вершине выдавался естественной выпуклостью ландшафта. Огромный город был перед нами как на ладони, и он производил впечатление чего-то лёгкого, совсем не обременительного для земли.

Народ потихоньку двигался по смотровой площадке вокруг башни, рассматривая город со всех сторон. Да, он с каждой стороны разный, но одинаково прекрасен. Взявшись одной рукой за металлическую, всю в заклепки конструкцию, я подняла голову вверх, куда в синеву неба поднималась вершина башни. Это было очень высоко. Наверное, оттуда видны пригороды, но сам город вряд ли будет красивее. Народ потянулся к лифту. Образовалась довольно большая очередь, и мы спустились вниз по винтовой лестнице. У подножия башни

разбит небольшой парк, в нём мы присели на скамеечку, чтобы отдохнуть перед обратной дорогой.

Домой шли по набережной Сены, фотографируя всё, что казалось нам интересным. Например, музей на набережной Бранли (известный французский физик), в котором собраны образцы «примитивного искусства» народов Африки, Азии, Океании и Америки. Особенно замечателен этот музей своим фасадом, который является творением Патрика Блана, всемирно известного ботаника, создателя вертикальных садов. Весь фасад здания покрыт живыми растениями: мхами, лишайниками, папоротниками и другими, названий которых я не знаю. Это так необычно, что пройти мимо просто невозможно. Что интересно, никто не пытается оторвать кусочек для себя, у нас это делается без зазрения совести, и даже из наших примитивных газонов порою пропадают понравившиеся кому-то растения, хотя почти во всех парижских домах присутствие цветов или каких-нибудь растений — неотъемлемый элемент. Задержались на мосту Александра III, самом красивом в Париже. На площади Согласия наше внимание привлекли велорикши. Ближе к дому мы снова останавливались у витрин с колотым льдом, на котором лежала свежайшая целая и разделанная рыба, омары, большие креветки, улитки и устричные раковины самых разных форм и размеров.

Когда мы вернулись на нашу тихую улочку Дуэ, уже садилось солнце, освещая розовым светом лица людей, сидящих за столиками, и в каждом стакане или фужере вместо льда, светился его маленький кусочек. Кое-как добрались мы до нашей китайской закусочной, где мы привыкли ужинать. Её хозяйева, молодые муж с женой, всегда приветливые и весёлые, приняли у нас заказ, и минут через десять мы уже сидели за накрытым столом. Еда, приготовленная ими, была сытной, вкусной и относительно дешёвой. Сделанное нами накануне открытие, что вино, купленное в магазине, обходится дешевле чая, который нам предлагали китайцы, подвигло нас к исправлению допущенной ошибки. Верхом глупости было, находясь в Париже, пить что-то, кроме вина! Наш ужин удался на славу. Мы запивали большие, очень вкусные креветки отличным белым вином и чувствовали себя на вершине блаженства. О, Париж, Париж, уже тогда я знала, что буду тосковать о тебе!

Мы вернулись в номер, когда уже опустились сумерки. Солнце спряталось за домами, но люди по-прежнему сидели за столиками, хотя их покрывала глубокая тень. В эту ночь, засыпая, я почувствовала себя счастливой.

г. Озёрск

Евгения Матвеева

Три дня в Казани

Лечите душу ощущениями.

Оскар Уайльд

Побывать в Казани в большей степени была мечта моей сестры, а я все больше разглядывала туры в Астану. Там и там красивый город с множеством оригинальных построек, архитектурных новинок, к чему я всегда была равнодушна. Но Казань — это Россия, это древний город с тысячелетней историей, в котором мирно уживаются две религии: православие и мусульманство, а также, возможно, как мы смеялись, наша историческая Родина. Одна из прапрабабушек носила фамилию Мамаева, а, глядя на свои круглые щёки и с возрастом узкие глаза, понимаешь, какая-то татарская кровушка течёт и в наших жилах. Поэтому выбор был несложным — Казань и только Казань.

Первый раз ехали на автобусе столь длительное время. Не скажу, что дорога была лёгкой: девятнадцать часов в скрюченном состоянии, с сумками под ногами изрядно утомили. Оказались в городе в шесть утра, а по билетам в девять. Без проблем нашли гостиницу «Базилика» — это рядом, полтора километра от вокзала, закинули сумки, так как заселение после двух часов дня и пошли гулять.

С помощью карты быстро сориентировались, где центр, нашли первым делом главную пешеходную улицу — Баумана, позавтракали в «Доброй столовой». О ней читали отзывы в Интернете, действительно подтверждаю, все так и есть. Дёшево, вкусно, внутри продуманный дизайн. Очень понравились обращения к посетителям на различных стендах, информация перед глазами о новых блюдах, расположении столовых в городе, отдельная касса для стажёра... Здесь же Центр компьютерных услуг: печать фото, зарядка телефонов и т. д. под лозунгом: «Вы отдыхаете — мы работаем!» В сети работает профессиональная команда, всё на уровне.

Ул. Баумана — это казанский Арбат: кафе, рестораны, музеи, сувенирные магазины. Неспешно гуляющие туристы, миниатюрные скульптуры, фонтаны. Очень красиво, чисто, богато. Такое ощущение, что гуляешь где-нибудь в европейском городке. Улица выходит к Казанскому кремлю. Немного отдохнув на берегу реки Казанка, пошли искать железнодорожный вокзал. Центр города достаточно компактный, все в пределах пешей доступности. Нашли на привокзальной площади экскурсионное бюро, записались на следующий день на семичасовую экскурсию в город-музей Свияж и Раифский монастырь с заездом к Храму всех религий.

Так как времени было много, то мы отправились искать речной порт. И тоже пешочком ещё километров пять. Кое-как дошли. В Парке молодожёнов уже в изнеможении упали на скамейку. Жарко, душно, после бессонной ночи, да ещё намотавшие хороший километраж. И открыли бутылочку пива, которую пришлось купить, чтобы разменять деньги на вокзале. В утреннее (9 часов) время это оказалось непросто. Честное слово, хотели купить мороженое, сдачи нет, чак-чак — опять не разменяли, и только в пивном киоске оказались разменные деньги. Кто бы мог подумать, что я буду аж трястись от нетерпения, открывая бутылку старинным способом об угол лавки, обливаясь и давясь пеной, с наслаждением пить пиво (видел бы меня мой муж, не поверил!). Наверное, это было одно из самых сильных впечатлений дня. До сих пор я и пиво были вещи несовместимые.

Приехали в номер на час раньше, доплатили за раннее заселение и распластались на кровати. Очень длинный день, ещё и часы перевели на московское время. Номер на пятом этаже. После такой длительной прогулки это было серьёзным испытанием.

Вечером, после небольшого отдыха, решили поберечь ноги и покататься на городском транспорте. И вот об этом можно подробнее: хочется спеть оду организации движения в городе. Отличные дороги и развязки, никаких пробок, новенькие красные троллейбусы и автобусы курсируют через каждые две-три минуты. На остановке электронное табло, извещающее о прибытии очередного транспорта, номера, маршрут и время ожидания. Очень удобно. Супервжливые кондукторы, которые даже выходили из автобуса, чтобы нам, мнущимся и раздумывающим у дверей, подсказать направление. А какой бесподобный голос диктора, называющего остановки. Почти левитановский густой баритон объявляет сперва по-русски, потом по-татарски, а затем по-английски. Последний вариант вызывает просто восторг: столько в нем уважения к себе и презрения к ним: Габдулы Тукая стри-ит-т... Знайте наших!

Проехались на автобусе маршрута № 53. Почему этот? Увидели знакомое слово, конечная остановка «Икея». Тот, кто дружит с дизайном, прекрасно знает эту сеть магазинов. Однажды мимоходом была в свердловском супермаркете «Икеи», сын за двадцать минут (с заходом и выходом) решил показать, что это такое. Бежала почти бегом и только расстроилась, в этом магазине я могу провести целый день и не устать, это мое царство.

Сестра тоже там оказалась впервые, погуляли часик и удалились восвояси. Здорово, жаль, что у нас поблизости его нет. А ещё лучше, чтобы кто-нибудь привез и собрал, прибил-привинтил... Попили кофейку в Кофе-Хауз и поехали обратно через весь город, глаза по сторонам. Напоследок вечерняя прогулка по сияющей огнями главной прогулочной улице Казани, устойчивое желание куда-нибудь зайти и посидеть, потанцевать... Вспомнились анапские вечера... но смелости не хватило и были уставшие. Поэтому возле гостиницы купили по куриному шашлычку, бутылочку пива, ароматную лепешку и пошли к себе в номер, обмывать наш первый день поездки. Спали как убитые.

День второй оказался не менее насыщенным. Экскурсионный автобус ждал нас возле цирка уже в полдесятого. Экскурсовод Иван, молодой человек лет тридцати, субтильного телосложения, в клетчатых джинсовых брючках, клетчатой рубашке, в очёчках. Женщины постарше сразу прозвали его «кузнечиком». Но когда он начал говорить, сколько юмора, энциклопедических знаний, исторических фактов и споров учёных он нам привёл, мы были поражены. Часов пять непрерывной беседы об истории и современном состоянии Татарстана и Казани, традициях и обрядах, особенностях национальной кухни и достопримечательностях. Выпускник исторического факультета Казанского университета, искатель новых знаний, увлечённый и искренне любящий свой город человек. По завершении поездки все пассажиры ему дружно поаплодировали. Брать ещё экскурсии необходимость отпала. О самих местах героической славы татарского и русского народа, местах духовной силы захотелось почитать подробнее. Это действительно важно и интересно.

После небольшого отдыха от утомительной жары, гуляний по историческим местам и обилия информации захотелось просто искупаться. Быть на Волге да не окунуться — это не по мне. Изучив в номере карту, отправились уже известным маршрутом к железнодорожному вокзалу, через мост, за которым сразу начинался самый ближайший пляж — «Локомотив». А вот здесь отметим недоработку — один из центральных пляжей города в

запущенном состоянии. Обилие мусора, две раздевалки на весь пляж, минимум скамеек, навесов и другой инфраструктуры. Хотя водичка на этой стороне Казанки оказалась вполне чистая. С удовольствием поплескались, поплавали, позагорали. Лучший отдых для ног и снятия усталости.

И со свежими силами опять вечерняя прогулка по городу. Молодой парк тысячелетия, красиво подсвеченная набережная озера Кабан, Старая татарская слобода (в стороне которой и находится наша гостиница) — пути нашего маршрута. Вечер пятницы, народ гуляет, музыка с национальным колоритом доносится с уютных кафе и ресторанов, на озере с фонариками катаются на лодках и катамаранах отдыхающие, оранжевые жилеты забавно светятся в темноте. Наверное, это очень романтично — ночью плавать на лодке с кавалером... Мы взять катамаран не решились, пожалели натруженные ноги.

Уже в гостинице второй день отметили медовухой, закусывая чак-чаком. Её нам разрекламировал экскурсовод Иван, купили в Свяше. Надо же попробовать, что за напиток пили наши предки, воспетый в былинах и сказах. Надо сказать, что пьётся легко, как сладкий компот, а потом враз теряешь голову. Интересный опыт, но больше не хочется.

Третий день начался с любимой «Доброй столовой» на ул. Баумана, затем самостоятельная экскурсия по Казанскому кремлю, обзорным площадкам, мечети и православным храмам, дорожкам вдоль крепостной стены. Пристроившись за организованными группами, слушали занимательные рассказы об истории постройки Кремля и создании архитектурных комплексов города. Здесь ходить можно очень долго, знакомиться с экспонатами музеев различных направлений. Прекрасный вид на город открывается от стен Кремля. Современные новостройки по другую сторону реки Казанки, как в зарубежных голливудских фильмах, поражают размахом и богатством. Больше всего мне понравился Дворец земледельцев, необыкновенный проект и масштаб. Примечательно, что он построен в 2010 году.

Следующим пунктом назначения должен был стать Музей тысячелетия Казани. Дойти-то мы до него дошли, а вот сил смотреть уже не было. Перегрелись (жара более 30), опять подумянились под солнцем, подустали. Поэтому попили чайку в прохладном фойе музея и пошли в обратном направлении, мимо роскошных новых особняков на закрытых и охраняемых территориях в самом центре города. Видимо это зона местной элиты. Там почти нет прохожих по улицам. Только охрана.

Вместо посещения музея не покидало устойчивое желание забраться в воду. Поэтому после обеденного отдыха в номере отправились опять искать нормальный пляж. Видим же на той стороне реки красивые песчаные берега и отдыхающих. Проехали через мост, вышли на нужной остановке, дошли до берега... и разочаровались. Народ только загорает, играет в волейбол, пускает воздушных змеев, но не купается. Вода грязная, мусор плавает. Увы, пришлось опять искать вчерашний берег. Вернулись к парку Кырлай, в котором нам было обещано, согласно рекламе, много развлечений, вышли на городской пляж. Та же картина, две раздевалки, много мусора, и водичка не самая чистая. Но люди купаются. Окунулись и мы. Стало полегче. Вспомнились наши чистые Хомутининские озера... и захотелось домой.

В парке на обратном пути прокатились на колесе обозрения, а больше для взрослых аттракционов как-то и нет. Вернулись на ул. Баумана, на которой в субботний вечер очень оживлённо и многолюдно. Стали свидетелями настоящего концерта: молодой человек с внешностью и голосом Виктора Цоя вполне профессионально исполнял его песни, зажигал так, что невозможно было пройти мимо. Мощная у парня энергетика, очень похож, толпа дружно подпевала: «Перемен! Мы ждём перемен!» Хотя я и не очень большая поклонница этого автора, захотелось узнать о нем побольше, заинтересовал. А парень явно талантлив. Затем еще были любители танца брейк-данс, в подземном переходе юноша и девушка превосходно играли на скрипке. Хорошо гулять по такому городу...

Последний вечер решили отметить и посидеть где-нибудь в летнем кафе. Сунулись в одно, места были, посмотрели меню и бегом оттуда. Цены запредельные, для московских и зарубежных туристов. А нам, бюджетникам из деревни, не по карману. Поднялись выше главной улицы, на Профсоюзную (№ 16), и там заглянули в небольшую чайхану. А вот это то, что надо! Полумрак, приятная восточная музыка, мягкие диваны с подушками и главное — стеллажи с книгами, цитаты Омара Хайяма на стенах, раскрытые страницы старых изданий. Решили, что, даже если здесь не дёшево, чайку мы тут попьём. Оказалось все приемлемо, сытный лагман и ароматный чай с бергамотом наполнили душу умиротворением и благодушием. Хо-ро-шо!

Когда стали подходить к театральной площади, в честь какой-то свадьбы над озером Кабан в ночном небе минут десять звучали залпы красивейшего фейерверка. Мы посмеялись, все не случайно, этот салют для нас. Вот так торжественно завершился третий день пребывания. Перед сном только кефирчик и молочко.

А утром уже сборы, покупки сувениров. Нас на улице стали принимать за местных, спрашивать, как пройти к Кремлю, а мы со знанием дела подробно объясняем. И уже красоты города не радуют, все мысли о доме. Обратная дорога перенеслась полегче, более комфортабельный автобус, телевизор. С удовольствием посмотрели старый добрый фильм «Москва слезам не верит». Все хорошо.

Что можно сказать? Красивый город с богатой историей. Есть что посмотреть. Даже хочется вернуться сюда через несколько лет. Нам там было комфортно.

Посетили семь православных храмов и одну мечеть. Это действительно места духовной силы.

Очень доброжелательные к туристам жители. Это приятно.

Хорошая современная гостиница «Базилика» в тихом историческом центре, можно рекомендовать другим, оптимальна по цене и качеству.

Были опасения, что будем плутать в большом незнакомом городе. Ничего подобного. Всё в центре, всё понятно, и мы неплохо ориентируемся в новой обстановке. Можно путешествовать таким образом и дальше, только без посредников-турагентов.

Мир богат и разнообразен. И это здорово! Как говорят китайцы: «Никто не возвращается из путешествий таким, каким он был раньше».

И последнее. Мечты сбываются, если прилагать усилия к их исполнению.

Можно сказать, что это были три счастливых дня, полных впечатлений, разнообразной информации, насыщенных событиями. И в завершении хочется перефразировать слова барона Мюнхгаузена из фильма «Обыкновенное чудо»: «Путешествуйте, друзья! Путешествуйте!»

п. Увельский

Байки о Чекундашке

Как нашли Чекундашку

Иванов, Петров, Сидоров и Николаев нашли Чекундашку.

— Ни хрена себе, — сказал Петров.

— Н-да, — молвил Сидоров.

— А че? Ниче, — высказался Николаев.

А Иванов промолчал.

Чекундашка звякнула.

— Ни хрена себе! — сказал Петров.

— Н-да, — вымолвил Сидоров.

— А че? Ниче, — выступил Николаев.

А Иванов улыбнулся.

Чекундашка подпрыгнула.

— Ни хрена себе! — сказал Петров.

— Н-да, — удивился Сидоров.

— А че? Ниче, — подытожил Николаев.

И подарили Чекундашку Иванову.

Как Иванов, Петров, Сидоров и Николаев пили за Чекундашку

Петров, Сидоров и Николаев пришли в гости в Иванову.

— А где Чекундашка? Спросил Петров.

Иванов показал.

— Н-да, — молвил Сидоров.

— А че? Ниче, — высказался Николаев.

— А, плевать! — согласился Петров. — Наливай.

Как пропала Чекундашка

Чекундашка куда-то пропала. Иванов загоревал. И выставил бутылку.

— Ни хрена себе, — сказал Петров.

— Н-да, — молвил Сидоров.

— А че? Ниче, — подытожил Николаев.

— А, плевать, — согласился Петров, — Наливай.

Как нашлась Чекундашка

Чекундашка нашлась за диваном.

— Ни хрена себе! — сказал Петров.

— Н-да, — молвил Сидоров.

— А че? Ниче, — согласился Николаев и свинтил пробку с бутылки.

— Наливай! — подытожил Петров.

Как болел Иванов

Иванов заболел. Чекундашка не помогала.

— Н-да, — вымолвил Сидоров и выставил бутылку!

— Ни хрена себе! — удивился Петров.

— А че? Ниче! — заспорил Николаев.

И стали лечить Иванова.

Как Иванов, Петров, Сидоров и Николаев пострадали из-за Чекундашки

Иванов, Петров, Сидоров и Николаев попали в вырезатель.

— Фамилия?

— Иванов.

— А твоя? — насторожился сержант.

— Петров.

— Ну а твоя, конечно, Сидоров? — Сержант отложил ручку.

— Да, — сказал Сидоров.

— А моя — Николаев, — сдался Николаев.

— Где набрались? — подкатился с другого боку сержант.

— Чекундашку лечили.

Сержант не поверил, отправил всех под холодный душ.

— Ни хрена себе, — сказал Петров.

— А че? Ниче, — возразил Николаев. — За Чекундашку и пострадать можно.

Как Чекундашка телевизор исправила

У Петрова сломался телевизор. На всех каналах — «тельняшка». Стукнешь по телевизору — урод возникает: нижняя часть в нижнем углу, а верхняя — в верхнем, но по диагонали.

Пришли Иванов и Николаев. С Чекундашкой.

— Ни хрена не показывает, — пожаловался Петров.

Иванов взглянул на Чекундашку: изображение восстановилось. Но все были голыми.

— Ни хрена себе! — сказал Петров и стал переключать каналы, голые были везде.

— А че? Ниче, — восхитился Николаев, увидев на экране девушек. И добавил: — Петров, с тебя пузырь.

Выпили.

— Одолжи на время Чекундашку, — попросил Иванова Николаев.

— Она исправный телевизор не берет.

— Придется ломать, — вздохнул Николаев. — Наливай.

г. Челябинск

Валерий Мякушко

Не поженимся

— Сегодня у нас женихи Андрей, Сергей и Владимир, невеста Юлиана, — объявила ведущая телепрограммы «Давай поженимся», как всегда, бодро и стала представлять телезрителям и сидящим в отдельных комнатах женихам потенциальную невесту: — Юлиана, двадцать семь лет. Переехала в Москву из глубокой провинции, полагая, что в столице может полностью реализоваться. И поможет ей в этом спутник жизни. Мечтает о том, чтобы муж каждое утро встречал её улыбкой и цветами...

Стала задавать вопросы сваха, предоставляя возможность рассмотреть внешность, познать духовные устремления претендентки на их руку и сердце. И её сексуальный опыт, о чём в последнее время принято говорить открыто, нисколько не стеснясь. На экране было видно, как парни напряжённо следят за представлением.

Женихи уже как следует рассмотрели невесту и, не сдерживаясь, стали выражать своё мнение.

— Посмотрите, какие у неё накладные ногти? Длиннее пальцев! Ясно, что по дому она делать ничего не станет! — сказал Андрей.

— А лицо? Оштукатурено в салоне красоты — ничего естественного! — выразил своё мнение Владимир. — Накладные ресницы и неоновая помада.

— Губы — накачаны как две сосиски! — воскликнул Сергей. — И это считается красотой?

— Что вы ещё умеете? — спросила ведущая после того как, вся извиваясь, девушка исполнила эротический танец.

— Я хотела бы переехать жить в Америку, — вдруг заявила та.

— В Америку захотелось! — не сдержал свои эмоции Андрей. — Это значит, что её муж, то есть кто-то из нас, вместе с ней должен туда тащиться... Чтобы становиться там на колени перед разбушевавшимися неграми и просить у них прощения за рабство их предков.

Лица женихов всё более мрачнели — ведь скоро их выход на подиум.

— Вы, ребята, как хотите, а я — пас! — поднимаясь, сказал Андрей и стал укладывать в сумку приготовленный презент. — От таких жён надо держаться подальше. Покидаю вас!

— Извините, но мне тоже такой товарец не нужен! — узнав об этом решении, поднялся следом Владимир и сунул приготовленный букет цветов в урну. — Только и забот, что шастать по косметическим кабинетам и салонам красоты.

— Куда же вы? — воскликнул заглянувший к ним Сергей. — Сорвёте шоу.

— Вот и оставайся. Победителем.

— Нет уж! Я с вами.

г. Снежинск

Андрей Смолюк

Каждому своё

Если честно, то я в саду откровенно так балдею. По крайней мере, стараюсь это делать, и это иногда у меня получается.

Балдел я и раньше, но всегда с каким-то внутренним напряжением. Вот, дескать, жена и сынишка работают, а я папирочки покуриваю. Всё-таки совесть здесь давала о себе знать.

Но с некоторых пор совесть эта во мне зачахла и куда-то испарилась из моего подсознания.

Просто после очередного балдения в саду, когда совесть меня окончательно заела, я решил разузнать, а как же другие мужики ведут себя в саду. Просто интересно стало.

Вот, например, Василий, мой друг. Я сколько ни пытался приехать к нему в гости в сад, но ничего у меня не получалось, поскольку Василий мне всегда говорил:

— Нечего там у меня в саду делать, ничего там эдакого нет, и вообще!..

Ну а раз нечего там делать, то я и не ездил. Но думал, что Василий просто придуряется по неведомой мне причине, а в саду там у него замечательно, наверное, и дом большой, и везде порядок. Знаю я Василия и мужик, он работающий.

А тут как-то жена моя с женой Василия Ириной сговорилась, и Ирина обещала дать усов от клубники. Так что захватили мы с собой как-то Ирину и поехали в сад Василия за этими усами.

Ну, думаю, Василий в саду не бездельничает, а поэтому у него там красота неопишная. Всё осмотрю и чему-нибудь научусь.

Ну, это я так думал. А на самом деле, как выяснилось, у него там такой бардак, что просто жуть. И домика настоящего нет, и забор кривой, да и весь сад какой-то неухоженный. Даже мой садовый домик по сравнению с Васильевой хибарой можно дворцом считать.

— А что ты думал, — ответил Василий на мой вопрос, — лично я в сад отдыхать езжу, балдеть, и пускай там всё зарастёт — мне это по барабану!

— Так ты тоже в саду балдеешь? — спросил я и почувствовал, что моя совесть при этом слабеть стала.

— Естественно, — ответил Василий, — а что ещё там делать?

После этого разговора я маленько успокоился, но, правда, не насовсем. Совесть моя продолжала потихонечку грызть меня в саду, что было не очень приятно.

Василий, думаю, это Василий, а я — это я.

Правда, в саду я продолжал балдеть, не перестал делать это приятное дело, но всё же засомневался в душе. Дескать, жена работает, а я тут покуриваю.

А тут как-то вечером дома мы были, и я вышел на крыльцо подъездное покурить. Просто в подъезде курить неудобно, да и зачем всех травить своим дымом.

Вот вышел я, сел на корточки, к стенке прижался, чтобы удобнее сидеть было, и курю. Была у нас тут скамейка, но кто-то её утащил, причём неведомо куда. Зачем это надо было делать, не знаю, но вот утащили, и всё тут тебе. Так что, повторюсь, сижу я на корточках и покуриваю.

А тут, значит, подъезжает к подъезду «шевроле» и из него выходят соседи по подъезду Олег и Татьяна. Достают они из багажника корзины, и вижу я, что в корзинах у них огурцы да помидоры.

— Ага, — говорю им, — вы, значит, из сада да с большим урожаем. Ну, так с ним я вас и поздравляю. Устали, наверное, как собаки.

А в ответ на мои слова Олег как-то странно посмотрел на меня и ответил:

— Устать-то мы, конечно, устали, да только вот откуда мы, то как на это посмотреть.

— Ну, вот у вас и урожай в корзинах, — сказал я, — значит из сада.

— Это как посмотреть, — снова сказал Олег и добавил: — Это жена из сада, а я лично с дачи.

— Понятно, — сказал я и чувствую радость в душе.

Чувствую, что моя совесть в смысле балдеть в саду совсем из моего подсознания улетучивается и медленно так тает там. И так мне хорошо от этого, что просто жуть.

Мужики есть мужики, подумал я. Значит, и мне можно в сад как на дачу ездить, а не как в сад. Балдеть можно во всю катушку. Пусть там жена в земле ковыряется, а я на небо смотреть буду, поскольку там, в небе, куда интересней, чем на земле.

Так что теперь в саду я балдею, можно сказать, беззастенчиво. Скажут — сделаю, не скажут — не сделаю! Не жизнь, а малина. И теперь из сада я домой прихожу свеженький, а не выжатый как лимон от усталости (случалось такое иногда).

Спасли меня, одним словом, мужики. Я понял, что я такой же, как все, и на этом успокоился. А спокойствие — это сила, и кто этой силой владеет в совершенстве, тот, я доложу, мужик будь здоров. Так я считал и считать буду впредь.

«Козлятушки-ребятушки...»

Всем известна детская сказка «Волк и семеро козлят». Вот и прочитала наша бабушка внучке Вике её, и Вике сразу захотелось в неё поиграть.

А дело тут в том, что Вика приболела и целыми днями пребывала у нас. А нам (мне и моей жене) даже в охоту возится с внучкой.

Так вот, захотелось Вике поиграть в «Волка и семерых козлят», и она говорит:

— Я буду козой и буду ходить на базар за молоком, а ты, бабушка, будешь за козлят и волка.

И стали бабушка с внучкой играть в эту народную сказку.

Внучка вытащила откуда-то здоровенную сумку и всё таскала её из комнаты на кухню, где за закрытой дверью бабушка что-то делала.

Внучка подходила к двери и говорила:

— Козлятушки-ребятушки, отворитесь, отопритесь, ваша мать пришла... — Ну и так далее.

Сначала я спокойно выдерживал эти слова и ответы бабушки, но когда это повторилось в двадцатый раз, я почувствовал, что моя нервная система начинает это не выдерживать. На двадцать пятый раз «козлятушек-ребятушек» я понял, что надо мне пойти прогуляться, иначе моя нервная система не выдержит. Я так и сказал жене:

— Пойду пройдуся, а то мне чего-то нехорошо.

Жена посмотрела на меня тоскливым взглядом, и я понял, что эти «ребятушки-козлятушки» тоже ей уже поперёк горла.

— Терпи, — промолвил я, — такова твоя женская доля.

И я пошёл гулять. Гулял я недолго, минут двадцать, и подумал, что, может быть, за эти двадцать минут «козлятушки-ребятушки» кончились.

Но я ошибался. Внучка по-прежнему ходила с сумкой по квартире и талдычила своё «козлятушки-ребятушки», а у супруги моей на лице была уже такая тоскливая мина, что мне её стало жалко.

— Вот, что дорогая, — сказал я, — собирайся с Викторией на улицу, а я твои дела кухонные доделаю. Погода прекрасная, думаю, Вика от своих «козлятушек» там быстро очухается.

Жена посмотрела на меня благодарственным взглядом, выключила воду и крикнула Вике:

— Вика, пошли гулять, смотри, какое на улице солнышко.

А внучке, видно, самой уже надоело играть в «козлятушек», поэтому возражений не последовало, и она стала сама собираться на прогулку.

На этом игра в «козлятушек» кончилась. Правда, следующий день была попытка опять поиграть в эту игру, но она продолжалась недолго, каких-то три минуты, потому что я начал читать внучке сказку про «Муху-Цокотуху». Правда, тут была боязнь, что мы теперь начнём играть в эту сказку, но, как только я прочитал «Муху», бабушка вывела внучку на прогулку, и про «Муху» мы забыли. Больше в «козлятушек» мы не играли к нашему, надо сказать, счастью.

Басни

Лайнер и голубь

Взмыв высоко под облака,
Заметил Лайнер Голубя и свысока
Кричит ему: «Ты видишь мой полёт?
Завидуешь? Наверно, сердце мрёт?
Тебе меня чуть-чуть лишь видно,
Признайся, что тебе обидно!»
А Голубь Лайнеру тотчас в ответ:
«Я снизу шлю тебе большой привет!
Да, ты у людей в большом почёте,
Но не хозяин ты в полёте.
Напрасно о себе ты много мнишь.
Ты не по воле собственной летишь:
Пилот тобою управляет
И по маршруту направляет.
И хочешь этого ты или нет,
Но у тебя и выбора-то нет.
Согласен: ты высоко летаешь,
Но ты всё небо отравляешь!
Пусть я летаю низко,
Не далеко, а близко.
Зато лечу туда, куда хочу.
К тому ж вреда я не чиню».

*

Гордиться можно своей долей,
По собственной летая воле.

Попугай

Хвалился птицам Попугай вокруг:
Людскую грамоту постиг он вдруг!
С людьми он может говорить,
За это все его должны хвалить.
— Ох! Ох! — защебетали Трясогузки. —
Он будет говорить теперь по-русски.
— Он может говорить по-человечьи? —
Был даже удивлён вожак Овечий.
Тут Ворон чёрный прилетел,
Спокойно на забор присел:
— Да это же большой успех!
Наверно, он умнее всех!
Я тоже знаю малость слов
И с ним поговорить готов.
Ты говоришь по-человечьи?
Хотел бы я послушать твои речи.
— Попка дур-рак! Попка дур-рак! —
Попугай ответил ему так.
— Ну что? — спросила Ворона Сова, —
— Он человечьи говорит слова?
— Да, мне разговор его понятен!
И я с ним полностью согласен!
Он сам себя аттестовал;
Умнее был бы, коль молчал.

г. Челябинск

Нина Кысса

Для сердца дорогое

* * *

Люблю я Уральские горы,
Где родилась и живу,
Зеленых полей просторы,
Хоровод ромашек на лугу.

Наш Великий Урал,
Ты хранитель легенд,
Защитил свой народ
От бед и невзгод.

Ты врага не пустил
Через горы, увалы;
Твои кузнецы
Здесь победу ковали.

Овраги, буераки,
Горы и поля,
Озёра и реки,
Дубы и тополя —

Всё для нас родное,
Для сердца дорогое,
Любимая Отчизна,
Родина моя.

* * *

Иткуль и Синара,
Вы прекрасная пара.
Вас венчали боги,
Гор седых отроги.

И какие племена
Вам дали чудо-имена
И для потомков берегли
Через века и времена.

Иткуля святая мощь
Синару зорко стережёт;
От чёрных бурь, от всех невзгод
Урал седой их бережёт.

Два озера в одно слились,
И судьбы их переплелись.
Святую воду люди пьют,
Для жизни силы в них берут.

Моя коровушка

Зима лютует не на шутку.
Пурга дороги замела.
Бегу в мороз, куда же деться,
Такие вот мои дела.

С той поры далекой
Много времени прошло.
Событий неповторимых детства
Вспомнить времечко пришло.

Бежит девчушка по дорожке,
Проторенной санями.
Ветер в спину подгоняет,
Бежала чтоб проворней;

Валенок один дырявый,
И ножка в нем озябла.
Клочок сена там лежит,
Но от него тепла чуть-чуть —
Нога от холода дрожит.

Сено это одолжила
У коровушки в хлеву.
Она с укором посмотрела,
Сказала: «Ты теперь в долгу».

Обиделась корова,
Сказала: «Не прощу!
Представится возможность —
Жестоко отомщу.

Ты пойдешь меня доить —
В ведро копыто опущу,
А если мало этого —
Хвост в молоке прополощу».

Я решила с той поры:
С коровой надо дружно жить.
Она для нас кормилица,
Она для нас вторая мать;

Она потомство принесёт,
Выкормит телёнка,
Молока на кашу даст
И к чаю сливок сладких.

От неё достаток в доме.
Она нас учит доброте.
И с коровушкой родной
В доме радость и покой.

г. Снежинск

Ирина Соловьёва

Думай больше о хорошем

Суть жизни

День за днём, за годом год
Думку думает народ:
Как же так, идут столетья,
А народ всё так же мрёт?!

Вроде рабство отменили,
Крепостных всех распустили,
Нет царей и нет господ —
А народ всё так же мрёт?!

Уж не царство-государство —
С коммунистами мытарство,
Мира стал Союз оплот,
Но народ не меньше мрёт...

Штаты нас завоевали —
Перестройкой то назвали.
Всё дозволено, но вот —
Наш народ всё больше мрёт.

Нас в войну не победили,
Так ковидом заразили.
Стал ослабленным народ,
Ненамного больше мрёт.

Знаем: всех дороже жизнь.
За неё, браток, держись;
Повышай иммунитет
От ковидных всяких бед,

Думай больше о хорошем,
Да о тех, кто всех дороже.
Жизнью правильной живём,
Хоть и знаем, что умрём.

Знай, кончина — не конец,
Так поведал нам мудрец:
Тело тленно, Душа — нет,
Вновь воплотимся на Земле.

А ковида ты не бойся —
О Душе побеспокойся:
Радуйся и развивайся
Да с дитяами забавляйся.

Пусть народ всё так же мрёт,
И придёт и наш черёд,
Главное — счастливым будь!
Верно, в этом жизни суть...

Благодарю

Спасибо Создателю, Вселенной, всему
За то, что я в этом Мире живу;
За Солнце, за Небо, за Воду, Луну,
За Ветер. И я в этом мире живу.

Я предков, родителей благодарю —
С их помощью я в этом Мире живу.

Спасибо дедам, что ушли на войну,
Ведь я без войны в этом мире живу.

Спасибо земле, по которой хожу —
Стараньем её я сыта, я живу!
Всем низкий поклон, благодарность всему:
Я счастлива, что в этом мире живу!

г. Снежинск

107

Графман № 3(47)-2021

Наталья Челнова

Набрала ромашек скромный букет

Ромашковый рассвет

Я проснусь поутру
И к ручью побегу.
Выйду в поле и лес,
Чтобы встретить рассвет.

Там хрустальным напьюсь родником,
По росистой прохладе пройду босиком,
С березкою милой тепло обнимусь,
Ниве пшеничной до земли поклонюсь!

Моя родина, Русь — красота!
Неба огромного синь — высота!
Необъятная даль, широта:
Лепота! Лепота!

Лето. Утро. Жара.
Вокруг звенящая тишина...
Только журчанье игривое водопада-ручья
Да жужжание смелое в полёте шмеля.

Кажется, будто на свете совсем я одна.
От такой красоты замирает душа:
Море ромашек, ромашек поля,
Россия-Русь, сторонка моя!

Остановившись, губами шепнула:
«Русь в ромашках утонула!..»

Я капли-жемчужинки нежно встряхнула,
О своем, о девичьем, тихонько всплакнула...
В сердечке уставшем вдруг стало светло...
Вот оно, счастье, родное, моё!

Набрала ромашек скромный букет.
В аромате чудесном — ранний рассвет:
«Россия, сторонка,
С добрым утром! Привет!»

В краю родном

Шум берёз, запах хвои душистой,
Он нам с детства, с пелёнок знаком,
С материнским впитался в нас молоком.

Полноводье озёр,
Неба синь и простор...
Величавость старинных гор,
Да, красив уральский узор!

И какой бы другой я ни шла стороной,
Не найду я лучше сторонки родной,
Чем Урал живописный, горный, седой!

п. Новосинеглазово

Наталья Шашлева

Осень улыбнулась на прощанье мне

Я рисую осень

Я рисую осень в цвете золотом.
Может, кто-то спросит: что же там, потом?
А вокруг желтеют нивы на полях,
И рябина рдеет гроздьями в садах.
Осень золотая, ты пришла опять
Щедрую рукою землю украшать.
Разбросала листья, краски разлила,
Пригласила дождик и гулять пошла.

Я рисую осень в цвете голубом:
Неба синь большую вижу за окном.
Улетают птицы в дальние края,
Унося на крыльях месяцы тепла.
Осень голубая слезы льёт опять.
Дождь стучится в окна, стало холодать.
Вспоминаю лето: море, солнце, жар.
И в душе осталась радость — жизни дар.

Я рисую осень в цвете серебра.
Холодом повеяло с раннего утра.
Застывают лужи и короче день;
Осень прочь уходит, удлиняя тень.

Осень, осень, осень — по земле прошла.
Ах, какая осень — всюду красота!
Я с тобой гуляю в сказочной стране.
Осень улыбнулась на прощанье мне.

Конь

Рыжий конь пронёсся рядом,
Словно солнце, весь в огне.
Только он родился рыжим —
Не обжечься мне.
Стал огромным и красивым:
Грива на ветру — в размах.
И несётся он по полю,
Как на крыльях, парусах.
На приволье он гуляет,
Видно вдалеке.
Так и хочется с ним вместе
Прокатиться мне.

п. Увельский

И Гоголь такой молодой¹

И какой же российский чиновник не любит в общем и целом быстрой езды и дельной командировки?

Его ли душе, стремящейся уточниться, вырешиться и обогатиться целиком и полностью, не любить её?

Как же не любить её, вышеизложенную, постольку, поскольку в ней значимость и интерес на все сто процентов.

Кажись, чрезвычайно ответственная сила подхватит тебя на крыло самолёта, и ты летишь, и вся обстановка летит: летят километры, мчатся такие же командировочные чиновники на мягких облучках своих комфортных «фордов» и «мерседесов». И едет простой люд в поездах и тесных автобусах в масках, стараясь оберечь себя от «коронавирусной чумы», которая появилась неизвестно откуда и зачем. «Хитрый, видать, биоснаряд, не простым был сработан умом. Не топором и долотом, а наскоро в тайных лабораториях, чтобы никто не мог разобраться в нём». А в умах народа только один вопрос: «Будет ли когда-нибудь конец всей этой вакханалии?»

И вот лайнер набрал высоту и легко несёт тебя над сёлами и городами. И — о чудо! С высоты твоему взору открываются сельские и городские рынки. Рынки пестрят разнообразием фруктов и овощей. Красота неопишуемая! Раньше у нас всего не хватало, но зато теперь всё есть, как будто напоказ. Но где это выросло? Конечно же, не на наших российских полях. Всё это выращено в дальнем зарубежье, в Турции, Греции, Египте, Израиле и даже в странах Южной Америки. Вот где! В лучшем случае в ближнем зарубежье. Они могут выращивать, а мы нет. Нам это не по плечу. И торгуют-то всё заморские да зарубежные купцы. А цены-то, цены какие? Они год от года растут не по дням, а по часам. Наверно, их тоже поливают обильно стимуляторами роста, чтобы не отставали от фруктов и овощей. Морковка наша доморощенная стала по цене за сто рублей кило. Дороже, чем эквадорские заморские бананы, доставленные за тысячи верст. Как это всё поместить в голову нашему простому народу?.. Думай, чиновник! Думай!

Когда-то на просторах нашей необъятной Родины совхозы и колхозы на полях с плодородными землями выращивали всё и богатели. Теперь все поля поросли бурьяном и ядовитым борщевиком. «Эх, полюшко-поле, полюшко, широко поле. Что же случилось с тобой, мое Поле? Где же наш Пахарь? Чего ещё ждёт? Быть может, мы хуже других народились? Зато у нас много нефти и газа. Эх, Россия, матушка Россия! Не измерить тебя аршином, а умом тебя действительно не понять!

Чудная была российская тайга при любой погоде, когда, всецелая, она была раскинута на бескрайних просторах Сибири. Зеленокудрые сосны, кедровые ели! Смотрите вы на полевые цветы, смотрите и насмотреться не можете, налюбоваться их красивым цветом и улыбаются, приветствуете их, кивая им своими ветвями. В просторы же тайги никто, кроме солнца и голубого неба, не глянет. А в этой тайге плавно и спокойно несут свои воды таёжные реки. И редкая птица долетит до середины полноводной Лены или седого Енисея. Редкий зверь проберётся через зелёные чащи. Не заскрипит, не застучит в ней вороватый скрежет пил и топоров. Глядишь — и не верится, что это зелёное море без меры в ширину, без конца в длину раньше не горело и не дымило. И человек, и каждая птица, и зверь рады были её красоте. Сколько богатств хранила эта зелёная кладовая. И не было ей конца и края. Любо было тогда и яркому солнцу оглядеться с высоты и погрузить свои ласковые и жаркие лучи в зелёную прохладу таёжного моря. И это зелёное море пело и слагало прекрасные легенды.

Теперь под крылом самолёта уже не поёт, а сильно стонет горелая тайга. И согласовано и несогласованно со всех сторон уплывает за рубеж варварски вырубленная и похищенная древесина с тёмными стандартами елей и сосен, с топорным стуком, и со скрежетом пил, и с «сорочьими» безответственными лозунгами и рекламами.

Бежит ухабистая, в рытвинах, забытая чиновниками дорога невесть куда, в пропадающую даль резолюций и чего-то ещё не учтённого, не охваченное в бездарном, бесплановом хозяйстве. Что-то сверхсметное заключено в вышеуказанном быстром мелькании, где не успевают зарегистрироваться во входящих документах моментально ликвидируемый предмет. И только в персональном порядке, не подотчётное, но изрядно засорённое всевозмож-

¹ Мнение редакции не совпадает с мнением автора.

ными и невозможными газами и дымом, с продырявленными озоновыми дырами небо, да безответственные сверхштатные облака, да подотчётный месяц продолжают стоять неподвижно на платформе природы.

Теперь под крылом лайнера, который оставляет после себя тысячи кубометров CO₂, можно разглядеть бесчисленные буровые и нефтяные вышки, неизвестно кому принадлежащие, да стальные трубы, опутавшие, как обручем, Землю, качающие миллиарды кубометров «народного достояния» во все концы мира, наполняя тем самым офшорные банки долларами и евро.

А вот горят синим пламенем свалки бытовых отходов с суммарной площадью в миллион квадратных километров, испуская отравляющий газ.

Горят сёла, горят леса и торфяники, и бегут, и летят очумелые звери и птицы, ища защиты у Всевышнего.

А пожарный десант летит и летит на парашютах, чтобы укротить огненного Змея Горыныча своими беспомощными брызгалками, и никак не может. А чиновники по кабинетам сидят или по командировкам спуют, в ус не дуют, а пилоты из самолётов на горящую, стонущую тайгу воду льют, переливая из пустого в порожнее.

Вот под крылом самолета новая картина. Видны трубы, по которым потечёт водичка из озера Байкал в Поднебесную. Китайские чиновники имеют страстное желание пить чистую байкальскую воду, и для этого идут на любые ухищрения. А российские чиновники, по понятной им причине им помогают.

Вскоре показалась река Волга, когда-то многоводная и могучая русская река, воспетая поэтами, а ныне обмелевшая, оскудевшая, помутневшая. И невольно вспоминаются Некрасовские строки «Выдь на Волгу, чей стон раздаётся над великою русской рекой?!» Стонет наша могучая Волга. А вместе с ней стонет и плачет обмелевшая река Лена, потому что перестаёт быть тоже судоходной. Стонут многие реки и водоёмы о том, что перестают быть многоводными, судоходными и чистыми. Стонут моря и океаны, загрязнённые бытовыми отходами и стеклопластиком. Стонут рыбы и животные, обитающие в них. Стонут сёла, города и люди от чиновничьего произвола, от природных и техногенных катастроф.

А вот по рекам плывут разрушенные наводнениями остатки жилых и производственных строений. Среди всего этого есть погибшие люди и животные.

Стонет Земля и плачет,
Скажите, что это значит?
Человек её сильно губит,
Знать, её он совсем не любит.
Словно червь её душу точит,
И никто ей помочь не хочет.
Тот, кто хочет помочь, — не может.
Тот, кто может, — не хочет!

Эх, «Единая Россия», чрезмерная Россия! Кто тебя только выдумал?

Есть данные предполагать, что только у бойкого и честного руководства ты могла бы возродиться и поставить все проблемы на повестку дня.

Не в немецких ботфортах, а в китайской спецодежде, и не ямщик на облучке, а тот, кто по списку числится, и сидит чёрт знает где, и как долго будет сидеть...

А народ ждёт.

И вот она, «Единая», ухватив бразды правления и закусив удила, единогласно понеслась, понеслась, понеслась... Кони вихрем, спицы в колёсах смешались в единый гладкий круг, Только дрогнула дорога! И-и-и!.. Остановился проситель с протянутой рукой...

Эх, кони, кони, что за кони?! Какая сила заложена в вас?!

Не так ли ты, новая Русь, вне плана, в какую сторону в порядке спешности несёшься?

Дымом дымится под тобою земля, горят поля и леса, мелеют реки, рушатся мосты, утопают в наводнениях города, сёла, а с ними и люди.

Бранятся братские народы, жившие когда-то мирно в одной дружной и большой семье.

В каком направлении несёшься?

По какому ведомству?

По какой смете?

А что будет завтра?

Дай ответ своему обманутому страдальческому народу!

Ответа нет...

Идеология в России

Бытует мнение, что идеология — это пережиток прошлого, атрибуты XX века, когда они представляли собой, казалось бы, нерушимые скалы. Идеология сегодня представляется как нечто искусственное, навязанное человеку вопреки его природе.

Не является исключением в такой оценке и современная буржуазная Россия, которая на законодательном уровне закрепляет своё отношение к этому понятию. Так, статья 13 Конституции РФ запрещает устанавливать государственную или обязательную идеологию. Такое положение закона якобы является «вакциной от болезни прошлого», признанной не допустить повторения «тоталитаризма», закрепления «враждебной человеку идеологии».

Однако даже правящий класс и его служба признают, что в стране всё не так хорошо, как хотелось бы.

Положение настолько критично, что даже федеральные СМИ поднимают тему создания для страны «новой государственной идеологии».

Общественная повестка даже не ставит вопрос о существовании в России идеологии. У РФ нет идеологии.

Так ли это на самом деле?

Согласно определению, которое даёт Большая Советская Энциклопедия, идеология — это «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение данных общественных отношений».

В классовом обществе идеология всегда носит классовый характер, отражая положение данного класса, его интересы. Нынешнее российское общество есть общество классовое, господствует в котором буржуазия.

Следовательно, и доминирующая идеология тут носит классовый характер, отражает интересы господствующего класса. Взгляды и идеи этого общества направлены на укрепление существующей общественно-экономической формации. Специально обученные люди профессионально занимаются идеологической обработкой населения. Она строит государственные образовательные программы в ключе получения узкого набора навыков, необходимых для исполнения специфической, строго ограниченной трудовой функции. Образование готовит человека-функцию, который так нужен работодателям.

В. И. Ленин в своей работе «Что делать?» говорил: «Всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от неё означает тем самым усиление идеологии буржуазной».

Следовательно, за разговорами о порочности социалистической идеологии, перекладыванием всех нынешних проблем РФ на Советский Союз и его «тоталитарную» идеологию скрывается укрепление буржуазной идеологии в её различных формах, удобных правящему классу.

И. В. Сталин ещё в начале XX века в своей работе «Анархизм или социализм?» писал, что идеология существует не только у пролетариата в виде социализма, но и у класса-антагониста. Её название — либерализм.

В СМИ часто употребляется слово «либерализм». Что же оно обозначает?

Либерализм — буржуазное идеологическое и общественно-политическое течение, объединяющее сторонников буржуазно-парламентского строя, буржуазных свобод и свободы капиталистического предпринимательства.

Либерализм — система взглядов, согласно которым социальная гармония и прогресс человечества достижимы лишь на базе частной собственности путём обеспечения достаточной свободы индивида в экономике и во всех других сферах человеческой деятельности (ибо общее благо якобы стихийно складывается в результате осуществления индивидами их личных целей).

Итак, в период, когда Сталин выпустил вышеуказанную работу, буржуазия руководствовалась одной из основных форм своей идеологии — либерализмом.

Обратимся к Конституции.

Часть 2 статьи 8 устанавливает защиту для главной опоры для правящего класса капиталистов — частной собственности. В перечне других форм собственности она занимает первое место, что говорит само за себя.

Важно то, что объектом частной собственности могут быть земля и природные ресурсы (ч. 2 ст. 9 Конституции).

Изменение экономического базиса общества с социалистического на капиталистический было главной целью переродившейся верхушки КПСС. Закрепление частной формы присвоения и разрешение на использование наёмного труда (эксплуатация человека человеком) на уровне закона стало юридическим оформлением разделения общества на классы.

Таким образом, буржуазное российское государство обманывает трудящихся. Оно в Конституции запрещает государственную идеологию, но по умолчанию возводит либерализм в ранг таковой, закрепляя на конституционном уровне все столпы главной идеологии буржуазии.

Государственная идеология находится в переходной форме, в неопределённом состоянии, стремясь к реакции. Одна фракция постепенно концентрирует в своих руках государственную власть и не желает подпускать к этому пьедесталу кого бы то ни было. Она уже не терпит конкуренции, не терпит новшеств и равенства, а её идеологией становится консерватизм, национализм и ещё более реакционные формы (усиливается диктатура, ужесточается законодательство).

Подводя итоги, приходим к выводу, что в современной России идеология существует, и она вполне официальна. Суть её неизменна — охрана и укрепление капиталистической общественно-экономической формации.

Выход один — построение государства на основе подлинной национальной идеи и социальных принципов справедливого распределения материальных благ и правового равенства всех категорий граждан.

г. Армавир

Приходите ко мне в дом

Как я грибы собирала

Встану рано на заре,
побегу в лесочек.
Под берёзой и на пне
там найду грибочек.

Подберёзовик большой,
грузди да опята.
Вот под ёлкой собрались
рыжие маслята.

В чаще леса отыщу
хитрые лисички.
Я грибами угощу
белку и синичку.

Белый гриб отдам ежу,
зайцу — груздь хрустящий.
Будет нынче у зверей
праздник настоящий!

Раздала свои грибы,
целое лукошко,
И оставила себе,
ну... совсем немножко!

Очень я люблю зверей

Очень я люблю котят,
И щеночков, и зайчат,
Медвежат, ежат, тигрят,
Разных птичек — всех зверят.

А когда я подрасту,
Домик выстрою в лесу —
Стану главным лесником.
Приходите ко мне в дом

Белка, ёжик и лиса,
Лось, косуля и коза,
Заяц, мишка и барсук,
И кабан, и бурундук.

Соберу в лесу грибов,
Напеку я пирогов,
Раздобуду молока
Для лесного для кота.

Накормлю своих гостей
Всех пород и всех мастей.
Очень я люблю зверей!
Люди, будьте к ним добрей!

г. Челябинск

Анатолий Омельчук

Стихи детям

Привет от Иванова

Я первоклассник, живу возле школы
Всем доказал: не боюсь я уколов.
Как-то простуду я вдруг подхватил,
Пот всю подушку мою промочил.
Доктор ко мне, улыбаясь, зашёл,
Сразу поставил мне нужный укол.
И с восхищеньем сказал: «Молодец!
Ты настоящий, Ванюша, боец.
Страх свой давно ты уже поборол,
Чтоб он обратно к тебе не пришёл.
И набирайся терпенья и сил,
Чтобы болезнь ты шутя победил».
Знайте, ребята! Я снова здоров!
Вам посылает привет Иванов.

Андрюша — чемпион

Все смотрите — это он!
Наш Андрюша — чемпион!
Финиш трудный позади,
Сколько радости в груди!
Познакомимся с героем
И ответим: почему
Он режима верный воин,
Строго следует ему.
Рано утром, встав с кровати,
С папой делает зарядку
И всегда бежит с ним кросс,
Даже в дождик иль в мороз.
Очень вас прошу, ребята,
Лень подальше отогнать.
И, конечно, результаты
Не заставят долго ждать.

г. Челябинск

Валентина Почтарёва

Я решил таким остаться

Скоморошка

Как у нашего Антошки
Балалайка есть, гармошки,
Колокольчики звенят,
Веселят они ребят.

А на ножках лапоточки,
На рубашке — поясочки:
Красный, синий, голубой —
Выбирай себе любой.

Ворот яркий, расписной
Вышит нитью золотой.
Ну и парень наш Антошка!
Плясунок и скоморошка.

Всех он любит развлекать,
Что умеет, показать.
Ложки пляшут и играют,
За собою зазывают.
Заплясали дружно: ух!
Аж захватывает дух!

Рыжик

Рыжик, рыжий, золотой,
Расскажи, как стал такой!
— Да я с солнышком играл,
Оттого и рыжим стал.
С солнцем бегал по опушке,
От него горят веснушки...
Так смеялись мы до слёз,
Что стал рыжим цвет волос!
Но пришла пора расстаться,
Я решил таким остаться...
— А скажи, хитруля, прямо,
Как зовёт ребёнка мама?
— Проще нет таких вещей,
Меня кличут — Тимофей!

Красота

Художник кисточкой рисует
Берёзку в парке и цветы,
А ветер реченьку целует,
Играя волнами воды.
И травка зелена, душиста,
И стелется она ковром.
Как на душе светло и чисто...
Картиной я украшу дом.

Бабушкины сказульки

Мир без добра что день без солнца

Ромашка и Колокольчик

На солнечной поляночке на зелёной травке росла-жила белая Ромашка. Травка была мягкой, как коврик, и это радовало Ромашку. Каждое утро Ромашка встречала солнышко, поворачивая и поднимая свои мягкие зелёные стебельки и белые лепесточки своей головки, и шептала: «Доброе утро, солнышко». А солнышко нежным лучиком гладило её по белой головке и улыбалось. Затем Ромашка пила каплю росы, которую дарила ей ночка, и радовалась жизни. «Как хорошо!» — говорила она, покачиваясь от лёгкого ветерка. Одно всегда огорчало ромашку: с ней не было рядом её подружек-ромашек. Они росли вдалеке, на другой лужайке. И всегда весело кивали ей своими чудными белыми головками, приветствуя её. А Ромашке так хотелось быть рядом с ними в белом хороводе цветов! От этого ей становилось ещё печальней.

Однажды подул сильный ветер, сверкнула молния, и полил дождь. Ветер с такой силой раскачивал тоненькие веточки, что ромашка испугалась, как бы не сломался её хрупкий стебелёк. Ромашка наклоняла головку к земле так низко, словно пила капли дождя на мокрой травке.

Стих ветер, закончился дождь, выглянуло солнышко, стало тепло и тихо. Только капли дождя переливались изумрудами на мокрой травке. Всё это радовало Ромашку.

Через несколько дней Ромашка заметила рядом с собой маленький росточек. Он был ещё слаб, но его нежные листочки тянулись к солнышку.

Сначала Ромашка не обращала внимания на новый росточек, но он рос всё быстрее и набирал силу. День ото дня становилось жарче. Растениям не хватало влаги. Росточек стал увядать. Он опустил свои листики низко к земле. «Нет, нет!» — закричала Ромашка.

Каждое утро она отдавала каплю росы ему, поглаживая росток своими листочками и укрывая от солнца.

— Ничего, — шептала Ромашка. — Всё будет хорошо!

Но вот набегала маленькая тучка, пошёл небольшой дождь. Растениям хватило этой влаги, чтобы утолить жажду. И чудо! Возле Ромашки вырос голубой Колокольчик. Он был хорош собой, с резными лепестками.

— Кто же Вы? — смущённо спросила Ромашка.

— Я Ваш друг Колокольчик. Вы спасли мою жизнь, и я всегда буду рядом с Вами.

Нежные трели Колокольчика понеслись повсюду, прославляя доброту Ромашки.

Как она была рада! У неё есть друг Колокольчик. Теперь вместе они радовались солнышку, приветствуя его каждое утро. Солнышко дарило им тёплые лучи и радовалось вместе с ними. Дальние ромашки кивали им своими белыми головками, выражая радость за свою подругу. И только ветерок, перебирая листики, знал, откуда появился этот обаятельный друг у ромашки. Это он принёс маленькое семечко друга ромашки, а дождь полил. Вот такая история счастливой Ромашки и Колокольчика. Дружба, дающая тепло и заботу, даёт жизнь всем, любящим добро и радость.

Кузнечик Кузя

На лужайке в зелёной травке жили-были кузнечики-попрыгунчики. Они весело стрекотали и вместе прыгали высоко с листика на листик, с цветочка на цветочек. Им было весело оттого, что светит солнышко и есть такая замечательная лужайка. В травке со своей мамой жил кузнечик Кузя. Он был непослушным кузнечиком. Мама волновалась за него:

— Осторожно, Кузенька, не повреди ножку!

Но кузнечик её не слушал и прыгал высоко и далеко. Однажды, прыгая с цветочка в травку, он увидел Божью коровку. Спинка у неё была красная в мелкий чёрный горошек.

— Привет! — застрекотал кузнечик. Ему сразу понравилась эта медлительная, но красивая коровка. — Ты умеешь прыгать, как я? Эх ты, неумейка!

— Зато я умею летать! — сказала коровка и распрямила свои маленькие крылышки. Она взлетела на маленький цветочек и опустилась на траву. Кузнечик засмеялся, схватившись за животик и потрясая своими ножками.

— Смотри, — сказал он и прыгнул так высоко, что самому стало страшно. С большой высоты Кузя упал на травку и понял, что повредил ножку. Ему было очень больно, но он старался не показывать её маленькой Божьей коровке.

— Садись ко мне на спинку, и я отвезу тебя домой.

— Не надо, я сам, — ответил кузнечик. Но как только он поднял ножку, боль пронзила её, и Кузя застонал.

— Ничего, — сказала Божья коровка, — влезай ко мне на спинку, быстро!

Кузе ничего не оставалось, как послушать новую знакомую. Коровка взмахнула крылышками и взлетела. Пролетев небольшое расстояние, коровка приземлилась. Кузнечик был крупнее неё. Так, с остановками, они добрались до лужайки, где жили Кузя с мамой.

— Что случилось, Кузя? И кто это?..

Кузнечик не успел отблагодарить свою спасительницу, так как она быстро и незаметно исчезла.

Когда лапка у кузнечика зажила, он стал всюду искать Божью коровку. Когда на деревьях и в траве стали появляться жёлтые листья, Кузя встретил незнакомку. Она ползла по травке, собирая последний нектар и пыльцу.

— Здравствуй, Божья коровка! Я так долго искал тебя, чтобы отблагодарить. Пойдём к моей маме, я познакомлю тебя с ней!

— Не стоит, Кузя! Ты здоров, и хорошо!

Кузнечик низко наклонил колокольчик, стряхивая с него пыльцу в знак благодарности. Коровка ещё больше засмушалась.

— Приходи ко мне в гости! Мы будем с тобой дружить!

Божья коровка взмахнула крылышками и улетела.

«Какая она красивая и добрая! — подумал Кузя. — Завтра я помогу ей собрать что-нибудь вкусенькое!»

И счастливый кузнечик от удовольствия прыгнул высоко и заторопился к своей маме, чтобы поделиться с ней радостью этого дня.

г. Чебаркуль

ШПИОНСКИЙ ЯЗЫК

На уроке русского языка мы проходили тему: «Фразеологизмы. Фразеологические выражения». На доске были записаны отличительные особенности этих устойчивых сочетаний:

Фразеологические выражения

Пословица — это краткое (лаконичное) законченное высказывание. В ней в прямом (буквальном) или в переносном (иносказательном) смысле, как правило, в складной форме, передаётся поучительная информация.

Примеры:

- «Тише едешь — дальше будешь»;
- «Волков бояться — в лес не ходить»;
- «Под лежащий камень и вода не течёт».

Поговорка — это краткое незаконченное высказывание (часть пословицы), в котором образно фиксируются какие-либо жизненные явления, без поучительной информации.

Примеры:

- «Нашла коса на камень»;
- «Друзья познаются в беде».

Афоризм — это краткое высказывание, в котором в нестандартной форме заложена аналитическая мысль о чём-либо, вошедшее в нашу жизнь как образец народной мудрости.

Примеры:

- «Глупы из скандалистов оба»;
- «Тот, кто умеет, тот делает; кто не умеет, тот учит»;
- «Жалок тот ученик, который не превосходит своего учителя»;
- «Математика — это единственный совершенный метод водить самого себя за нос».

Крылатая фраза — это краткое высказывание, получившее широкое распространение в народе.

Примеры:

- «Ну что, влип, очкарик?!»;
- «Хотели как лучше, а получилось как всегда»;
- «Жить хорошо... А хорошо жить — ещё лучше!»

— Вот, ребятки-котятки, — сказала Анна Сергеевна, наш преподаватель русского языка и литературы, оглядываясь на доску, — посмотрите и запишите себе в тетрадь эти определения и примеры.

Она взяла в руки указку и пошла по классу, чтобы посмотреть на то, как ведут запись ученики. После небольшого перерыва учительница продолжила:

— Так что же такое «фразеологизм»? Это устойчивое и неделимое предложение или словосочетание, представляющее собой своеобразный скрытый намёк на какие-либо обстоятельства, смысл которого при дословном переводе на другой язык понять невозможно.

— Это что, шпионский язык, что ли? — удивился Саша Перепёлкин.

— В некотором смысле ты прав, — улыбнулась Анна Сергеевна. — Представим, что Паша — иностранец.

Все улыбнулись.

— И вот Паша о чём-то долго думает, но никак не может найти решение. А ты ему говоришь:

— У Вас уже пар из ушей валит, сэр!

Смех.

— Ему переводят твои слова, и он в ужасе хватается за свои уши, а затем смотрит на тебя ничего непонимающими глазами...

— У Вас глаза на лоб вылезли, сэр! — опять говоришь ты ему.

Опять все засмеялись.

— Он тут же схватится за глаза... Всё в порядке. И от удивления Паша откроет рот...

— У Вас челюсть отвисла, сэр!

Хохот.

— Одной из разновидностей фразеологизмов являются фразеологические выражения: поговорки, пословицы, крылатые фразы и афоризмы. Есть и другие формы фразеологизмов, но сегодня мы с вами поговорим о выражениях.

И вдруг что-то привлекло внимание Анны Сергеевны. В конце среднего ряда между собой шептались близнецы Мишка и Сашка Лукошкины. Преподаватель подошла к ним и строго сказала:

— Прикусите себе язык!

— Не, — сморщился Мишка, — больно будет!

— Заметьте, ребята, — обратила наше внимание Анна Сергеевна, — я при помощи фразеологизма: «Прикусите себе язык!», который является поговоркой, попросила братьев Лукошкиных замолчать. Просьба была сделана в переносном смысле, а понята — в прямом!

Учительница вернулась к своему столу.

— Кто у нас знает пословицы? — спросила она у класса.

Поднялся лес рук.

— Какие пословицы ты знаешь, Паша?

Паша как из пулемёта застрочил:

— «За одного битого двух небитых дают»; «Семеро одного не ждут»; «Семеро с ложкой, один с сошкой»; «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

— Садись. Что у нас знает Оксана?

— «Кто не работает, тот не ест»; «Делу время, а потехе час»; «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда».

— Я гляжу, все знают. А как насчёт поговорок?

Море рук.

— Давай, Александр.

— «Дорога ложка к обеду»; «На Бога надейся, а сам не плошай»; «От сумы да от тюрьмы не зарекайся»...

— Теперь нам ответит Маша.

— «Целует — значит, любит»...

— А если «бьёт»? — усмехнулся кто-то.

— Не перебивать! И давно пора знать, что тот, кто обижает девочек, поступает ниже своего достоинства.

— Да это я так, к слову... — послышалось оправдание.

— Продолжай, Маша.

— Ой, а я забыла, — вдруг сконфузилась та.

— Ну, не беда. Потом вспомнишь. Так, достаточно.

Учительница положила на стол указку и хитрым взглядом обвела весь класс:

— А теперь, ребята, давайте-ка сами попробуем составить пословицы и поговорки.

Сможем?

— Сможем! — дружно ответили ученики.

— Так, на какую тему будут наши фразеологизмы? — задумалась педагог. — Ах, да. Посвятим их нашей школьной жизни. Например, можно составить свою поговорку, основываясь на уже существующей. Возьмём поговорку: «Первый парень на деревне». Теперь попробуем её переделать в соответствии с нашей темой. Кто предложит свой вариант?

— «Первый лодырь в коллективе», — тут же последовал ответ Лены Котлецово́й.

Все засмеялись и невольно стали оглядываться назад, в сторону Вовки Журавлёва. Тот нахмурился, засопел и недовольно буркнул:

— Ну, что уставились? Явление Христа народу, что ли?

— Молодец, Вова, — обрадовалась Анна Сергеевна. — А ведь фраза: «Явление Христа народу» тоже фразеологизм, а точнее — крылатое выражение. Оно широко распространено в народе.

Учительница снова прищурилась:

— Ну, а кто сможет переделать поговорку: «Гусь свинье не товарищ»?

Все задумались. Но вот поднял руку Ручейков:

— Я могу! «Завуч неучу не товарищ!»

Опять по рядам покатился смех.

— Вот видите, это совсем не сложно, — улыбнулась Анна Сергеевна. — Теперь давайте попробуем сделать из поговорки пословицу. Допустим, ученик получил в школе двойку. Как это можно сказать другими словами?

— Схватил пару, — раздалось из первого ряда.

— Хорошо. А с чем у вас ассоциируется слово «пара»?

— Со словом «пар», — молниеносно последовал ответ.

— А если так, то как может звучать фраза о том, что учитель поставил ученику двойку?

— Вкатил пару...

— Впарил...

— Запарил...

— Вот сколько. Оттолкнёмся от последнего варианта: «запарил». Кстати, у него теперь есть и другое значение: «замучил». Что у нас получится в данном случае?

— «Учитель запарил ученика», — усмехнулся Саша.

— Лучше: «Учитель неуча запарил», — поддержал его Паша.

— Ну вот, — сказала Анна Сергеевна, — половина пословицы у нас уже есть. Составим вторую половину. Так. Пар. Где у нас бывает пар? В бане бывает. Что придумаем?

— «В баню ученик пошёл...», — предложил Саша.

— Не, лучше: «Неуч пошёл», — возразил Паша.

— Ладно, пусть будет неуч. Что у нас получается?

— «В баню неуч пошёл, учитель неуча запарил».

Класс засмеялся.

— Нет, немного не то, — покачала головой учительница. — Лучше будет после запятой поставить «да»... Кто сможет пословице придать приглядный вид, тот получит пять в дневник! Хм. Надо же, прямо-таки в рифму получилось.

Первой подняла руку Маша Котовская. Анна Сергеевна ей кивнула.

— «Хотел неуч в баню сходить, да учитель неуча запарил»!

— Молодец, Маша. А какой смысл у пословицы?

— Если сделаешь всё вовремя, то не будет у тебя проблем. Или: «Сделал дело — гуляй смело».

— Пять! Давай свой дневник.

— Эх, — вздохнул Паша, — упустили пятёрку, а была уже почти в кармане.

— В кармане — не считается, — с сожалением констатировал Саша.

— Не расстраивайтесь, ребята, — успокоила их учительница. — Ваши пятёрки вас ждут, если, конечно, выполните домашнее задание на завтра. Что же касается сочетания «в кармане», то это тоже является одной из форм фразеологизмов.

— А задание на завтра будет такое, — сказала она, уже обращаясь к классу, — нужно будет каждому из вас составить по несколько фразеологизмов разных форм. Если у кого-то возникнут с этим проблемы, то можно обратиться за помощью к своим родителям или к своим друзьям. Всем всё понятно?

— Всем! — пошёл гул по классу.

Преподаватель посмотрела на часы:

— Да, урок пролетел незаметно.

И тут же раздался звонок.

Была зима. На улице мороз. Чтобы не замёрзнуть, все старались добираться до дому бегом. Не исключением были и Саша с Пашей. Друзья, что было духу, неслись по тропинке к дому. Неожиданно Паша остановился. Остановился и Саша.

— Спорим, что я больше тебя пословиц и поговорок придумаю! — заявил другу Паша.

— А спорим — я! — ответил тот.

— На что спорим?

— На два пломбира!

— Давай!

Друзья подали друг другу руки, и Паша рукопожатие разрубил.

— Ой, прошляпил ты, Сашка, своё мороженое! — ухмыльнулся Паша.

— Как же, — усмехнулся тот, — держи карман шире!

На следующий день, ещё до урока русского языка, друзья уселись за последнюю парту. Кто же победитель? Оба достали свои тетрадки и принялись это выяснять.

Сначала свою тетрадку открыл Паша:

— Гляди!

На её первой странице было написано:

«В школе — **два** за год — год за **два**»;

«В школе отпрыск ковёр застилает»;

«Полетели **гуси-лебеди** хозяев искать»;

«Учебник — долой, а шпаргалку — с собой»;

«Потерять ключ от учебника»;

«Неучей на контрольных работах косят»;

«Дороги знания, да незнание дороже обойдётся»;

«Каждый **трояк** — праздник»;

«Получи **пять**, либо по пятой точке»;

«Наглого мальчика — долой с крыльца»;

«Силён титан, да болван»;

«Стучал о стенку дятел — и спятил».

— А что значит: «В школе отпрыск ковёр застилает»? — поинтересовался Саша.

— Ну, это когда в школу родителей вызывают... «на ковёр».

— А вот это: «Потерять ключ от учебника»?

— Представь, что ты ни разу не открывал учебник. Почему? Потому что ключ от него потерял! Здорово, правда? Учись, пока я жив! — задрал нос Паша. — А у тебя что?

Саша открыл свою тетрадку:

«Хорош Кондрат, да маловат (слабоват)»;

«Хорош помидор, да колюч забор»;

«Хороша Маша, да плоха каша»;

«Всем хорош Федот, да вот только жмот»;

«Красна на стволе мушка, да не стреляет пушка»;

«Купил бы парчи, да нет денег на харчи»;

«Без нитья нет житья»;

«Баба не права, а качает права»;

«Умён Андрей, да жена сильнее»;

«Ушёл Сергей, и нет вестей»;

«Хитёр бобёр, да муравей ему нос утёр»;

«На работе залил глаза, на завтра сливай воду».

— Ну, явно не сам составлял! — возмутился Паша.

— Хм, и тебе тоже помогли. Это и без очков видно! — хмыкнул Саша.

— Ладно, давай считать. У меня двенадцать. А у тебя?

— И у меня двенадцать, — опешил Саша.

— Вот не везёт же! Придётся делить пополам. Как раз по одной на брата. Жаль.

Паша ещё раз пробежался глазами по Сашиным фразеологизмам и спросил:

— «Хорош помидор, да колюч забор». Это что ещё за помидор такой?

— Значит, что очень трудно что-то сделать.

— А последнее?

Саша улыбнулся:

— Если ты сегодня напился на работе, то уже завтра тебя уволят!

И вот начался урок. Анна Сергеевна проверила домашнее задание. Ребята получили свои честно заслуженные пятёрки.

Каких только фразеологизмов не придумали ученики нашего класса! Порой можно было просто со смеху умереть! Вот некоторые из них:

«Оседлать **пару**»;

«Заколоть дневник»;

«Замучить шпаргалки»;

«Дневник — **паровоз**»;

«**Колики** в дневнике»;

«Учёба на **«раз, два, три»**»;

«Дважды **два** — **два**, трижды **три** — **три**»;

«Нули складывать (перемножать)»;

«**Пары** нормальные явления»;

«Ученики — **два на два** и **два на три**».

и так далее и тому подобное.

Что же касается друзей, то они с удовольствием съели своё мороженое и уже опять не прочь посоревноваться

г. Челябинск

Кто придумал сценарий?

(Вовчики)

Арамис болеет

В последнее время Вовчик увлёкся мушкетёрами. Ну да, той самой великолепной четвёркой. И все сюжеты игр и «спектаклей» — мушкетёрские. Но вчера он простыл и в садик не пошёл (чему, естественно, он рад). А так как его симпатии направлены на Арамиса, то и Арамис болеет.

- Надо Арамиса навестить, — говорит дед.
  - Надо, — соглашается внук и чихает.
  - А что он любит? Мясо, фрукты?
  - Нет. Он любит кашу и ром.
  - «Ром» — это атавизм от увлечения пиратами.
  - Так, поехали в лавку за кашей!
  - Нет! — возражает Вовчик. — Сейчас он любит чихать.
- И чихает очередной раз.

Даже Портос

- Спектакль называется «Мушкетёры», — говорит Вовчик.
- Может быть «Мушкетёры короля»? — предлагает дед.
- Нет! «Мушкетёры!» Вася! Включай музыку!
- «Пора-, пора-, порадуемся на своём веку красавице, и кубку, и верному клинку», — поёт дед.
- Портос! — переходит на личности внук: дед у него — Портос, потому что толстый, — не «верному», а «счастливому»!
- Владимир Александрович, вы ведёте себя невоспитанно: кричите, — корит дед внука.
- Мушкетёры — все воспитанные, — парирует Арамис и добавляет: — Даже Портос, хотя он толстый.

Куплю носки

Мушкетёры гуляют по Парижу. Увидели рыбака. Рыбак выловил из Сены почему-то щуку и краба. Мушкетёры покупают у него улов.

- Мсье, а зачем вам деньги? — спрашивает у рыбака Портос. — У вас ведь есть одежда, пища.
- Это для жены, — отвечает рыбак-Вовчик.
- Зачем?
- Она гуляла под дождём — промочила ноги. — Куплю ей новые носки.

Ох, эти девчонки...

Вовчик неделю не был в садике: болел. Забрала его вечером из садика бабушка и спрашивает:

- Как дела?
  - Нормально.
  - С Кириллом играл?
  - Он болеет.
  - Может, с кем подружился?
- Внук молчит.
- С девочками, например.
  - С девчонками дружить, что морковку немывтую есть.

Цирк, да и только

После посещения цирка Вовчик попал под тотальное его обаяние. Вот он ходит сейчас по комнате, кругами, как по арене, и внушает деду:

- В цирке всё продумано, всё предусмотрено, как говорят учёные. А в театре — нет.

С чего он это взял — не знаю, но уверен в этом. Сквозит какая-то измена театру, но Вовчика это не смущает.

А вот он лежит на диване: «отдыхает». Дед спрашивает:
 — Почему лежишь?
 — Устал. Потому что работаю клоуном, фокусником и ещё... Васей: вся техника на мне.

Раньше я был слоном

Жучка, верная зрительница Вовчика, фанатка его, беседует со знакомым клоуном:

- А что вы едите?
- Не понял, — удивляется клоун.
- У вас диета?
- Да нет: я ем всё то же, что и вы.
- И косточки?
- И косточки.
- Так вы собака?
- Да, но никто об этом не знает. А раньше я был слоном.
- Когда?
- Когда я громко топал.

Вовчик в роли клоуна отвечает без запинки, без единой паузы.

Вовчик матерее

Вовчик стал уверенным на площадке. Даже, может быть, чрезмерно. Обсуждает с дедом эпизод из «Али-бабы»:

- У них в сундуке золото. Разбойники любят золото. А сундук закрыт.
- Пусть скажут: «Сим-сим», — предлагает дед.
- Дед! Им же не пещеру подарили, а сундук! Ключик нужен.
- Или же дед предлагает:
- Давай я буду этим разбойником.

А внук в ответ вздыхает:

- Не судьба! Не светит тебе, дед. Старый ты, чтобы быть актёром.
- Что дальше будет?

Народ мешает

Как-то Вовчик сказал: «Дед, прости, но баба не умеет играть в театр». А тут вдруг заявляет:

- Мы с бабой играем в политический театр.
  - Как это?
  - Из «Лего» делаем президентов. А сейчас будем играть с тобой. Не в «Лего», по правде. Я — Грудинин, а ты — кто?
  - А почему ты Грудинин?
  - Потому что он с усами.
  - Так они все там «забородели»: и Явлинский, и Титов.
  - Ты будешь Титовым, — беспардонно распределяет роли режиссёр.
  - А что делать Титову?
  - Цель — стать президентом, — объясняет Вовчик
- Вовчик уже знает, что в театре «действие» — это преодоление препятствий на пути к цели.
- А какие препятствия? Что мешает?
  - Народ мешает: не выбирает его, — отвечает внук.

Прости, Жучка

Распределяя роли в «политическом» театре, Вовчик говорит:

- Я Грудинин, ты, дед, Титов, а ты, Жучка, прости уж, Собчак.
- Режиссёр-политтехнолог Вовчик ходит по комнате и размахивает руками:
- Что сделано, я вас спрашиваю?
  - Делаем объявления, собираем народ, — докладывает дед.
  - А где будет спектакль?
  - Не спектакль, Владимир Александрович, а митинг.
  - Это всё равно. Какая разница.

Чей сценарий

— Плохой из тебя сценарист, — говорит внук деду и предлагает свой сценарий «спектакля».

И так получилось по этому сценарию, что Елену Прекрасную освобождают из плена втроём: Кощей, Иван и... Водяной. А Ивана послал царь-батюшка с приказом: найти Елену, освободить и жениться на ней. А Иван не хочет жениться. Вот освободили, и встала дилемма у Ивана: как увильнуть от женитьбы?

— Кощей, ты женат? — с надеждой спрашивает внук у деда.

— Да. На Бабе-яге.

— Водяной, ты женишься на Елене Прекрасной.

— Буль-буль! — радуется за Водяного дед.

— Нет! — вдруг переиграл всё внук. — Здесь все неженаты!

— Как же так? — удивился дед. — Кощей женат на Бабе-яге!

— А теперь — нет! Кто сценарист? Кто придумал сценарий, тот и решает.

г. Челябинск

Раньше в школьном курсе литературы обязательно изучали основные способы рифмовки, чтобы дать знание о том разнообразии положения в строфе рифмующихся пар (и более) слов, что должно быть подспорьем любому, хоть раз в жизни пишущему стихи. Но все забывается, и основная масса авторов как-то не спешит разнообразить свои строфы.

Смежная — рифмовка смежных стихов: первого со вторым, третьего с четвертым (аабб) (одинаковыми буквами обозначаются рифмующиеся друг с другом окончания стихов).

Это наиболее распространенная и очевидная система рифмовки. Этот способ подвластен даже детям в детском саду и имеет преимущество в подборе рифм (ассоциативная пара появляется в уме сразу же, она не забывается промежуточными строками). Такие строфы обладают большей динамикой, быстрее темпом прочтения.

Выткнулся на озере алый свет зари,
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Следующий способ — перекрестная рифмовка — пришелся по душе также большому количеству пишущей публики.

Перекрестная — рифмовка первого стиха с третьим, второго — с четвертым (абаб)

Хоть схема такой рифмовки с виду как бы чуть сложнее, но она более гибка в ритмическом плане и позволяет лучше передать необходимое настроение. Да и учатся такие стихи проще — первая пара строк как бы вытягивает из памяти вторую, рифмующуюся с ней пару (в то время как при предыдущем способе все распадается на отдельные двустишия).

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Третий способ — кольцевая (в других источниках — опоясанная, охватная) — уже имеет меньшее представительство в общей массе стихотворений.

Кольцевая (опоясанная, охватная) — первый стих — с четвертым, а второй — с третьим (абба).

Такая схема может даваться начинающим несколько сложнее (первая строка как бы затирается последующей парой рифмующихся строк).

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

И наконец, **сплетенная** рифма имеет множество схем. Это общее наименование сложных видов рифмовки, например: **абвабв**, **абввба** и др.

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои.

В заключение полезно отметить, что не всегда следует так уж жестко, строго и догматично придерживаться неких канонических форм и шаблонов, ведь, как и в любом виде искусства, в поэзии всегда есть место оригинальному. Но все же, прежде чем кидаться в безудержное придумывание чего-то нового и не совсем изведанного, всегда не мешает удостовериться, что ты все-таки знаком и с основными канонами.

Строфы

Строфа — от греч. *strophe* — оборот, кружение. На порядке расположения рифм в стихах основывается такая сложная ритмическая единица стихотворных произведений, как строфа.

Строфа — это группа стихов с определенным расположением рифм, обычно повторяющимся в других равных группах. В большинстве случаев строфа являет собой законченное синтаксическое целое.

Наиболее распространенными видами строф в классической поэзии прошлого были: четверостишия, октавы, терцины. Наименьшей из строф является двустишие.

Существуют также строфы:

- онегинские;
- балладные;
- одические;
- сонеты;
- лимерики.

Четверостишия

Четверостишие (*катрен*) — наиболее распространенный вид строфы, знакомый всем с раннего детства. Популярен из-за обилия систем [рифмовки](#).

Разновидности стихотворений

Акrostих

За термином **акrostих** скрывается достаточно редкий, но весьма интересный и многими любимый вид стихотворения. Первые буквы всех строк в нем образуют какое-нибудь слово или словосочетание, позволяя зашифровать таким образом послание или придать новый смысл. Написание таких стихов требует изрядной доли мастерства и удается не каждому. Это несколько напоминает буриме и может использоваться в качестве прекрасной игры или поэтической тренировки.

Лазурный день
Угас, угас.
Ночная тень —
Ах! Скрыла нас.

Следует отдельно оговорить еще две разновидности подобного стихотворного творчества: это **мезостих** (слово образуют буквы в середине каждой строки) и **телестих** (где используются конечные буквы).

В качестве примера одной из разновидностей акrostиха — так называемого алфавитного акrostиха — где первые буквы строк составляют весь алфавит (без й, ь, ъ, ы) — и телестиха приведем два произведения одного из наших авторов.

Фиалка

Абсолютно пустынная местность,
Безымянные темные скалы...
Вечной тенью покрыта окрестность,
Где покрытые мхом перевалы
Да долины имеют дыханье,
Его звук слегка в воздухе разлит...
Жизнь — пустое без смерти страданье,
За страданьем — бессмертие манит...
И не слышно ни строчки, ни слова,
Красота пустоты завлекает,
Лишь притянет — отбросит, и снова
Меня тихо к себе подзывает.
Но в пустыне я чую движенье,
Одинокое, но непростое
По долине немое круженье,
Радость роста чего-то иного.
Солнце светит особенно ярко,

Так торжественно, так вдохновенно...
 У горы вырастает фиалка —
 Фиолетовая королева.
 Холод или тепло — без различья,
 Цвет не важен, важней радость роста,
 Что бывает в миллионах обличий...
 Шаг вперед сделать очень непросто:
 Щит незримый — как камень в ограде.
 Эх, быть может, все это — напрасно?
 Юркий ветер фиалку погладил —
 Я увидел, она так прекрасна...
 (Ясный Рассвет)

Канава

О, люди! Это вовсе не пустяк:
 Нетороплива, даже величавА,
 Корабликов бумажных караван
 Несёт, хоть не вода в ней, а отравА,
 Природные законы все попраВ,
 Обычная вонючая канавА.
 (Ясный Рассвет)

Вольный стих

Как ответить на вопрос: чем речь стихотворная отличается от прозаической? Большинство источников сходятся на том, что стихотворная — речь мерная, обладающая особой ритмической организацией, позволяющей отличить ее от любой другой. Как видим, о рифме как обязательном элементе здесь ничего не сказано. Именно поэтому мы находим множество примеров стихов, казалось бы, не совсем отвечающих тем системам и правилам, которые рассмотрены в настоящем руководстве. Вот о них-то и пойдет речь в ближайших разделах.

При всей своей гибкости стихотворные размеры не всегда могут удовлетворять автора, который пытается передать какие-то конкретные особенности простой разговорной речи — его сковывает необходимость чередовать ударные и безударные слоги, выдерживать количество стоп. Но вероятно, надо было сказать «сковывала», ибо существует такое явление как **вольный стих**. Особенность такого стиха — строфы как таковые могут отсутствовать, все строки состоят из произвольного количества стоп. Рассмотрим пример:

Позвольте... видите ль... сначала
 Цветистый луг; и я искала
 Траву
 Какую-то, не вспомню наяву

В этом примере первые две строки — четырех-, третья — одностопная, а в последней уже пять стоп. Именно такая структура помогла автору выразить: 1, 2 — раздумье, 3 — припоминание, 4 — пояснение. И это все в четырех строках и, заметьте, с соблюдением рифмы. Рифма, кстати, обязательна в вольном стихе (знать, не так уж он и волен). И в восприятии такой стих нередко может и выигрывать, если сравнивать его с обычным. Другой пример — Борис Заходер, отрывок из «Песни игрушек» («Веселые картинки», № 5, 1986):

Дети любят игрушки.
 Так все говорят!
 Ну а разве игрушки
 Не любят ребят?
 Очень любят!
 Души в них не чают!
 Жаль,
 Что это НЕ ВСЕ замечают!..

Также очень часто вольный стих встречается в баснях («Вороне где-то Бог послал кусочек сыра и т. д.»)

Смешанный стих

У вольного стиха имеется одна особенная разновидность — **стих смешанный**, который отличается тем, что у него чередуются строки различных размеров:

Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохи, без радости слезы;
Что было сладко — горько стало,
Осыпались розы, рассеялись грезы...

В этом примере ямбические четырехстопные строки чередуются с четырехстопными же амфибрахическими стопами. Но так как один размер двусложный, а второй — трехсложный, то общее количество стоп различается.

Верлибр

Когда вольных стихов уже стало недостаточно, чтобы мастер мог полностью выразить себя в слове, оказалось, что есть еще незадействованные степени свободы — ведь можно полностью порвать со всеми правилами традиционных систем стихосложения. И стих вырвался на свободу. Он оторвал от себя размер, упорядоченные паузы, рифму, отказался от деления на строфы — стал поистине свободным (фр. *vers libre*) — **верлибром**. В таком стихе ритм (который создается повторением каких-либо однородных элементов) иногда очень трудно уловим. И как же иначе, если в нем единственным ритмообразующим элементом является членение речи на стихи и разделяющие их межстрочные паузы. То есть в его основе лежит однородная синтаксическая организация, с которой произносят каждую из стихотворных строк-фраз свободного стиха. Только эта повторяющаяся интонация и определяет своеобразный ритм стихотворения. В качестве примера можно привести русские переводы современных англо-американских (да и прочих иностранных) авторов.

* * *

Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы
напали на него все страны вселенной,
Мне мнилось, что это был город Друзей, какого еще никогда
не бывало.
И превыше всего в этом городе крепкая ценилась любовь,
И каждый час она сказывалась в каждом поступке жителей
этого города.
В каждом их слове и взгляде.

(Уолт Уитмен (Walt Whitman), перевод К. Чуковского)

В иноязычной поэзии вообще существуют несколько иные критерии подхода к созданию произведения, что может зависеть от каждого конкретного языка (если это не касается твердых форм: сонетов и пр.), ибо любой язык обладает уникальной интонационной структурой, повторение которой в другом не будет иметь успеха. К слову, в английской литературе может встречаться древний вид стихотворений, совсем уж экзотичный для нас, хоть и несколько похожий на верлибр (что и дало ему вторую жизнь). Ритмообразующим элементом в нем является трехкратное повторение в каждой строке одного согласного звука, причем если в первой строке было: звук — срединная цезура — звук — звук, то так будет и в каждой последующей, без перестановок (хоть звуки могут быть разными). Таким стихом был написан древнеирландский эпос «Беовульф» и еще ряд памятников письменности.

Белый стих

Еще одной разновидностью стиха, отошедшей (хоть и в меньшей степени) от канонов стихосложения, стал **белый стих**. На слух он более приятен, чем верлибр, ибо отброшена в нем сущая мелочь — рифма. Метрическая организация осталась неизменной — при прочтении однородных стихов с рифмой и без дискомфорта от перехода не ощущается. Белым стихом написаны многие сказания и авторские стилизации под них. Для иллюстрации приводится небольшой отрывок из сказки Геннадия Апановича:

Наступило красно утро
В середине где-то марта,
А по тропочке средь леса
Добрый молодец идет.

Он ходил в далеки страны,
Повидал немало дива
И теперь спешит вот к дому
Через десять целых лет.
Соловишка песнь выводит,
Счет годам ведет кукушка,
Ну а думы все Еремы
К родной горнице летят...

Стихи в прозе

Под занавес рассмотрим промежуточную художественную форму между свободным стихом и прозой — **стихи в прозе**. Это произведение поэтическое по содержанию и прозаическое по форме (в начале XX века его однозначно относили в поэзии). Как правило, в стихах в прозе есть размер. Сейчас такие стихи несколько подзабылись, а ведь еще М. Ю. Лермонтов писал:

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновение гордился он ею!..

Электронная версия альманаха размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 3(47)/2021

Литературный альманах

Редактор *А. А. Мишутин*

Корректор *Е. С. Меньшенина*

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 17.08.2021 г. Гарнитура «Constantia».

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 10,40.

Заказ № 100.

Тираж 95 экз.

Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ООО «Фотохудожник»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.

Телефон редактора альманаха «Графоман»: 8 908 570 83 97.

E-mail: mishutin1940@mail.ru